

К 200-летию

Института востоковедения РАН

**Труды Института
востоковедения РАН**

Выпуск 17

Труды Института востоковедения РАН

Серийное издание ISSN 2587-9502

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ СЕРИИ:

Андросов Валерий Павлович – *председатель*

Наумкин Виталий Вячеславович, академик РАН – *сопредседатель*

Демченко Александр Владимирович – *ученый секретарь*

Аликберов Аликбер Калабекович

Белокреницкий Вячеслав Яковлевич

Железняков Александр Сергеевич

Романова Наталья Геннадиевна

Саутов Владимир Нилович

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ СЕРИИ:

Акимов Александр Владимирович

Алаев Леонид Борисович

Александров Юрий Георгиевич

Алпатов Владимир Михайлович

Белова Анна Григорьевна

Бурлак Светлана Анатольевна

Ванина Евгения Юрьевна

Васильев Дмитрий Дмитриевич

Воронцов Александр Валентинович

Десницкий Андрей Сергеевич

Другов Алексей Юрьевич

Захаров Антон Олегович

Звягельская Ирина Доновна

Каменев Сергей Наумович

Карасова Татьяна Анисимовна

Катасонова Елена Леонидовна

Кобзев Артем Игоревич

Кузнецов Василий Александрович

Любимов Юрий Васильевич

Мамедова Нина Михайловна

Микульский Дмитрий Валентинович

Мосяков Дмитрий Валентинович

Настич Владимир Нилович

Орлова Кеemia Владимировна

Панарин Сергей Алексеевич

Плотников Николай Дмитриевич

Пригарина Наталья Ильинична

Сарабьев Алексей Викторович

Смагина Евгения Борисовна

Суворова Анна Ароновна

Шаляпина Зоя Михайловна

Шаумян Татьяна Львовна

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

Труды
Института востоковедения РАН

Выпуск 17

АРХИВНОЕ ВОСТОКОВЕДЕНИЕ
(Материалы симпозиума к 200-летию ИВ РАН)

Москва
ИВ РАН
2018

Редколлегия выпуска:
д.и.н., профессор В.В. Беляков,
к.и.н., профессор Д.Д. Васильев,
к.и.н. О.М. Курникова,
к.и.н. Н.Г. Романова,
к.и.н. Д.М. Тимохин,
к.и.н. Н.К. Чарьева

Труды Института востоковедения РАН, Вып. 17: Архивное востоковедение (Материалы симпозиума к 200-летию ИВ РАН) / Редкол.: В.В. Беляков, Д.Д. Васильев, О.М. Курникова, Н.Г. Романова, Д.М. Тимохин, Н.К. Чарьева. — М.: ИВ РАН, 2018. — 252 с.

ISSN 2587-9502

ISBN 978-5-89282-845-1

Очередной выпуск Трудов института востоковедения РАН «Архивное востоковедение» содержит сборник материалов Международного симпозиума к 200-летию ИВ РАН и входит в серию изданий, посвященных 200-летию отечественного востоковедения. Представленные в этом выпуске статьи содержат обширную информацию по различным аспектам востоковедческих исследований, базирующихся на архивном материале. Для отечественного востоковедения работа с первоисточниками, их поиск, перевод и публикация всегда были одной из приоритетных задач, в связи чем работа именно с архивным материалом была и остается одной из важнейших компетенций, отличающих специалиста высокого уровня. Начиная с времени формирования отечественного востоковедения, в трудах его классиков, и вплоть до наших дней архивные источники являются собой важнейший материал для решения исследовательских задач. В связи с этим в год юбилейных торжеств по случаю 200-летнего юбилея отечественного востоковедения уместным было обратить внимание на архивные изыскания, достижения в этой области и новые методики работы с источниками. Материалы выпуска Трудов института востоковедения РАН «Архивное востоковедение» могут представлять интерес, как специалистов в области востоковедения, так и для историков-архивистов, работающих в иных областях исторической науки.

СОДЕРЖАНИЕ

От редколлегии	11
Список участников симпозиума и темы докладов.	17
<i>Ünal U. Özlenen dünya barışında arşivlerin rolü ve önemi.</i>	20
<i>Унал У. Роль и значение архивов в обстановке желанного мира во всем мире</i>	24
<i>Антошин А.В. Российская антикоммунистическая эмиграция в Восточной Азии в годы «холодной войны»: новые документы из архивов США и Германии</i>	28
<i>Арсланова А.А. Персоязычные рукописи из коллекций Г. Баруди и Ш. Марджани в собрании Научной библиотеки им. Н.И. Лобачевского Казанского (Приволжского) Федерального университета.</i>	41
<i>Беляков В.В. Советская миссия в Египте.</i>	54
<i>Валеев Р.М., Валеева Р.З., Василюк О.Д., Дьяков Н.Н., Кириллина С.А., Мартынов Д.Е., Мейер М.С., Хайрутдинов Д.Р. Страницы истории российского востоковедения: переписка А.Е. Крымского с отечественными востоковедами (В.Р. Розен, В.В. Бартольд, В.Ф. Минорский)</i>	65
<i>Васильев А.Д., Васильев Д.Д. О чем писали русские полковые газеты, издававшиеся на Кавказском фронте в Первую мировую войну</i>	85

<i>Кадырбаев А.Ш.</i> Разведывательная миссия Е.В. Путятина в проливах Босфор и Дарданеллы в 1833 г. (по материалам Российского государственного архива ВМФ)	92
<i>Кончак И.</i> Почему Василий Петрович Никитин не решился переселиться в Польшу? Анализ переписки Никитина с Тадеушем Ковальским	99
<i>Курникова О.М.</i> Путевые заметки дипломатов и путешественников как географический источник по истории эялета Кефе XV–XVIII вв.	111
<i>Малевинская М.Е.</i> Фонды РГАВМФ как источник по изучению вопросов востоковедческой тематики . . .	124
<i>Мишкинене Г.А.</i> Изучение и публикации восточных текстов литовских татар.	130
<i>Мустакимов И.А., Сень Д.В.</i> Восточные источники по истории взаимоотношений османского Азова и Донского казачества.	144
<i>Рыженков М.Р.</i> Сборник материалов по Азии.	163
<i>Столяров А.А.</i> Надписи на крупных объектах как источник по истории раннесредневековой Индии (на примере надписей династии Пала)	220
<i>Тихонов Ю.Н.</i> Советско-афганские переговоры о военном союзе в 1919–1920 гг. (по архивным документам).	228
<i>Христофоров В.С.</i> Описание «внутреннего» и зарубежного Востока в обзорах советских спецслужб 1920-х — 1930-х годов: темы, термины, идеи.	235
Summary	249

CONTENTS

From editorial	11
List of symposium participant and topics	17
<i>Ünal U.</i> Özlenen dünya barışında arşivlerin rolü ve önemi.	20
<i>Ünal U.</i> The role and importance of archives in the desired world peace	24
<i>Antoshin A.V.</i> Russian anti-Communist emigration in East Asia during «the cold war»: new documents from the archives of the USA and Germany	28
<i>Arslanova A.A.</i> Persian manuscripts from the collections of G. Barudi and Sh. Marjani in the Fund of the Scientific library after N. Lobachevsky of Kazan (Volga region) Federal University	41
<i>Belyakov V.V.</i> Soviet mission in Egypt	54
<i>Valeev R.M., Valeeva R.Z., Vasilyuk O.D., D'yakov N.N., Kirillina S.A., Martynov D.E., Mejer M.S., Hajrutdinov D.R.</i> Pages of the history of Russian Oriental studies: correspondence of Crimean with Russian Orientalists (V.R. Rosen, V.V. Barthold, V. Minorsky)	65
<i>Vasil'ev A.D., Vasil'ev D.D.</i> What Russian regimental newspapers published on the Caucasian front in the First world war.	85

<i>Kadyrbaev A.Sh.</i> E.V. Putyatin's reconnaissance mission in the Bosphorus and Dardanelles Straits in 1833 (based on the materials of the Russian state archive of the Navy)	92
<i>Konchak I.</i> Why Vasily Petrovich Nikitin did not decide to move to Poland? Analysis of correspondence Nikitin Tadeusz Kowalski	99
<i>Kurnikova O.M.</i> Travel notes of diplomats and travelers as a geographical source on the history of eyalet Kefa XV–XVIII centuries	111
<i>Malevinskaya M.E.</i> RSAN funds as a source for the study of issues of Oriental studies.	124
<i>Mishkinene G.A.</i> Study and publication of Eastern texts of Lithuanian Tatars.	130
<i>Mustakimov I.A., Sen' D.V.</i> Eastern sources on the history of relations between the Ottoman Azov and the don Cossacks	144
<i>Ryzhenkov M.R.</i> Collection of materials on Asia.	163
<i>Stolyarov A.A.</i> Inscriptions on large objects as a source on the history of early medieval India (on the example of inscriptions of the Pala dynasty)	220
<i>Tihonov Yu.N.</i> Soviet-Afghan negotiations on the military Union in 1919–1920 (according to archival documents)	228
<i>Hristoforov V.S.</i> Description of the «internal» and foreign East in the reviews of the Soviet special services of the 1920s–1930s: themes, terms, ideas.	235
Summary	249

ОТ РЕДКОЛЛЕГИИ

В современном отечественном востоковедении накоплен огромный фонд исследований, основанных на изучении архивных материалов. Среди них — официальные документы, свидетельства исторических событий, обзоры, донесения и записки востоковедов, дипломатов, военных, верой и правдой служивших Отечеству. Это и личные дневники, письма, карты, фотографии и зарисовки, которые также являются ценнейшими источниками для историков. Без этого обширнейшего наследия немислимо представить любые востоковедческие изыскания, будь то филология, история, экономика, политика, культура народов Востока.

Сбор архивных материалов по определенной тематике — процесс очень трудоемкий. Материалы эти неоднородны и весьма различны по характеру, объему, степени достоверности, сохранности и читаемости. Учитывая особенности восточных языков, следует также иметь в виду шрифтовые, почерковые, а иногда и криптографические особенности документа. Хранилища, фонды, досье, где могут быть обнаружены интересующие исследователя документы, часто также непредсказуемы, и поэтому архивные изыскания можно приравнять к научной экспедиции, а находка забытого документа становится открытием исторического памятника.

Для отечественного востоковедения поиски, сбор, научная обработка и публикации письменных источников, в том числе и архивных, традиционно были одним из приоритетных и снискавших профессиональное уважение направлений. На протяжении истории нашей науки внимание к архивной ори-

енталистике не было равномерным. Нынешний повышенный интерес к изысканиям и публикации архивных раритетов связан, прежде всего, с активным развитием практического востоковедения, потребностями администрации почти любого уровня в своих решениях ссылаться на исторические прецеденты, правовые и регионально-традиционные казусы. Мы являемся свидетелями того, как в ряде случаев подготовка востоковедами, как для отечественной дипломатии, так и для региональной администрации обоснований законодательных решений оказывается наиболее удачной (что особенно важно для национальных регионов), если она основана на традиции, сведения о которой почерпнуты из архивного наследия. И часто комментированное переиздание даже известного профессионалам-историкам архивного документа становится сенсационным открытием и необходимым инструментом для практика-пользователя.

Собственно востоковедческие фонды, связанные с регионами, ведомствами или персоналиями, структурно выделены в ряде крупных российских и зарубежных архивов. Однако помимо неравномерного использования даже этих тематически объединенных документов практически неизвестными остаются многочисленные материалы, хранящиеся в архивных фондах, казалось бы, не имеющих прямого отношения к истории стран Востока. В подобной ситуации особенно актуальным становится сотрудничество архивистов-востоковедов как академических, так и архивных учреждений. Одной из форм этого и стало специальное периодическое издание, сочетающее с одной стороны профессиональный с точки зрения архивиста уровень публикации документа, а с другой — компетентный комментарий ориенталиста.

Архивные фонды стали более доступными для научных изысканий, и это создает благоприятные условия для возрождения одного из направлений классического отечественного востоковедения. В связи с этим в Институте востоковедения РАН, в Отделе истории Востока более 20 лет назад был

специально создан Сектор архивных публикаций, в котором работают востоковеды разных поколений, а при Обществе востоковедов РАН была создана Архивная комиссия, в состав которой вошли коллеги из других учреждений Российской Федерации.

Эти первые мероприятия показали очевидную необходимость разработки методики, которая сочетала бы правила и нормы публикации архивного документа (часто на редком восточном языке) и научную компетенцию востоковеда, готовящего к изданию исторический источник. Совершенствование опыта, меняющиеся условия пользования архивными материалами, консультации и взаимодействие с коллегами, работающими в архивах, международное сотрудничество обосновали необходимость выпуска периодического издания. И в 1998 г. в Отделе истории Востока Института востоковедения РАН вышел первый номер журнала «Восточный архив». Дальнейшее становление журнала связано с приходом в Отдел Виталия Ивановича Шеремета, который с энтузиазмом взялся за привлечение новых авторов и совершенствование методики архивной ориенталистики. После его кончины основная работа по формированию номеров и отбору материалов для публикаций успешно ведется руководителем Сектора Владимиром Владимировичем Беляковым.

За эти годы вышли в свет 38 номеров журнала, опубликовано более 400 научных статей. Спектр направлений исследований востоковедной тематики хронологически охватывает все исторические периоды Востока от древности до наших дней. Это статьи о востоковедении и востоковедах, материалы и документы, посвященные истории стран Востока. В частности, публиковались материалы и документы, связанные с историей Афганистана, Алжира, Балканских стран и Средиземноморья, Египта, Индии, Ирана, Индонезии, Китая, Кореи и Монголии, Марокко, Сирии, Ливана, Туниса, Османской империи и Республиканской Турции, государственных

образований и народов Центральной Азии, Эфиопии, Японии, Крыма и Кавказа, народов Азиатской России.

Одной из целей, которые ставила для себя редколлегия, стала активизация сотрудничества профессионалов-архивистов и ученых-востоковедов в деле выявления, сбора, анализа и публикации с научными комментариями архивных документов по политической и этнической истории, культурному наследию и религиям народов Востока. Возглавившие работу редколлегии академик Виталий Вячеславович Наумкин и ведущий научный сотрудник Владимир Владимирович Беляков вместе с коллективом Сектора архивных публикаций продолжают на страницах журнала развивать сотрудничество востоковедов-архивистов. Именно с этой целью были проведены четыре Международные конференции «Архивное востоковедение» в 2008, 2011, 2014 и 2017 гг. Участниками конференции были отечественные и зарубежные специалисты. В работе конференций были представлены крупнейшие центры отечественного востоковедения из Москвы, Санкт-Петербурга, Казани, Кавказа, Новосибирска, Владивостока.

На примере последней конференции (ноябрь 2017 г.) можно проследить, насколько широк спектр проблем, которые обсуждались на заседаниях. Архивные документы, представленные участниками, дают возможность по-новому взглянуть на такие вопросы, как причины голода в Казахстане в 1921–1922 г.; деятельность восточных «националистических» центров в СССР в 1920-х гг.; сатирическое восприятие Революции 1917 г. в ее «восточном ракурсе»; история советско-афганских отношений в период правления Надиршаха (1931–1939 гг.); неизвестные ранее документы из Одесского государственного архива (древности Баб эль-Газус); деятельность В.Н. Татищева как главы Калмыцкой комиссии при Коллегии иностранных дел (1741–1745 гг.); съемки фильма «Вьетнам» в 1945–1955 гг. Р.Л. Карменом; открытие в Лейденском университете (Нидерланды) Азиатской библиотеки; британская миссионерская активность на Ближнем Востоке

в XIX в.; израильские архивы как источник востоковедческих исследований; советская тюркология 1970–1990 гг. в письмах; встречи советских дипломатов и эмигрантов в Египте в конце Второй мировой войны; и многие другие.

По предложению редколлегии журнала Отдел истории Востока ИВ РАН начал издание серии книг, которую можно было бы назвать «Библиотекой журнала «Восточный архив»». В этой серии публикуются сборники документов и монографии, основанные на архивных материалах. Первыми книгами в этой серии стали работы постоянного автора нашего журнала из Екатеринбурга А.В. Антошина «Золото Сеннара. Египет и Судан глазами уральского мастера золотодобычи XIX века», руководителя Сектора архивных публикаций Отдела истории Востока ИВ РАН В.В. Белякова «Египет глазами россиян XV–XVIII веков. Сборник хождений», дневник-травелог чиновника Азиатского департамента МИД Российской империи Е.Ф. Тимковского «Путешествие в Китай через Монголию в 1820 и 1821 гг.» с предисловием, статьями и комментариями Д.Д. Васильева, В.Г. Дацышена и Д.В. Дубровской, «Православные святыни Балкан» в материалах Русской Македонской экспедиции 1904 г.» и «Крым в прошлом: в старых фотографиях» из российских архивов, опубликованная в серии трудов Турецкого исторического общества на двух языках и выдержавшая уже два издания. Обе последние книги подготовлены на материалах российских фотоархивов Г.В. Длужневской и Д.Д. Васильева.

Интерес к работе востоковедов Сектора архивных публикаций и в том числе публикациям журнала «Восточный архив» за рубежом обусловил участие Сектора в трех международных проектах: совместно с Азиатским обществом в Калькутте, Турецким историческим обществом им. Ататюрка и Эфиопским исследовательским центром.

В течение периода издания журнала редколлегия подготовила несколько тематических выпусков. Один из них был посвящен истории отечественного востоковедения и вышел на-

кануне Международного конгресса востоковедов (ICANAS-37), который состоялся в Москве в августе 2004 г. Специальные номера были также посвящены юбилею Победы в Великой Отечественной войне, событиям Восточной (Крымской) войны середины XIX в. и некоторым другим важным для востоковедов историческим событиям.

И очередная V Международная научная конференция, материалы которой представлены в этом сборнике, посвящена юбилею — 200-летию Института востоковедения РАН. Кроме представленных в сборнике материалов и сообщений, в работе конференции приняли участие и выступили с докладами отечественные и зарубежные специалисты из ведущих научных учреждений. Полный состав участников и темы докладов приведены нами на страницах этого сборника.

*В.В. Беляков, Д.Д. Васильев, О.М. Курникова,
Н.Г. Романова, Д.М. Тимохин, Н.К. Чарыева*

СПИСОК УЧАСТНИКОВ СИМПОЗИУМА И ТЕМЫ ДОКЛАДОВ

1. *Анайбан З.В.*
Тема доклада: Историко-архивный дискурс о вхождении Тувы в состав СССР.
2. *Аникеева Т.А., Зайцев И.В.*
Тема доклада: Материалы по тюркскому фольклору в российских архивах.
3. *Антошин А.В.*
Тема доклада: Российская антикоммунистическая эмиграция в Восточной Азии в годы «холодной войны»: новые документы из архивов США и Германии.
4. *Арсланова А.А.*
Тема доклада: Персоязычные рукописи из коллекций Г. Баруди и Ш. Марджани в собрании Научной библиотеки им. Н.И. Лобачевского Казанского (Приволжского) Федерального университета.
5. *Беляков В.В.*
Тема доклада: Советская миссия в Египте.
6. *Васильев Д.Д., Васильев А.Д.*
Тема доклада: О чем писали русские полковые газеты, издававшиеся на Кавказском фронте в Первую мировую войну.
7. *Валеев Р.М., Валеева Р.З., Василюк О.Д., Дьяков Н.Н., Кириллина С.А., Мартынов Д.Е., Мейер М.С., Хайрутдинов Д.Р.*

- Тема доклада: Страницы истории российского востоковедения: переписка А.Е. Крымского с отечественными востоковедами (В.Р. Розен, В.В. Бартольд, В.Ф. Минорский).
8. *Вашари Иштван (Istvan Vasary)*.
Тема доклада: История изучения Золотой орды в Европе и России.
 9. *Горбунова Н.М.*
Тема доклада: Ливано-турецкие отношения в XXI веке.
 10. *Дробышев Ю.И.*
Тема доклада: Отражение монгольских имперских идей в средневековых европейских источниках.
 11. *Жигульская Д.В.*
Тема доклада: Алевиты vs Алавиты Турции: от общего к частному (по материалам полевых исследований в г. Хаджибекташ в провинции Хатай).
 12. *Кадырбаев А.Ш.*
Тема доклада: Разведывательная миссия Е.В. Путятина в проливах Босфор и Дарданеллы в 1833 году (по материалам российского государственного архива ВМФ).
 13. *Кончак Изабела (Izabela Konczak)*.
Тема доклада: Почему Василий Петрович Никитин не решился переселиться в Польшу? Анализ переписки Никитина с Тадеушем Ковальским.
 14. *Коркмасов А.Дж.*
Первая русскоязычная газета в Турции — «Стамбульские новости».
 15. *Курникова О.М.*
Тема доклада: Путевые заметки дипломатов и путешественников как географический источник по истории эялета Кефе XV–XVIII вв.
 16. *Малевинская М.Е.*
Тема доклада: Фонды РГАВМФ как источник по изучению вопросов востоковедческой тематики

СПИСОК УЧАСТНИКОВ СИМПОЗИУМА И ТЕМЫ ДОКЛАДОВ

17. *Мишкинене Г.А.*
Тема доклада: Изучение и публикации восточных текстов литовских татар.
18. *Мустакимов И.А., Сень Д.В.*
Тема доклада: Восточные источники по истории взаимоотношений османского Азова и Донского казачества.
19. *Романова Н.Г.*
Тема доклада: Из истории московского востоковедения (по материалам Кремлевских архивов).
20. *Рыженков М.Р.*
Тема доклада: Сборник материалов по Азии.
21. *Столяров А.А.*
Тема доклада: Надписи на крупных объектах как источник по истории раннесредневековой Индии (на примере надписей династии пала).
22. *Сыздыкова Ж.С.*
Тема доклада: Вклад российских научных экспедиций в изучение Средней Азии в конце XIX — начале XX вв.
23. *Тихонов Ю.Н.*
Тема доклада: Советско-афганские переговоры о военном союзе в 1919 — 1920 гг. (по архивным документам).
24. *Христофоров В.С.*
Тема доклада: Описание «внутреннего» и зарубежного Востока в обзорах советских спецслужб 1920–1930-х годов: темы, термины, идеи.
25. *Унал Угур (Uğur Ünal)*
Тема доклада: Özlenen dünya barışında arşivlerin rolü ve önemi (Роль и значение архивов в обстановке желанного мира во всём мире).

ÖZLENEN DÜNYA BARIŞINDA ARŞİVLERİN ROLÜ VE ÖNEMİ

Muhterem hazirûn, saygıdeğer hanımefendiler, beyefendiler!

Öncelikle hepimizi en kalbi duygularıyla selamlıyor, bu güzel etkinliği düzenleyen Şarkiyat Çalışmaları Enstitüsü Başkanı Sayın Vitaliy Naumkin ve ekibine teşekkürlerimi sunuyorum.

Ana teması “Doğu ve Batı: İnsan Uygarlığının Birliğine Doğru” olan bu toplantıyı dünya barışına katkı bağlamında ortaya konacak iyi niyet ve yaklaşımın bir göstergesi olması bakımından önemsiyor, savaşlarla yorgun insanoğlunun kalıcı bir dünya barışına kavuşması yolunda güzel sonuçlar doğurmasını diliyorum.

İnsanlık tarihi kısıtlı kaynakların paylaşımından doğan problemler nedeniyle çok büyük acılara sebep olan savaşlara şahit olmuştur. Tüm dünya ülkelerinin arşivleri bu paylaşım problemlerine ve sonuçlarına ait kayıtların tutulduğu milyonlarca belge barındırmaktadır. Bu bağlamda 2015 yılında I. Dünya Savaşı'nın yüzüncü yılında ev sahipliğini yaptığımız sempozyum sonunda, dünya arşivlerinde bulunan bu büyük ve yıkıcı savaşın izlerini yansıtan belge ve görsellerden oluşan bir yayın gerçekleştirdik. Bu yayının vesilesi ile savaşın içinde olsun olmasın pek çok devletin arşivlerinde bu yıkımın derin izlerine büyük bir üzüntüyle şahitlik ettik. Arzu ederiz ki arşivlerimizde bundan böyle barışın ve dostluğa ait belgelerin kaydını turalım.

Doğu ve Batı Medeniyetinin tasvip ettiği temel yaklaşım, elbette ki bir mekân bildirmenin ötesinde hayata bakışı, insanı ve tabiatı algılayışı, beslendiği kaynaklar çerçevesinde ortaya konan davranış biçimini ifade etmektedir. Tarihi seyri içerisinde imkânlar çerçevesinde bilim ve teknolojiyi üreten

İslam dünyasını da içine alan ve Doğu medeniyeti ile yaşamış olduğu tarihî tecrübeler ışığında rönesansı gerçekleştirerek bilim ve teknolojinin merkezine oturmuş Batı medeniyetinin asırlardır devam eden kavgasının artık varoluş gayesi olmaktan çıkartılması gerektiğine inanıyoruz.

“Büyük balık küçük balığı yer” bakışı ile dünyayı medeniyetlerin çatışma alanı gibi göstermek artık geçmiş yüzyılların felsefesi olarak kalmalıdır. Bugün bilim ve teknolojinin geldiği nokta hayatı insanlık için kolaylaştırdığı oranda üretilen kitle imha silahlarıyla korkunç bir boyuta ulaşmıştır. Konvansiyonel silahların yaşattığı acılardan çok daha büyük topyekûn imha olanakları sunan yeni teknoloji, tartışmalı konuları bölgesel olmaktan çıkarıp tüm dünyayı tehdit eden bir hale getirmiştir.

Bizler ülkelerin siyaset üreten bireyleri değiliz. Gayret ve enerjimizi bilimsel kriterler çerçevesinde doğup büyüdüğümüz coğrafyanın değerleri ile tüm dünyadan meslektaşlarımızın birikimlerinden istifade ederek tarihî tecrübeleri ortaya koyup; gerekli derslerin çıkarılması ve siyaset üreticilerin bu tecrübelerden istifade etmesini temin etmek ve dünya barışının sağlanmasına vesile olmaya çalışmakla mükellefiz.

Zengin arşivimizle, bölgemiz ve dünya tarihi için vazgeçilmez bir konumda bulunan Türk arşivlerinin idarecisi bir meslektaşınızım. Türkiye'nin çevresinde ve dünyada meydana gelen olaylara yaklaşımındaki yeni perspektifi ile gerek bölgesel barışın gerekse dünya barışının sağlanması hususundaki hassasiyetinin üzerimize yüklediği görevin bilinci içerisindeyiz. Bu bağlamda tarihimizin her dönemine sahip çıkarak, geçmişle yüzleşmekten çekinmeden ikili ilişkilerle birikimlerimizi paylaşıyoruz, paylaşmaya da devam edeceğiz.

Ülkelerimiz arasında tarihin çeşitli dönemlerinde gergin, sıkıntılı hatta savaşlı dönemler olmuştur. Biraz önce de izah etmeye çalıştığım gibi arşivlerimiz bu dönemlere ve tecrübelere ait belgelerle doludur. Karşılıklı ilişkilerimizi geliştirerek yapacağımız paylaşımlarla ayrılık noktalarından çok insanlığın ortak paydalarına ışık tutacak çalışmalar içerisinde bulunmalıyız.

Bu manada 2016 yılında arşivlerimizdeki belgelerden bir seçki şeklinde yayımlamış olduğumuz Cihan-Penâh–Osmanlı’dan Günümüze İnsanî Diplomasi- isimli kitap uluslararası siyasetten bağımsız, insanî duruşun ön plana çıktığı belgelerden oluşmaktadır. Bu çalışmamız Birleşmiş Milletler toplantısında Sayın Cumhurbaşkanımız Recep Tayyip Erdoğan tarafından dünya liderlerine takdim edilmiştir.

Elbette ki bu kitabın içeriğini oluşturan türde belgeler sizlerin arşivinde de bulunmaktadır. İşte izah etmeye çalıştığım hususa somut bir örnek olan bu tür çalışmalara biraz daha önem vermemiz ve sayılarını artırmamız gerekmektedir.

Yine belgelerimizden yapılan seçkilerle 2008 yılında yayımlamış olduğumuz Gökkuşbe Altında Birlikte Yaşamak – Belgelerin Diliyle Osmanlı Hoşgörüsü- isimli çalışmamız da bu bağlamda zikredilmesi gereken bir eserdir. Gökkuşbe altında birlikte yaşamak, başkalarının varlık sebebine saygı duyarak ve barış içinde. Evet ifade etmeye çalıştığım tam da budur.

Bu hem mensubu olduğumuz medeniyetin hem de meslekî ve bilimsel birikimlerimizin bize yüklediği bir düşüncedir. Bizler bilim insanları olarak içinde yaşadığımız medeniyetin ürettiği değerler çerçevesinde temeli insana ve tabiata saygı olan bir davranış ve düşünce biçimini geliştirmekle mükellefiz. Bizim devlete bakışımızın özü olan düşünce “*İnsanı yaşat ki devlet yaşasın*” sözü ile özetlenmiştir.

Duygu ve düşünce itibarıyla bu yaklaşımda olan bireylerin, sahip olacağı bilim ve teknoloji imkânlarını da insanın ve insanlığın refahı için kullanacağına şüphe yoktur.

Köklü bir ilim yuvası olan Rusya Bilimler Akademisi Şarkiyat Çalışmaları Enstitüsü’nü, teması “insan uygarlığının birliğine” yönelik bir toplantı yapmasından dolayı kutluyorum. İnanyor ve görüyorum ki duygu ve düşüncelerimiz aynıdır. Amacımız ortak duygu ve düşüncelerimizi hayata geçirme çabasıdır. Hepinizin yakından tanıdığı ve bu topraklarda yetişmiş İsmail Bey Gaspıralı’nın veciz ifadesi ile “dilde, fikirde ve işte birlik” çok önemlidir. Fikir birliği olanların, aynı yürek diliyle

Özlenen dünya barışında arşivlerin rolü ve önemi

yaptıkları iş birliđi sayesinde biz niyetimizi ve gayretimizi ısrarla göstereceđiz. Umuyoruz ki arşivlerimiz bundan sonra bu tür çabaların belgeleri ile dolar, barış ve huzur içindeki nesiller bu çabaların belgelerini okurlar.

Toplantının bölge ve dünya barışına vesile olacak sonuçlara ulaşmasını diler, hepinizi saygıyla selamlarım.

Prof. Dr. Uđur ÜNAL
T.C. Cumhurbaşkanlığı
Devlet Arşivleri Başkanı

РОЛЬ И ЗНАЧЕНИЕ АРХИВОВ В ОБСТАНОВКЕ ЖЕЛАННОГО МИРА ВО ВСЁМ МИРЕ

Уважаемое собрание, уважаемые дамы и господа!

Прежде всего, позвольте приветствовать вас от всего сердца и выразить благодарность руководителю Института востоковедения г-ну Виталию Наумкину и его сотрудникам, организовавшим это прекрасное мероприятие.

Считаю очень важным эту конференцию с ее главной темой «Восток и Запад: на пути к единству человеческой цивилизации», в свете вклада в мир во всём мире, с той точки зрения, что она станет свидетельством проявления доброй воли и позитивного подхода, и желаю, чтобы эта конференция дала прекрасные результаты в достижении прочного мира во всём мире для уставшего от войн человечества.

Человечество на протяжении своей истории стало свидетелем войн, возникавших из-за проблем раздела ограниченных ресурсов и принесших неисчислимые страдания. Архивы всех стран мира хранят миллионы документов, в которых зафиксированы эти проблемы и их последствия. В этой связи в 2015 году нами был проведён симпозиум по поводу столетия Первой мировой войны и по его итогам было осуществлено издание, в которое вошли документы и видеоматериалы, отразившие следы этой большой и разрушительной войны. При подготовке этого издания мы, к большому сожалению, стали свидетелями того, что это побоище оставило след в архивах очень многих государств, независимо от того, были они его участниками или нет. Однако мы хотели бы, чтобы впредь в наших архивах фиксировались документы о мире и дружбе.

Базовый подход к изучению, как восточной, так и западной цивилизаций, конечно же, не ограничивается только точками их совпадения, а выражает взгляд на жизнь, восприятие человека и природы, форму поведения, установленную в рамках используемых ресурсов. Мы считаем, что продолжавшийся веками раздор между включающей в себя и мусульманский мир восточной цивилизацией, которая в ходе истории создала науку и технологию в рамках своих возможностей, и западной цивилизацией, пережившей ренессанс в результате своего исторического опыта и ставшей центром развития наук и технологий, должен перестать быть целью существования.

Мнение, что «большая рыба пожирает маленькую», которое изображает Землю как поле битвы между цивилизациями, должно уже стать философией прошлых веков. Сегодня наука и технология дошли до такой точки, которая облегчает жизнь человечеству, но в той же степени их масштабы ужасают из-за производства оружия массового уничтожения. С точки зрения страданий, которые приносят обычные вооружения, новые технологии, предоставляющие ещё большие возможности для тотального уничтожения, вывели данную тему из регионального обсуждения и сделали это оружие угрозой для всего мира.

Мы не представляем учреждения, которые формируют политику государств. Наши усилия и энергия направлены на то, чтобы в рамках научных критериев, используя опыт той среды, где мы родились и выросли, а также опыт наших коллег по всему миру, извлекать необходимые уроки и обеспечивать использование этого опыта теми, кто формирует политику; мы обязаны трудиться ради обеспечения мира во всём мире.

Я являюсь вашим коллегой и руководителем турецких архивов, которые благодаря своему богатству имеют неоспоримое значение для истории нашего региона и всего мира. В подходе Турции к событиям вокруг неё и в мире в целом мы видим новые перспективы и осознаём, какие задачи возлагает на нас обеспечение мира, как в регионе, так и на всей

планете. В этой связи мы, помня о каждом периоде нашей истории, не боимся стать лицом к лицу с прошлым, не забываем позитивный опыт наших двусторонних связей и будем его помнить и впредь.

В различные периоды истории между нашими странами существовали напряжённость, натянутость и даже войны. Как я пытался объяснить выше, наши архивы полны документов о таких периодах и их историческом опыте. Развивая наши взаимосвязи, мы должны больше работать над тем, чтобы в общих трудах освещать больше не точки разлома, а общечеловеческие ценности.

В этом смысле изданная нами в 2016 году основанная на выбранных в наших архивах документах книга под названием «Гуманитарная дипломатия от османов до наших дней» (Cihan-Penâh–Osmanlı'dan Günümüze İnsanî Diplomasi) состоит как раз из документов, которые на первый план ставят человеческую позицию. Этот наш труд был представлен Президентом Реджебом Таййибом Эрдоганом мировым лидерам на сессии Генеральной Ассамблеи ООН.

Конечно, документы такого типа, как представленные в этой книге, имеются и в ваших архивах. И таким работам, представляющим собой пример как раз того, что я пытаюсь сейчас объяснить, надо придавать немного больше значения и увеличивать их количество.

В этой связи надо упомянуть и ещё один наш труд — изданную в 2008 году выборку из наших документов, которая называется «Жить под одним небосводом» — Османская толерантность «языком документов». Жить вместе под куполом неба, уважая существование других, в мире и согласии. Именно эти наши стремления я и пытался донести до вас, моих коллег, здесь.

Эту мысль внушает нам как цивилизация, к которой мы принадлежим, так и наш профессиональный и научный опыт. Как люди науки, мы обязаны в рамках ценностей нашей цивилизации развивать образ поведения и мыслей, основанный

на уважении к человеку и природе. Сущность нашего взгляда на государство можно кратко выразить словами: «Живет человек — живет государство».

Нет сомнений что личности, проявляющие такой подход в своих стремлениях и помыслах, употребят имеющиеся у них научные и технологические возможности во благо человека и человечества.

Я поздравляю Институт востоковедения Российской Академии Наук, являющейся обителью фундаментальной науки, с проведением конференции на тему сближения цивилизаций. Я верю и вижу, что мы чувствуем и думаем одинаково. Наша цель состоит в том, чтобы пытаться воплотить в жизнь наши общие чувства и мысли. По выражению Исмаила Гаспринского, которого все вы знаете и который вырос на этих землях: «Очень важно единство языка, мысли и дела». Благодаря общему делу, которое на одном и том же языке сердца делают одинаково мыслящие люди, мы будем настойчиво выражать наши намерения и усилия. Надеемся, что наши архивы и впредь будут наполняться документами о таких усилиях, а поколения, которые будут жить в мире и спокойствии, будут читать эти документы.

Желаю, чтобы результаты конференции способствовали миру в регионе и во всём мире и с уважением приветствую всех вас.

Проф. Др. Угур УНАЛ,
руководитель Государственного Архива
Администрации Президента
Турецкой Республики

РОССИЙСКАЯ АНТИКОММУНИСТИЧЕСКАЯ ЭМИГРАЦИЯ В ВОСТОЧНОЙ АЗИИ В ГОДЫ «ХОЛОДНОЙ ВОЙНЫ»: НОВЫЕ ДОКУМЕНТЫ ИЗ АРХИВОВ США И ГЕРМАНИИ

Антошин А.В.

*д.и.н, Уральский федеральный университет,
Екатеринбург*

Политическая история российской эмиграции эпохи «холодной войны» — тема, которая все еще нуждается в дополнительном изучении. Одной из причин этого является дефицит исторических источников, которые позволяют охарактеризовать скрытые от посторонних глаз аспекты деятельности таких структур, как, например, Народно-трудовой союз (НТС). Между тем эта организация не только пыталась вести активную пропагандистскую работу среди населения СССР, но и обладала достаточно разнообразными международными связями. Имела она контакты и с активными антикоммунистами из числа политиков ряда государств Восточной Азии. Об этом свидетельствует личная переписка деятелей НТС, часть которой хранится в личном архивном фонде многолетнего председателя Союза В.М. Байдалакова, находящемся в Отделе специальных коллекций библиотеки Джорджтаунского университета (Вашингтон, США). Большой интерес представляет и Архив Центра восточноевропейских исследований Университета Бремена (Германия), где хранится личный фонд известного деятеля НТС Г.А. Рара¹, документы которого также содержат некоторую информацию о контактах НТС в

странах Восточной Азии. В 2011 г. в московском издательстве «Русский путь» вышли в свет мемуары Г.А. Рара², которые дополняют информацию бременского архива, уточняют некоторые аспекты деятельности НТС на Тайване, в Японии и Республике Корея. Кроме того, отдельные материалы по данной тематике удалось выявить в Бахметевском архиве Колумбийского университета (Нью-Йорк, США).

Архивные документы свидетельствуют о том, что в годы «холодной войны» ключевым центром активности российских антикоммунистов в регионе был Тайвань. Не случайно именно на этот остров в 1952 г. НТС решил направить своего эмиссара А.А. Коновца, который должен был установить контакты с руководством местных антикоммунистов. А.А. Коновцу удалось организовать работу представителей НТС в ряде стран региона: в частности, известно, что к середине 1950-х гг. Союз имел своего эмиссара в Сингапуре — М.Д. Таирова³.

Ситуация в регионе в годы «холодной войны» была весьма непростой, русские антикоммунисты не исключали возможности самых неожиданных политических комбинаций и альянсов. Одним из важных центров деятельности НТС была Австралия, находившаяся в непосредственной близости от Восточной Азии. Проживавшие там русские антикоммунисты внимательно следили за развитием ситуации вокруг Китая. Любопытно, что некоторые из них сразу же после смерти И.В. Сталина возлагали надежды и на руководство КНР, полагая, что у Запада (в частности, у Великобритании) есть шансы договориться с Мао Цзэдуном. При этом русские солидаристы подчеркивали, что в случае сближения позиций КНР и Западного блока перспективы Советского Союза в «холодной войне» были бы весьма неутешительны. Интересны, например, мысли, высказанные видным деятелем Австралийского отдела НТС С. Зезиным в письме В.М. Байдалакову в 1954 г.: «Меня очень волнует мысль о Красном Китае, со стороны высказанные мной соображения кажутся фантастическими, но если поглубже вдуматься и учесть основную ли-

нию политики коварного Альбиона, то с существованием такого плана надо считаться. Представьте себе хоть на минуту возможность такой ужасной развязки. Когда у меня родилась эта мысль, у меня просто по коже мурашки забегали и волосы зашевелились. А по существу, разве не смогут купить Китай и натравить его? Ведь Запад может больше предложить Китаю, чем Маленков. Чем больше я думаю об этом, тем больше нахожу подтверждений о вероятности такой политики»⁴.

Тем не менее, бесспорно, основные надежды лидеры НТС возлагали на антикоммунистический потенциал Тайваня. В мае 1955 г. состоялся визит делегации НТС на остров. Характерно, что в поездку отправились видные деятели эмигрантской организации — один из многолетних лидеров НТС В.Д. Поремский⁵ и публицист знаменитого журнала «Посев» А.В. Светланин⁶. Последний на страницах «Посева» кратко осветил пребывание делегации на Тайване, романтично назвав свою статью «Путешествие на красивый остров»⁷. Судя по всему, визит деятелей НТС на Тайвань в 1955 г. был связан, прежде всего, с проведением на острове конференции Антикоммунистической лиги народов Азии, открывшейся в Доме имени Сунь Ятсена. В этот период НТС активно налаживал контакты с организациями различных стран Азии, входившими в эту Лигу. Впрочем, есть информация, что противоречия между делегатами от Южной Кореи и Японии фактически привели к провалу этой конференции. В результате этого у русских антикоммунистов появилось свободное время, которое было использовано для того, чтобы укрепить связи с тайваньскими политиками.

Следует учитывать, что русские антикоммунисты прибыли на Тайвань в достаточно сложный момент истории острова. К началу весны 1955 г. многим казалось, что «битва за Тайвань» вступила в решающую фазу. Некоторые американские аналитики допускали даже возможность применения со стороны США тактического ядерного оружия. И только за месяц до приезда В.Д. Поремского и А.В. Светланина, в апреле

1955 г., накал напряженности стал снижаться. Этому способствовало выступление Чжоу Эньлая на Бандунгской конференции, где один из китайских лидеров заявил о возможности начала прямых переговоров с США по проблемам региональной безопасности на Дальнем Востоке⁸. Тем не менее, когда в мае 1955 г. деятели НТС прибыли на Тайвань, атмосфера на «красивом острове» была весьма тревожной.

Как свидетельствуют хранящиеся в бременском архиве документы, деятелей русской антикоммунистической организации принимали на Тайване на самом высшем уровне. Так, первая встреча у них произошла 26 мая 1955 г. с генералиссимусом Чан Кайши. В.Д. Поремский и А.В. Светланин обсудили с видным китайским политиком формы и методы борьбы против коммунистических сил. В этот же день, 26 мая 1955 г., русские антикоммунисты встретились еще и с вице-президентом Тайваня, который рассказал им о проведении на острове аграрной реформы.

Поделился вице-президент Тайваня с русскими эмигрантами и имеющейся у него информацией о «красном» Китае. В ходе беседы он доказывал В.Д. Поремскому и А.В. Светланину, что руководство КНР находилось в зависимости от Москвы, и лишь из Тайбэя, по мнению тайваньского политика, можно было услышать голос подлинно независимого Китая. Очевидно, тем самым тайваньский политик стремился развеять те надежды на КНР, которые, как было указано выше, питали и некоторые антикоммунисты.

Вечером 26 мая русских антикоммунистов ждала тайваньская молодежь. Две с половиной тысячи молодых тайбэйцев прослушали речи приезжих политиков о необходимости борьбы против коммунизма во всем мире.

После столь насыщенного дня В.Д. Поремский и А.В. Светланин не отправились на отдых, чтобы насладиться природой Тайваня. Программа их пребывания на острове продолжала оставаться достаточно напряженной. Уже на следующий день русские эмигранты шагали в первых рядах деятелей Анти-

коммунистической лиги, участвуя в параде, которым командовал лично министр обороны Тайваня.

29 мая 1955 г. деятели НТС были приняты начальником штаба ВМФ Тайваня. Им была устроена экскурсия по Военно-морской академии, они также осмотрели предприятия, работавшие на оборону острова от возможного нападения извне⁹.

Однако, судя по всему, наибольшее впечатление на русских антикоммунистов произвели не официальные мероприятия, в которых им довелось участвовать на Тайване. А.В. Светланину, например, запомнилась встреча с руководителем отдела ЦК Гоминьдана, который отвечал за ведение психологической войны. Ведь именно НТС всегда уделял этим вопросам особое внимание, и было чрезвычайно любопытно поделиться опытом с коллегами из Тайваня. Чиновник ЦК Гоминьдана показал В.Д. Поремскому и А.В. Светланину технологии, использовавшиеся Тайванем в психологической войне против КНР. Это были, в частности, воздушные шары, с которых сбрасывались антикоммунистические листовки. Кроме того, для распространения среди жителей КНР Тайвань печатал брошюры, обложка которых имитировала официальные коммунистические издания. Деятелей НТС, впрочем, было трудно чем-то поразить: «Многое знакомо, ибо и у нас это делается подобным же образом»¹⁰, — заметил А.В. Светланин.

В ходе пребывания на Тайване лидер НТС В.Д. Поремский также выступил на тайваньской радиостанции «Голос Свободного Китая», изложив свое видение антикоммунистической борьбы. Однако и ему, и его товарищу особенно запомнилась произошедшая там встреча с бывшими китайскими военнопленными в Корее, «выбравшими свободу», т. е. отказавшимися возвращаться в КНР. Эмигрант «второй волны» А.В. Светланин, восхищаясь этими «герольдами свободь», заметил: «Как много общего у многих из нас с этими людьми, пришедшими через плен к свободе!»¹¹.

Кстати, любопытно, что именно в ходе тайваньской поездки деятелям НТС довелось встретиться и с некоторыми русскими людьми, которые только что также «выбрали свободу». В.Д. Поремский и А.В. Светланин с восторгом писали о беседах с моряками советского судна «Туапсе», которые оказались на Тайване и заявляли о своем нежелании возвращаться в Советский Союз¹². Эта история активно использовалась в 1955 г. антикоммунистической прессой в пропагандистских целях. При этом любопытно, что в мемуарах позднее приехавшего на Тайвань Г.А. Рара эта история выглядит совершенно иначе. Как выясняется, «Туапсе» был захвачен тайваньскими кораблями. Большинство матросов «требовали освобождения и возвращения в СССР», и лишь «кое-кто» попросил политического убежища и уехал в США. Власти не дали Г.А. Рару встретиться с находившимися в тайваньском плену советскими моряками¹³.

Очевидно, именно в ходе поездки В.Д. Поремского и А.В. Светланина была достигнута договоренность о начале вещания с Тайваня принадлежавшей НТС радиостанции «Свободная Россия». Около 20 лет, вплоть до 1976 г., короткие 20-минутные передачи «Свободной России» (которые начинались и заканчивались лейтмотивом финала Пятой симфонии П.И. Чайковского) ежедневно велись с Тайваня на территорию Сибири. В 1958–1960 гг., в течение двух лет, эти передачи записывал на Тайване Г.А. Рар. Взаимодействие между НТС и Тайванем развивалось и по другим направлениям. Так, при содействии Тайваня осуществлялась заброска листовок НТС с острова Цзиньмынь на материковый Китай, в свою очередь, члены НТС распространяли тайваньские листовки на одном из фестивалей в Вене.

В ходе своего пребывания на Тайване Г.А. Рар также перевел на русский язык с английского книгу Чан Кайши о советско-китайских отношениях 1920–1930-х гг. О встречах с Чан Кайши Г.А. Рар вспоминал так: «С президентом Свободного Китая я встречался на двух приемах в его резиденции. Кто-то

меня ему представлял, следовало рукопожатие, сопровождаемое официальной улыбкой. Никаких вопросов, никакого обмена любезностями. Беззвучное знакомство. Даже китайцам было непросто общаться со своим президентом. По-китайски он говорил только на наречии своей родной провинции Чжэцзян, труднопонимаемом для уроженцев других провинций, и не владел ни одним иностранным языком»¹⁴.

Однако к началу 1960-х гг. отношения между НТС и Китайским отделением Антикоммунистической лиги народов Азии начали ухудшаться. Последнее установило контакты с Антикоммунистическим блоком народов, организацией, в которую входили украинские сепаратисты и другие националистические группировки, выступавшие за дезинтеграцию единого государства после крушения коммунистического режима в СССР. НТС выступал против такой постановки вопроса. Во многом с этим был связан и отъезд Г.А. Рара с Тайваня.

Однако русские эмигранты и впоследствии будут стараться использовать возможности своих тайваньских друзей для осуществления антикоммунистических акций в Азии. В бременском архиве имеются документы, посвященные плану создания в 1970-е гг. антикоммунистической радиостанции «Восток» с базой в Тайбэе. Инициатор этой акции, Г.А. Рар, подчеркивал, что лозунгом радио «Восток» должны были стать слова Чан Кайши: «Народы Китая и России — союзники в революционной борьбе против коммунизма»¹⁵. Интерес представляет хранящаяся в архиве примерная смета этого проекта. Предполагалось, что радиостанция будет вещать на восточные районы Советского Союза, а наиболее важные передачи должны были в виде магнитофонных кассет распространяться среди советских матросов, посещавших Гонконг, Сингапур и другие порты региона.

Как свидетельствуют материалы бременского архива, некоторые контакты были у НТС и с политиками из Японии и Южной Кореи. Связи НТС с японцами брали свое начало еще в 1930-х гг., однако в послевоенный период их пришлось

начинать фактически заново. Как вспоминал Г.А. Рар, «большинство тех, кто помогал НТС в 1930-е гг., либо были давно не у дел, либо умерли, либо не проявили интереса к восстановлению связи»¹⁶. В 1957 г. в ходе поездки по странам Азии лидеры НТС В.Д. Поремский и Р.Н. Редлих встречались с бывшим премьер-министром Японии С. Есида¹⁷. Однако важнейший вклад в дело частичного восстановления контактов НТС с японцами внес видный деятель Союза Г.С. Околович¹⁸, тайно приехавший в Японию в 1958 г. и проведший в стране около двух лет. Ему удалось выйти на связь с бывшим офицером японской разведки Собуро Номура, который еще в 1930-е гг., служа на советско-маньчжурской границе, разбрасывал листовки НТС. Через него (Номура даже вступил в НТС!) были установлены связи с видными в прошлом офицерами Квантунской армии. Однако все это были отставные военные: в отличие от Тайваня, в Японии у НТС не было контактов на правительственном уровне. Союз взаимодействовал здесь с Ассоциацией «Свободная Азия», которую возглавлял профессор Ватанабе. Однако эта структура не пользовалась прямой поддержкой официального Токио.

Тем не менее, когда в 1960 г. в Японию прибыл Г.А. Рар, почва для работы НТС в стране была уже подготовлена. Г.А. Рар возглавил Японский оперативный участок НТС. Среди его сотрудников выделялся Василий Матюков (Матенков), распространявший «Посев» среди советских матросов в порту Йокогамы.

В 1961 г. Г.А. Рар выступал в Токио с докладом на тему «Смена поколений в СССР». Тезисы доклада сохранились в бременском архиве. Являясь глубоко верующим человеком (впоследствии Г.А. Рар был ведущим религиозной программы на Радио «Свобода»), он уделял большое внимание духовному состоянию советского общества. По мнению деятеля НТС, сформировавшееся до революции поколение и в начале 1960-х гг. играло большую роль в СССР, особенно в сферах науки и культуры (хотя он полагал, что и в партии влияние

этих людей тоже весьма сильно). Это обстоятельство оказывало серьезное влияние на морально-нравственную атмосферу советского общества: «Если старшее поколение физически и вымирает, то его морально-этические взгляды, а во многих случаях и его религиозная вера уже переняты самими молодыми поколениями, только еще выходящими на арену жизни современной России»¹⁹. Бесспорно, трудно утверждать, что анализ Г.А. Рара был во всем адекватен советской реальности. Однако его вера в духовное возрождение России вселяла ему надежду, заставляла его и его товарищей продолжать борьбу против существовавшего в СССР режима.

Видимо, в рамках подготовки к визиту в Японию Г.А. Рар собирал и материалы о данной стране. В его бумагах в бременском архиве сохранилась хронологическая справка, посвященная основным вехам истории Японии и японо-российских отношений.

В 1961–1962 гг. Г.А. Рар дважды побывал и в Республике Корея. Он познакомился с сотрудниками русской редакции корейского радио — русскими корейцами, в годы Гражданской войны бежавшими из Приморья в Маньчжурию. Некоторые из них тесно сотрудничали с деятелями НТС: член НТС Рудольф Парккали, работавший в Японии, даже женился на русской кореянке.

Г.А. Рар считал важным взаимодействие с южнокорейскими политиками, одна из его поездок в Сеул была связана с участием в работе конференции Антикоммунистической лиги народов Азии. Ему довелось принять участие в торжествах по случаю годовщины прихода к власти генерала Пак Чжон Хи. В архивном фонде Г.А. Рара в Бремене хранятся тезисы его доклада на тему «Деятельность НТС», сделанного в начале 1960-х гг. в ходе визита в Сеул. В нем русский антикоммунист знакомил южнокорейских слушателей с основными направлениями деятельности его организации (очевидно, большинство посетителей лекций Г.А. Рара услышали о ней впервые). Он рассказывал о том, как НТС осуществлял заброску аген-

тов в Советский Союз, вел пропаганду своих идей среди населения СССР (при этом рекламировалась практика создания ревкомов на кораблях советского торгового флота, которую многие эмигранты считали мистификацией). Упомянулось в докладе и о вещании радиостанции «Голос Свободного Китая» с территории Тайваня. Однако, основное внимание Г.А. Рар, конечно, уделил южнокорейскому проекту НТС — вещанию радиостанции «Свободная Россия» с территории Республики Корея на советский Дальний Восток. Оно осуществлялось около 10 лет, в 1959–1969 гг., в виде ежедневных 20-минутных передач.

Не мог не упомянуть Г.А. Рар в своем выступлении и об еще одном направлении деятельности НТС, которое косвенно оказалось связано именно с Южной Кореей. В этой стране в 1955 г. упал 20-метровый баллон, изготовленный специальной группой НТС в Бад-Гомбурге (ФРГ). Эта конструкция поднимала около 90 килограммов антикоммунистических листовок, которые сбрасывались каждые 400–500 км по пути полета баллона. История с падением баллона имела резонанс, и Г.А. Рару пришлось объяснять, какие цели преследовал НТС, запуская эти устройства. «Зовем к сопротивлению и к подготовке переворота», — заявил он.

Как свидетельствуют архивные источники, Г.А. Рар заканчивал свой доклад, объясняя слушателям причины своего пребывания в Республике Корея: «Невозможность антикоммунистической революции только в одной Корее, как в Венгрии. Центр (язва) в Москве. Если будет революция в Советском Союзе, некому будет посылать войска на подавление. Только в совместном действии обретем мы победу»²⁰ — подчеркивал он.

Заметим, что, как свидетельствуют материалы американских архивов, интерес к Южной Корее в 1950-е гг. проявляли отнюдь не только деятели НТС, но и другие антикоммунисты. В Бахметевском архиве Колумбийского университета нам удалось обнаружить письмо члена Русского национального

объединения А.П. Воробчука-Загорского, написанное в 1954 г. президенту Республики Корея Сингману Ри (Ли Сын Ману). Проживавший в тот момент в Сан-Франциско, А.П. Воробчук-Загорский хорошо знал страны Восточной Азии: межвоенные годы он провел в Китае, являясь там известным деятелем русской политической эмиграции. В данном письме он одобрил идею Ли Сын Мана об объединении народов в борьбе против коммунизма, призвав южнокорейского президента возглавить этот «крестовый поход»²¹.

Представленные в данной статье архивные материалы, бесспорно, носят фрагментарный характер и не охватывают собой всю деятельность русских антикоммунистов в Восточной Азии. Очевидно, на многие вопросы могли бы «пролить свет» документы Архива Закрытого сектора НТС, находящегося во Франкфурте-на-Майне. Однако они, к сожалению, по-прежнему закрыты для исследователей.

ПРИМЕЧАНИЯ И СНОСКИ

1. Рар Глеб Александрович (1922–2006). Родился в Москве в семье офицера Русской Императорской армии. В 1924 г. семья была выселена в Эстонию, затем они переселились в Латвию. Вырос в Лиепеае (Либаве). В 1941 г. как балтийский немец переселился в Германию. Член НТС с 1942 г., в 1944–1945 гг. находился в заключении в концлагерях Заксенхаузен, Бухенвальд, Дахау и др., освобожден в апреле 1945 г. После войны работал в издательстве «Посев», в Отделе иностранных дел НТС во Франкфурте, на радиовещании НТС на Тайване и в Японии. С середины 1970-х гг. — сотрудник радио «Свобода», ведущий религиозно-исторических передач. Председатель Свято-Князь-Владимирского Братства в Германии. Член Совета НТС в 1967–1990 гг.
2. См.: Рар Г.А. «...И будет наше поколение давать истории отчет». Воспоминания. М., 2011.
3. Таиров Мстислав Дмитриевич — представитель НТС в Сингапуре, сын известного дирижера, музыкант, играл в Сингапурском симфоническом оркестре и Оркестре Сингапурского радио.

4. Georgetown University Library. Special collections (GUL. SC). The Victor M. Baydalakoff collection. Box 9. Folder 1. С. Зезин — В.М. Байдалакову. (1954).
5. Поремский Владимир Дмитриевич (1909–1997). Родился в Ченстохове в семье военного. В 1920 г. с родителями эвакуировался в Югославию. С 1928 г. — в Париже, окончил Сорбонну, затем Институт химии в Лилле. Один из основателей НТС, с 1934 г. — председатель его Французского отдела. В годы Второй мировой войны — в Германии, переводчик в лагере для военнопленных в Вустрау. В 1944 г. вместе с другими деятелями НТС арестован гестапо, освобожден по просьбе генерала А.А. Власова в апреле 1945 г. После Второй мировой войны — один из идеологов НТС, в 1955–1972 гг. — председатель НТС. В 1990-е гг. неоднократно приезжал в Россию, активно контактировал с ведущими российскими философами. Умер во Франкфурте-на-Майне.
6. Светланин Андрей Васильевич (наст.имя — Лихачев Николай Никитич) (1905–1965). Родился в селе Пупки Рязанской губ. В 1917 г. окончил гимназию в г. Скопине. В 1920-е гг. — шахтер, затем развездной корреспондент. Член ВКП (б). В 1930-е гг. — редактор армейских газет на Дальнем Востоке. На фронте Великой Отечественной войны — в рядах 2-й ударной армии генерала А.А. Власова, редактор газеты. С 1942 г. — в плену. Не вернулся в СССР, после Второй мировой войны — преподаватель Кембриджа. В 1950-е — 1960-е гг. — член редколлегии, затем — редактор журнала «Посев». Автор книги «Дальневосточный заговор» (о т. н. антисталинском «заговоре военных»). Умер во Франкфурте-на-Майне.
7. См.: *Светланин А.В.* Путешествие на красивый остров // *Посев.* Франкфурт-на-Майне, 1955. 21 августа. Ранее эта поездка уже освещалась в «Посеве». См.: Представители российского революционного движения на Тайване (Формоза) // *Посев.* 1955. 26 июня.
8. См.: *Accinelli R.* Crisis and Commitment: United States Policy toward Taiwan, 1950–1955. The University of North Carolina Press, 1996. P. 229.
9. См.: Forschungsstelle Osteuropa an der Universitat Bremen. Historisches Archiv (FSO UB. HA). F. 106. Черновой отчет о пребывании делегации НТС на Тайване (1955).
10. *Светланин А.В.* Указ.соч.

11. Там же.
12. FSO UB. HA. F. 106. Черновой отчет о пребывании делегации НТС на Тайване (1955).
13. *Рар Г.А.* Указ.соч. С. 363.
14. Там же. С. 362.
15. См.: FSO UB. HA. F. 106. Черновик письма китайскому другу.
16. *Рар Г.А.* Указ.соч. С. 369.
17. См.: Вахта свободы. Франкфурт-на-Майне, 1957. № 3. С. 2.
18. Околович Георгий Сергеевич (1901–1980). Родился в Риге. Занимался закрытой работой НТС в 1930-е гг., в частности, организовывал переходы границы из Польши и Румынии. В 1938 г. сам совершил нелегальную вылазку в СССР. В годы Второй мировой войны занимался организацией переброски кадров НТС на оккупированные территории СССР, работал на линии Минск — Смоленск. Арестован в Берлине в сентябре 1944 г., освобожден по просьбе генерала А.А. Власова в апреле 1945 г. После войны возглавил оперативный сектор НТС. В 1956 г. руководил оперативным штабом НТС в Вене, устанавливал связи с венгерскими повстанцами. Член Совета НТС в 1942–1972 гг.
19. См.: FSO UB. HA. F. 106 (Rahr Gleb). Доклад «Смена поколений в СССР».
20. Там же.
21. Bakhmeteff Archive Research (BAR). Anastasii P. Vorobchuk collection. Box 1. Folder “Rhee Syngman”. А. Воробчук (Загорский) — Сингману Ри (Ли Сын Ману). 02.04.1954.

**ПЕРСОЯЗЫЧНЫЕ РУКОПИСИ ИЗ КОЛЛЕКЦИИ
Г. БАРУДИ И Ш. МАРДЖАНИ В СОБРАНИИ НАУЧНОЙ
БИБЛИОТЕКИ ИМ. Н.И. ЛОБАЧЕВСКОГО
КАЗАНСКОГО (ПРИВОЛЖСКОГО)
ФЕДЕРАЛЬНОГО УНИВЕРСИТЕТА**

Арсланова А.А.

*к.и.н, Институт истории им. Ш. Марджани
АН Татарстана, Казань*

В данном сообщении я хотела бы затронуть книгофильскую деятельность, а именно: работу в области коллекционирования арабографических (в данном случае персоязычных) рукописей Галим Джаном ал-Баруди и Шихаб ад-Дином ал-Марджани — двумя выдающимися и многогранными татарскими просветителями, внесшими огромный вклад в общественно-политическую и философскую мысль не только татар, но и многих других народов России. Их крупные юбилейные даты мы отмечаем и отмечаем в прошлом и текущем году. Эти имена, с моей точки зрения, во многом связаны между собой по отношению к богатейшему письменному рукописному наследию народов Востока.

В основе фонда арабографических рукописей Научной библиотеки им. Н.И. Лобачевского Казанского (Приволжского) федерального университета, который сформировался в основном после 1917 г., среди прочих, лежит коллекция известного татарского общественно-политического деятеля и религиозного реформатора, журналиста и педагога Г. Галиева-Баруди

(1857–1922). В 1920 г. он передал государству 947 рукописей преимущественно среднеазиатского происхождения, которые в дальнейшем вошли в Центральную Восточную библиотеку-музей Татареспублики. В 1932 г. эта библиотека была объединена с библиотекой университета и Научной библиотекой Татарской республики. В 1934 г. рукописи были объединены в рукописном отделе университетской библиотеки.

Галимджан Мухамматжанович Галиев-Баруди (1857–1921), безусловно, занимает особое место в истории татарского народа и в целом тюркоязычных народов России конца XIX — начала XX в. Любовь к книгам передалась ему от отца — состоятельного купца-миллионера — Мухаммат Джана Галиева, который сам при каждом удобном случае покупал книги и рукописи и таким образом собрал большую библиотеку, которой очень гордился. Галим Джан, еще будучи шакирдом медресе, тоже начал собирать книги и рукописи, приобретал у продавцов, привозивших их из разных стран, и почти все свое время отдавал чтению. Впоследствии у него собралась великолепная бесценная библиотека, в которую вошла также коллекция книг, выкупленная им у его учителя Салах ад-Дина б. Исхака ал-Казани (667 сочинений в 734 томах). Собрание Г. Баруди пополнилось также книгами и рукописями, привезенными им в 1882 г. из Бухары. Как отмечал М.Х. Юсупов, «в личной библиотеке Баруди имелась литература на многих языках мира, разнообразная по тематике и содержанию»¹. Подавляющая часть их — гуманитарного направления.

В 1875 г. Галим Джан и его брат Газиз Джан при поощрении отца и по рекомендации Салах ад-Дина б. Исхака отправились в Бухару и пробыли там 7 лет, которые Галим Джан впоследствии вспоминал как самые счастливые в своей жизни. Здесь Г. Баруди перечитал множество книг на персидском, арабском и турецком языках. Ему удалось также приобрести большое количество редких книг и рукописей. Как вспоминал Г. Баруди, «одной из причин моего желания продолжить

жить в Бухаре была возможность приобретения редчайших, дорогих книг и рукописей за цену простой бумаги..., в то время для человека, у которого была тяга к знаниям и было хотя бы немного денег, Бухара являлась плодородной землей»².

В июне 1882 г. братья вернулись в Казань и привезли с собой солидную библиотеку, в которой было много уникальных произведений. «По сведениям, имеющимся в календаре «Заман», весил этот багаж 40 пудов, и стоимость его была 5–6 тысяч рублей³. Книжная коллекция Г. Баруди к 1913 году насчитывала уже более 3000 томов и журналов по исламу, истории, юриспруденции, математике, медицине, физике, логике, психологии, философии и языкознанию на арабском, персидском, киргизском, турецком, татарском и русском языках, как в оригиналах, так и в переводах. Несомненно, библиотека Г. Баруди представляла собой уникальное и редкое явление, как по количеству, так и по ценности трудов.

Впоследствии, в 1914 г., Г. Баруди дали разрешение на открытие на базе его частной книжной и рукописной коллекции бесплатной публичной библиотеки, доступной для всех желающих. Очевидно, Г. Баруди, как личность прогрессивная и масштабно мыслящая, не разделял общественные интересы от личных в стремлении способствовать религиозно-нравственному и научному просвещению мусульман, которые он считал недостаточными. Он был уверен, что его книги обязательно будут востребованы татарским обществом. В этом, на наш взгляд, он видел свое идейное кредо и гражданскую позицию.

Основу библиотеки Г. Баруди, согласно документам 1920–1924, составляли из в целом 4288 томов 947 рукописных и 3241 печатных изданий (на арабском языке — 2724, на персидском — 161, на тюрко-татарском — 446). 24 июля 1920 года был составлен документ о передаче книг и здания Галеевской библиотеки общей исламской библиотеке «Китапханаи исламия» во главе с А. Максуди. 4 сентября 1920 года состоялась передача фондов библиотеки «из рук в руки». Согласно до-

говоренности, на каждой книге, кроме книг Салах ад-Дина, Г. ал-Баруди поставил собственную подпись и печать.

В настоящее время большая часть библиотеки Г. Баруди хранится в Отделе редких книг и рукописей Научной библиотеки им. Н.И. Лобачевского К(П)ФУ. Надо сказать, даже при первом взгляде наблюдается существенная качественная разница между рукописями, поступившими в 20–30-е годы, в частности из отмеченной коллекции Г. Баруди, и теми, что были собраны впоследствии во время археографических экспедиций. В первом случае списки во многом выигрывают по ряду параметров — по своим внешним данным, по хронологии переписки, по имеющимся автографам, печатям и записям владельцев, по художественному оформлению и т. д.

В результате работы по каталогизации мы выявили круг персоязычных книг из коллекции Г. Баруди и Салах ад-Дина б. Исхака, которые были зафиксированы в инвентарных книгах. Из общего числа персоязычных рукописей в 736 единиц хранения нами было установлено 35 единиц хранения из рукописей, собранных самим Г. Баруди, а 52 списка относятся к собранию Салах ад-Дин-хазрата. В данном случае мы рассматриваем только те рукописи, на которых Г. Баруди поставил личную печать и подпись. Эти списки охватывают довольно широкий и разнообразный репертуар научных знаний, а именно: астрологию (3 ед.хр.) и астрономию (8), гадания на песке (1), географию (1), медицину (1), оптику (1), художественную литературу (2), а также духовную литературу, включающую молитвы (1), суфизм (11), фикх (4), хадисы (1). Имеется также сборник (1). Исходя из количественного показателя, очевидно, что наибольший интерес у Г. Баруди вызывали рукописи по суфизму, фикху и астрономии⁴.

В целом рассматриваемые списки датируются от XV до первой половины XIX в. В трех случаях имеется несколько списков одного и того же сочинения — «Маса'или рахат ал-кулуб» («Проблемы «Рахат ал-кулуб») (3 списка второй половины XVIII–XIX вв.); «Мактубат-и х^ваджа Мухаммад Ма'сум»

(«Письма Хаджи Ма'сума») (2 списка 1811 и 1842 гг.); «Хайрат ал-фукаха ва худжат ал-фузала» («Удивление законовевдов и смущение ученых») (в трех списках XVIII в.).

Так, например, из общего числа в 117 списков имеется 11 по *суфизму*. Надо отметить, что тема суфизма теснейшим образом связана с Ираном, с его культурой и литературой. Классическая персидская литература глубоко пропитана суфийскими сюжетами и образами, в значительной степени она суфийская как по духу, так и по содержанию. Поэтому часто довольно сложно разделить по жанрам, условно говоря, художественную, духовную и чисто религиозную литературу. Многие татарские интеллектуалы, часто хорошо знавшие персидский язык и читавшие на нем, имели в своем распоряжении списки суфийских сочинений.

Из сочинений по суфизму можно отметить неполный список «Маса'или рахат ал-кулуб» («Проблемы «Рахат ал-кулуб») в списке XVIII в. Автор — 'Абдаллах б. Ахмад б. Мухаммад Хазрави Исфагани ал-Хавафи (XV в.). Сочинение содержит краткое изложение мусульманской юриспруденции на основе «Хидая» и других книг, упоминаемых в сочинении, а также в форме 100 вопросов и ответов на них нравственно-поучительные проповеди суфийского характера (о почитании отца и матери, о милостыне, о благе молитв и т. п.).

В библиотеке Г. Баруди мы видим также полный список 2-го тома «Мактубат-и х^ваджа Мухаммад Ма'сум» («Письма х^ваджа Мухаммада Ма'сума») — исламского правоведа ханафитского мазхаба, обновителя второго тысячелетия, имама Раббани. Переписчик — 'Убайд Аллах б. Калим Аллах ал-Ал-дирмиши. Рукопись переписана в 1811 г.

Хороший полный список (первая половина XIX в.) «Маслак ал-арифин» («Путь познавших истину»). Составитель — Мухаммад б. Ахмад б. Ас'ад ал-Бухари. Сочинение является заведением шайха 'Абд ал-Халика из Гидждувана и представляет собой одно из ранних произведений (XII в.) дервишеской

литературы Средней Азии. В списке известен переписчик: Мулла Ни'мат Аллах б. Султан Са'ад ад-Дин.

Полный список (переписан в 1830 г.) «Зубдат ал-хакайе» («Квинтэссенция истин»). Данное сочинение, составленное около 1750 г., представляет собой трактат о совершении зикра по обряду ордена накшбандийа дахбидийа. Автор его — теоретик среднеазиатского дервишизма Мухаммад Муса б. Ходжа Исаяи Дахбиди (ум. 1776 г.).

Полный список XVI — начала XVII в. (переплет: XVIII—XIX вв.) сочинения «Субхат ал-абрар» («Четки праведников») 'Абд ар-Рахмана Джамии (четвертая поэма из его сборника). Это дидактическо-философское сочинение написано в 1482–83 г. и посвящено султану Хусайну Байкаре. Поскольку поэма имеет форму четок, Джамии разделил ее на звенья, которых в поэме сорок. Каждое из звеньев, кроме основной части, содержит притчу и заключительный «мунаджат». Разделы последовательно дают характеристику суфийских состояний во время прохождения суфийского пути. Наш список написан мелким каллиграфическим наста'ликом. Переплет из толстого картона, обтянутого темно-коричневой кожей, с треугольным клапаном. В начале списка имеется унван, тонко выполненный коричневой, золотой и синей красками.

Неполный список (1828 г.) сочинения «Силк ас-сулук» («Нить мистического пути»). Автор — Моулана Имам Хумам Зийа ад-Дин Нахшаби (ум. в 1350 г.), который был известным литератором, сочинившим «Тути-нама» («Книгу попугая»). Труд разделен на 152 «нити» (в нашем списке их 151), содержащие суфийскую терминологию, ряд наставлений из области дервишеской практики и несколько кратких повествований о подвигах ранних представителей суфизма (Раби'а, Джунейд Багдадский и др.). Текст в нашем списке написан очень мелким изящным наста'ликом. Переплет из толстого картона, обтянутого ярко-зеленой пупырчатой ослиной кожей «саур». Кожаный переплет темно-коричневого цвета. На крышки наклеена темно-коричневая бумага с золочеными

средником-турунджем и двумя медальонами-сартурунджами по продольной оси.

Полный список 1491г. «Тарджума-йи а‘вариф ал-ма’ариф» («Перевод «Светоча руководства и ключа к удовлетворению») Махмуда б. ‘Али ал-Кашани написан изящным наста’ликом. Перевод известного труда по суфизму, написанного первоначально на арабском языке, который составил Шихаб ад-Дин б. ‘Умар Мухаммад ас-Сухраварди (ум. в 1234 г.). Труд представляет собой изложение доктрины суфизма. Переплет нашего списка из толстого картона, обтянутого темно-коричневой кожей, на крышки наклеена зеленая бумага с большим тисненым медальоном в центре.

Полный список 1250/1834 г., переписанного в г. Багдаде мелким наста’ликом «Канз ал-хидайат ал-бидайат ва-л-нихайат» («Сокровище тайн для раскрытия начальных и конечных этапов мистического пути»). Дата составления труда 1080/1669 г. Автор — Мухаммад Бакир б. Шараф ад-Дин ал-Лахури Хусайни был учеником шайха Ахмада ал-Фаруки ас-Сирхинди (1563–1624) и излагает в этом трактате внешние обязанности шестующих по пути тариката. Переписчик в нашем списке — Мухаммад Аснанджи. Имеется довольно грубо выполненный унван золотой, красной и темно-синей красками. Переплет из толстого картона, обтянутого красно-коричневой кожей. На крышки наклеена бумага желтого цвета с зеленоватыми разводами. На корешке — тисненые украшения.

В собрании Г. Баруди имеются интересные сочинения по *фикху*, который занимается юридическим толкованием Корана и хадисов, интерпретирует их применительно к практической жизни мусульманского общества, дополняет *шариат* в чисто юридических аспектах. Можно отметить три списка (два полных и один неполный) сочинения «Хайрат ал-фукаха’ ва худжат ал-фозала» — («Удивление законоведов и смущение ученых») [Ф-58 (1799 г.), Ф-59 (1735 г.), Ф-60 (1773 г.)]. Автор сочинения — ‘Ала ад-Дин ал-Муфти ал-Бухари (XIII в.). Оно

толкует юридические решения по различным сложным вопросам мусульманского права. Автор говорит, что он изучил много трудов на арабском и персидском языках, послуживших ему источником для, примерно, 250 образцов шариаатских норм и т. д.

Список (XVIII в., Казань) сочинения «Маджму'-и хани фи 'илм ал-ма'ани» («Ханское собрание в риторике») является одной из попыток составления свода религиозно-правовых норм на основе известных трудов ханафитского фикха. Автор — Камал ад-Дин Карим Нагури — посвятил свой сборник «владыке меча и пера» Улуг Кутлугу Бахрам хану. Данный сборник, видимо, одна из позднейших попыток составить свод религиозно-правовых норм на основании существующих трудов ханафитского фикха, однако не доведенный до конца.

Таким образом, краткое знакомство с личной библиотекой Г. Баруди, которую он собирал в течение полувека, дало возможность определить его мировоззрение, научные и литературные интересы. Библиотека как бы явилась выражением его религиозно-нравственных и эстетических поисков. По значению представленных в ней трудов она, безусловно, представляет исключительную ценность. Мы видим, что Г. Баруди и многие его современники и сподвижники хорошо владели персидским языком и знали персидскую классическую и философскую литературу. Они стремились освоить произведения иранских ученых и литераторов и использовать в своей научной и преподавательской деятельности.

В связи с именем всемирно известного богослова, философа, историка, просветителя, этнографа, археографа, востоковеда и педагога Шихаб ад-Дина ал-Марджани известно, что с 1838 г он 11 лет обучался в Бухаре и Самарканде, где имел доступ в великолепные книгохранилища, некоторые из которых были основаны еще до арабского завоевания. В Бухаре — в знаменитом медресе «Мирараб» он в совершенстве овладел арабским и персидским языками, изучал различные естественнонаучные дисциплины, философию, историю, ма-

тематику, страстно, глубоко и вдумчиво знакомился с трудами древнегреческих ученых, а также с сочинениями таких мудрецов Востока, как Ибн Сина, Ал-Канди, ал-Фараби (ок. 870–950), Ибн Сина (ок. 980–1037), ал-Бируни (973–1048), Ибн Рошд (1126–1198), Абу Хамид Мухаммад ал-Газали (1059–1111) и многих других, которые почитались в то время как непререкаемые авторитеты в области мусульманской философии и богословия, впитывал поэзию персидских классиков (Фирдоуси, Навои, Омара Хайама, Са’ади и многих других). Он полностью переписывал или делал из их сочинений выписки. Он, как и другие татарские интеллектуалы (Курсави, Баруди и другие), безусловно, имел прекрасную возможность пользоваться в библиотеках Бухары и Самарканда древнейшими рукописями, часто автографами различных эпох, которые легли в основу его собственных произведений. Кроме того, в большом количестве рукописи продавались на книжных развалах и базарах как местного происхождения, так и зарубежного происхождения — из самых разных стран Востока. Как отметил Саид Вахиди, в Бухаре и Самарканде Марджани переписал много рукописных сочинений и привез в Казань множество сундуков рукописных книг и других исторических материалов⁵. Известно также, что он получил в свое распоряжение в качестве наследства от своих предков богатую библиотеку. Будучи мударрисом в Казани, очень часто ездил по татарским деревням и также собирал там рукописи и другие материалы. Риза Фахрутдинов не раз бывал в Казани в доме Ш. Марджани. Он «вспоминал, что у Ш. Марджани, в его рабочей комнате, была богатейшая этнографическая коллекция и замечательная библиотека. С восхищением описывая их, Р. Фахрутдинов в конце с болью в сердце пишет, что такое огромное богатство после смерти Ш. Марджани сначала выставляется в коридор, потом в чулан, потом помещается на чердаке и в результате возникшего пожара уничтожается. Причиной этой трагедии Р. Фахрутдинов считает беспечность сына Ш. Марджани Бурханутдина и коварство его жень»⁶.

Однако, к счастью, все же какая-то часть библиотеки сохранилась. Как отмечает известный татарский ученый текстолог и источниковед М.И. Ахметзянов, «ученый имел богатую личную библиотеку и создал большую библиотеку в организованном им медресе «Марджания». В результате кропотливых усилий на протяжении всей жизни образовался у него богатый архив. Однако, в силу исторических причин, судьба личного архива и библиотеки Марджани была предметом заботы лишь его детей и отдельных прогрессивно настроенных людей. В результате большая доля его рукописей и библиотеки погибла в 20-х гг. XX в. Но все же не все было утеряно. Часть материалов сохранилась в частных руках.... Долгие годы существовало мнение, будто библиотека Шигабутдина Марджани сгорела целиком. Видимо, эта точка зрения верна лишь отчасти. В 1983 и 1986 годах правнучка Шигабутдина Марджани Назия Тагировна Ильясова (от дочери ученого Галии) рассказывала следующее семейное предание. После смерти Шигабутдина Марджани, согласно его завещанию, личную библиотеку поделили между его тремя детьми (сыном Бурганутдином, дочерьми Галией и Хавой). Раздел шел под руководством известного татарского мусульманского правоведа Галимджана Баруди (1857–1921). При разделе Г. Баруди, видимо, какую-то долю выделил и себе. Он был страстным любителем книг, и несколько книг-автографов, копий списков трудов Ш. Марджани вместе с наследием Г. Баруди попали в фонд рукописей и редких книг Научной библиотеки»⁷.

Таким образом, из персоязычных рукописей с печатями и автографами Шихаб ад-Дина Марджани в нашем фонде необходимо отметить следующие четыре:

1. Полный список XVIII–XIX вв. под шифром Ф-174 «Мафатих ал-иджаз фи шарх-и Гулшан-и раз» («Ключи от чудесного в толковании «Розового цветника тайн»). Сочинение представляет собой обширный комментарий к известной суфийской мистической поэме Махмуда Шабистари (ум. 720/1320 г.) «Цветник тайн», написанной в 877/1472 г. Автор

его — Мухаммад б. Яхйа б. Али ал-Джилани ал-Лахиджи ан-Нурбахши (ум. 912/1506 г.). Текст написан очень красивым насталиком на тонкой, слабо лощеной бумаге. К сожалению, имя переписчика (или переписчиков) осталось неизвестным. Рукопись довольно объемная — 502 листа в переплете из довольно ветхого толстого картона, обтянутого блестящей кожей темно-коричневого цвета с тиснениями. На двух листах мы наблюдаем оттиски личной и вакуфной печатей Марджани и автограф, датированный 1863 годом.

2. Еще современники Ш. Марджани отмечали, что он очень любил персидскую классическую литературу, отлично знал ее лучшие образцы и постоянно обращался к ним в своей жизни. Особенно в конце своей жизни он читал в основном Коран и персидскую поэзию⁸. Из коллекции Шихаб ад-Дина Марджани мы имеем две рукописные книги сочинения «Маснави-йи ма'нави» («Духовные маснави Джалал ад-Дина Мухаммада бин Мухаммада бин Хусайна Руми»): это список 1472 г. под шифром Ф-505, части 4–6, объемом 292 л. Переписчик рукописи также, к сожалению, неизвестен. Написана она красивым каллиграфическим насталиком среднего размера на слабо лощеной бумаге, средней плотности, кремового цвета, без водяных знаков. Переплет из толстого картона, по краям и на корешке обтянутый кожей темно-коричневого цвета. На крышки наклеена бумага серо-песочного цвета с цветочным декором в виде крупных листьев. Список прекрасно оформлен — имеются красочно выполненные унваны к разделам и небольшие ромбовидные заставки в крайнем столбце — золотой, синей, красной, белой и голубой красками. Текст заключен в тройную рамку сине-зеленого с золотом цвета. Список в довольно хорошем состоянии. На двух листах имеются оттиски овальной вакуфной печати Шихаб ад-Дина Марджани черного цвета с легендой.

3. Под шифром Ф-733 в библиотеке университета хранится список XIV в. 2–3 частей того же сочинения, переписанный, вероятно, в Иране или в Средней Азии. Можно сказать, что

это одна из самых старых рукописей в нашей коллекции из изученных нами в настоящее время. Этот список дошел до нас в полном виде, написан мелким каллиграфическим на-ста'ликом, прекрасно иллюминирован — имеются изящные колоритные унваны, тонко выполненные золотой, синей и оранжевой красками, с растительным декором. На листах 1 и 286об. имеются оттиски большой овальной вакуфной печати Ш. Марджани черного цвета с расшифровкой легенды его же рукой. В нижней части листа 287об. синими чернилами рукой академика, д.и.н. М.А. Усманова имеется запись об источнике поступления списка: «Казан, 1986 ел, Шиһабэтдин Мәрджәни көтепхәнәсеннән. Тапшыручы галимнен оныгын кызы Наҗия Таһир кызы Ильясова». Как отмечает М.И.Ахметзянов, в 1983–1986 гг. она безвозмездно передала остаток библиотеки Ш. Марджани и Тагира Ильяси в хранилище Института языка, литературы и истории — всего 74 тома, которые в настоящее время хранятся в его коллекции под № 39. «Часть этих книг принадлежала самому ученому, часть — библиотеке медресе «Марджания», часть Тагиру Ильяси»⁹. Как видим, наша рукопись свидетельствует о том, что часть рукописей попала от нее также и в библиотеку Казанского университета, кроме тех, что попали сюда из коллекции Г. Баруди.

4. Из коллекции Ш. Марджани есть еще одна хорошо иллюминированная рукопись с колоритными унванами красной, белой и голубой красками, объемом в 597 страниц под шифром Ф-525, содержащая неполный список сочинения «Куллият-и Мушриф ад-Дин Са'ди Ширази», переписанная в 1856 г. в Средней Азии на бумаге средней плотности, рыхлой, лощеной, без водяных знаков. На четырех страницах имеются оттиски круглой печати Марджани черного цвета. На двух листах видим также оттиски большой овальной вакуфной печати. Интересно, что в верхней части листа 1об. имеется автограф Ш. Марджани, где он сообщает, что получил эту книгу в наследство от своего отца Баха ад-Дина Абул-Ала Мухаммад бин Субхана. Эта запись свидетельствует о

том, что в семье Марджани имелся не только хороший вкус к приобретению таких изысканных списков, но и об их компетентности и глубоком знании персидской классической литературы.

ПРИМЕЧАНИЯ И СНОСКИ

1. Как заметил М.Х. Юсупов, «Г. Баруди свободно владел арабским, персидским, турецким, уйгурским, знал узбекский, киргизский и казахский языки». См.: *Юсупов М.Х.* Галимджан Баруди. Казань, 2003. С. 32–33.
2. Там же. С. 106.
3. Там же. С. 45–46.
4. Самым старым списком из всех выявленных нами является список 1434 г. сочинения по астрологии «Литаиф ал-кирам фи ахкам ал-а'вам» («Тонкости речи о звездах»), автором которого является Мухаммад ал-Хусайн, по прозвищу Саййид Мунаджжим. Это сочинение было составлено в 1400–1401 г.
5. *Сэт Вэхиди. Мэржэни котебханэсе хэм анын сонгы язмышы // Духовное наследие: поиски и открытия / Под ред. И.Г. Гумерова. Казань, 2017. Вып. 4. С. 27.*
6. *Хайруллин А.Н.* Ш. Марджани и Р. Фахрутдинов // Марджани: ученый, мыслитель, просветитель. Сб. статей. Казань, 1990. С. 57–58.
7. *Ахметзянов М.И.* Фонд Шагибутдина Марджани в Институте языка, литературы и истории им. Г. Ибрагимова // Марджани: ученый, мыслитель, просветитель. Сб. статей. Казань, 1990. С. 180, 184.
8. *Шуһабетдин Мэржэни.* Элмэт: «Рухият» нэшрияты, 1998. Б. 161.
9. *Ахметзянов М.И.* Фонд Шагибутдина Марджани в Институте языка, литературы и истории им. Г. Ибрагимова // Марджани: ученый, мыслитель, просветитель. Сб. статей. Казань, 1990. С. 185.

СОВЕТСКАЯ МИССИЯ В ЕГИПТЕ

В.В. Беляков

д.и.н., профессор,

ФГБУН Институт востоковедения РАН, Москва

26 августа 1943 г., 75 лет назад, были установлены дипломатические отношения между СССР и Египтом. В конце октября в Каир прибыл второй секретарь миссии Абдурахман Султанов, а 23 ноября — глава миссии Николай Новиков. Из-за болезни короля Фарука верительные грамоты были вручены ему только 25 декабря. С этой даты советская миссия стала работать уже официально.

Египетская печать с большим интересом встретила прибытие советской миссии. Дипломатических отношений с Советским Союзом не было больше четверти века. Никто в Египте, кроме группы русских эмигрантов, не знал нашего языка. Вся без исключения информация об СССР или сотрудниках миссии, нередко искажённую, местная печать брала из англоязычных газет. Так, например, газета «Аль-Масри» сообщала, что «посланнику всего 30 лет», а журнал «Руз аль-Юсеф» писал, что для работы в миссии «прибыли 70 сотрудников». Внимание к советским дипломатам было повышенным. Об этом говорит и подборка откликов египетской печати на открытие советской дипломатической миссии в Каире.

Отклики египетской прессы на приезд членов советской миссии в Каир

Египетские газеты радушно встретили прибытие членов советской миссии в Каир.

Газеты «Аль-Масри», «Аль-Мокаттам», «Аль-Ахрам», журналы «Ахер Саа», «Аль-Иткейн», «Аль-Мусаввар», «Руз аль-Юсеф», «Аль-Масри Эфенди» и другие почти ежедневно помещали какое-либо сообщение о миссии СССР в Каире.

Сообщая краткое сведение о приезде секретаря миссии тов. Султанова, вафдистская газета «Аль-Масри» от 16 ноября 1943 г. подчеркнула наличие в СССР различных народностей, в том числе и мусульманских народов, «пользующихся свободой вероисповедания, как и другие народы СССР, и борющихся против фашистских агрессоров плечом к плечу со всеми остальными народами, населяющими Россию».

Приезд миссии Советского Союза в Египте во главе с тов. Новиковым был долго предметом внимания всех арабских газет и журналов.

Почти все газеты, в том числе и выходящие на французском языке, помещали краткие биографические сведения о советском посланнике.

Так как тов. Новиков долго не принимал журналистов, многие из них, как ведётся среди буржуазной журналистики, высасывали сведения из собственных пальцев и преподносили как умели.

Сообщая о визите тов. Новикова к Нахас-паше 27/XI-43 г., «Аль-Масри» сообщала, что посланнику всего 30 лет и что он преподавал в Институте восточных языков.

А журнал «Руз аль-Юсеф», например, преподнес сенсацию, что якобы «все сотрудники миссии подобраны из лиц, хорошо владеющих арабским языком, и что до сих пор их прибыло 70 человек!»

Тот же журнал «Руз аль-Юсеф» в первые же дни пребывания в Каире тов. Султанова время от времени выступал с вымыслами вроде того, что тов. Султанов якобы в такой-то день,

такой-то час «совершил пятничную молитву в мечети Кохья на площади Оперы».

Журнал же «Аль-Иткейн» от 29 ноября 1943 г. поместил беседу своего корреспондента с тов. Султановым о роли женщины в СССР во время Отечественной войны как статью самого тов. Султанова.

Хотя содержание статьи и было весьма хорошее — роль женщины в тылу и на фронте Отечественной войны, забота государства и общественных организаций о детях вообще и детях фронтовиков, в особенности сиротах, роль детских учреждений в эмансипации женщин — однако отдельные формулировки корреспондента неизбежно отражали его недостаточную осведомлённость в этих вопросах, и тов. Султановым в письменной форме было обращено внимание редактора журнала на недопустимость печатания беседы с корреспондентом под видом статьи тов. Султанова.

После вручения тов. Новиковым верительных грамот королю ряд газет и журналов поместили на своих страницах снимки посланника и ответственных сотрудников миссии и пространные отзывы о церемониале вручения верительных грамот королю Фаруку.

Корреспондент газеты «Аль-Масри», передавая свою беседу с тов. Новиковым непосредственно после вручения верительных грамот королю, не смог обойтись без пышных фраз возвеличения короля и церемониала вручения вроде «я не в состоянии выразить чувства восхищения великолепием...», которые вовсе не высказывались.

Как на пример дешёвой погони за сенсацией надо указать на то, что ряд газет на следующий день вручения верительных грамот королю поместили сообщения своих корреспондентов о том, что якобы, выйдя из дворца, тов. Новиков заявил журналистам, что он «восхищён великолепием приёма и что нашёл Е.В. короля действительно великим».

Тов. Новикову при последующем визите к премьеру Нахас-паше пришлось указать на то, что при выходе из дворца

он никаких заявлений журналистам не делал, и тем более приписываемой ими фразы.

Очень хорошую статью об СССР в связи с приездом нашей миссии поместил журнал «Аль-Мусаввар» от 24.XII-43 г.

Отметив, что причиной успехов Красной Армии является решимость и самоотверженность советского народа, его любовь к родине, ненависть к немецким захватчикам, а также преданность гениальному вождю и полководцу тов. Сталину, журнал заканчивает следующим образом своё сообщение:

«В глазах советских людей немецкие фашисты не являются социалистами, а просто фашистами-империалистами, ибо социализм у них является первой ступенью к коммунизму, а коммунизм в понятии советских людей олицетворяется с подлинной всечеловеческой демократией.

Вот почему Россия вступила в союз с великой демократией Англии и США для совместной борьбы против Германии в защиту демократии, за освобождение оккупированных территорий от немецких захватчиков, для оказания помощи порабощённым народам.

Россия вовсе не собирается экспортировать коммунизм за границу... Она считает Египет дружественной страной, как и другие демократические народы».

2-ой секретарь миссии СССР в Египте

(Султанов)

АВПРФ. Фонд 87. Опись 1. Папка 1. Дело 7. Л. 20–17.

Перевод с арабского.

Миссия СССР в Египте.

Перевод статьи из журнала «Мусаввар»

(номер от 24.XII-43 г. Статья иллюстрирована photographиями т.т. Новикова, Солода и Султанова)

Советское дипломатическое представительство

Установление дипломатических отношений с Советским Союзом совпадает с моментом, когда весь мир с восхищением

следит за выдающимися победами советских войск над германским агрессором.

Недавно прибыл в Каир первый советский дипломатический представитель тов. Новиков, который является полномочным министром при короле Египта и в то же время послом СССР при королях Югославии и Греции.

Николаю Новикову 40 лет, он окончил Восточный институт в Ленинграде по факультету истории Востока. После этого он занимал ряд постов в советских организациях и с 1938 г. работает в Министерстве иностранных дел.

До своего назначения посланником в Египте тов. Новиков заведовал 4-ым Европейским отделом Министерства, знает французский, турецкий и английский языки. Арабского языка не знает.

Кроме посланника, из дипломатических работников в миссии имеется советник, первый секретарь и 2-ой секретарь. Советником миссии является молодой человек лет 35 лет по имени Данил Солод, окончивший один из высших московских университетов.

Вторым секретарём миссии является Султанов Абдурахман, советский гражданин из татар, окончивший Институт востоковедения в Москве, знает арабский, английский и турецкий языки.

Мы говорили, что секретарь миссии Султанов из татар. Татары являются одной из многочисленных народностей, населяющих Советский Союз. Там проживает 70 народностей. Население Советского Союза достигает 200 млн. человек! 25 млн. — татар, бухарцев, кавказцев, дагестанцев, азербайджанцев и др. Русскими называются основные жители России, а термин советский гражданин включает в себя все народности Советского Союза. Советский Союз считается одновременно западной и восточной державой, он очень велик и в нём проживают как западные, так и восточные народности.

Некоторые спрашивают, в чём причина отступления немцев и непрерывных побед русских, свидетелем которых

является весь мир. Как мы узнали, основными факторами являются следующие:

1. Руководство военными силами осуществляется вождём народа Сталиным, являющимся опытным солдатом, блестящим стратегом и крупнейшим полководцем.

2. Решимость и самоотверженность советского народа в защите родины, его непримиримая ненависть к немцам, в которых он видит диких грабителей и агрессоров империалистов. Этот героизм рождает экономический и моральный потенциал для дела обороны.

3. Успешное и быстрое завершение военного строительства, перевод военных заводов в ходе войны с запада на восток и соревнование за повышение производительности труда.

4. Мобилизация всех советских экономических и моральных сил для войны, участие всего населения без различия пола и возраста в деле освобождения родины от агрессора.

В глазах советских людей немецкие фашисты не являются социалистами, а просто фашистами-империалистами, ибо социализм является первой ступенью к коммунизму, а коммунизм в понятии советских людей олицетворяется с подлинной (гуманитарной) всечеловеческой демократией.

Вот почему Россия вступила в союз с великой английской и американской демократией для совместной борьбы против Германии в защиту демократии, за освобождение оккупированных территорий от немецких захватчиков, для оказания помощи порабощённым немцами народам.

Россия вовсе не собирается экспортировать коммунизм за границу. Она считает Египет дружественной с Россией страной, как и другие демократические страны.

Перевёл 2-ой секретарь миссии СССР в Египте

(Султанов)

Новый русский посланник

«Товарищ Новиков — новый русский посланник в Египте — дипломат первой категории. Очень осведомлен в делах

Востока. На первый взгляд он напоминает военного, но он отличный собеседник, хотя избегает разговаривать с журналистами!

Говорят, что, когда с ним встретились египетские журналисты и стали интересоваться новостями, он только и сказал: «В Египте зима очень жаркая» и ретировался от журналистов».

Журнал «Аль-Масри Эфенди», 2 дек. 1943

Новый русский посланник

«Перед приездом нового русского посланника в Египет Министерство иностранных дел подготовило для него специальное досье.

Г-ну посланнику 42 года, а не 30, как писали в одной из газет. Был он профессором в Восточном институте в Москве и знает арабский язык, как сами арабы».

Журнал «Руз аль-Юсеф», 2 дек. 1943

Сотрудники русской миссии

«В ближайшие дни ожидается прибытие всех работников миссии... При миссии будет организовано также бюро информации (пресс-бюро). Говорят, что все сотрудники подбираются из лиц, хорошо владеющих арабским языком. До сих пор прибыло 70 сотрудников».

Журнал «Руз аль-Юсеф», 2 дек. 1943

Египет и Россия

Беседа с секретарем русской миссии в Египте.

«Наш корреспондент беседовал с секретарем русской миссии Абдурахманом Султановым, прибывшим в Египет на днях, как мы сообщали уже об этом в прошлом номере.

Султанов хорошо владеет арабским языком и прекрасно отзывается о Египте, о котором он читал много, ещё будучи в России. Г-н Султанов знаком, как с древней цивилизацией, так и с процессом возрождения новой культуры в Египте. Он

с увлечением читает арабскую прессу и любит арабскую литературу.

Г-н Султанов сказал, что, будучи в России, читал кое-что о Каире, и то, что он увидел — превосходит его представление о нём.

Каир, сказал он, является крупнейшим центром вообще и центром арабской цивилизации в частности.

Касаясь Советского Союза, Султанов сказал, что в Советском Союзе живёт очень много мусульман, и все они пользуются всеми правами, предоставленными советской Конституцией всем гражданам СССР без различия пола, религии и национальности.

Все граждане России, без различия национальности, пользуются свободой вероисповедания, и мусульмане борются против фашизма плечом к плечу со всеми остальными гражданами, населяющими Россию».

Газ[ета] «Аль-Масри», 16 ноября 1943 г.

Посланник России

«Господин Новиков, новый полномочный министр России в Египте, посетил министерство иностранных дел, где встретился с шефом протокола Мухаммед Ясин беем, а в 11 ч. 30 м. был принят премьер-министром Нахас-пашой. По дипломатическому обычаю гос[подин] Новиков вручал Нахас-паше копию верительной грамоты.

Беседа продолжалась около 20 минут. На приёме присутствовал заместитель министра иностранных дел доктор Мухаммед Салахеддин бей».

Газ[ета] «Аль-Ахрам», 26 ноября 1943 г.

Прибытие первого русского полномочного министра

«В 3.15 после обеда вчера на аэродром прибыл на самолёте первый чрезвычайный посланник и полномочный министр Союза Советских Социалистических Республик в Египте.

Вместе с ним прибыла его семья и сотрудники миссии. Часть из них остановилась в гостинице «Шеперд», а другая в специально нанятом доме.

Как помнят читатели, секретарь миссии тов. Султанов прибыл за несколько дней раньше для подготовки встречи посланника».

Газ[ета] «Аль-Масри», 24/XI-43 г.

Русский посланник

«Как мы узнали, товарищ Новиков является первым полномочным министром Советского Союза в Египте и в то же время послом при правительствах Греции и Югославии. Он привёз с собой послание президента Калинина Его Величеству Королю Египта, которое он вручит вместе с верительной грамотой.

Посланнику всего 30 лет. Он был профессором в Институте восточных языков, затем был назначен секретарём в Министерстве иностранных дел, а затем зав. Восточным отделом...

Как мы узнали также, господин премьер-министр в прошлую пятницу очень любезно принял его в министерстве иностранных дел и пожелал ему счастливого пребывания в Египте. В своем ответе г-н Новиков выразил уверенность, что он надеется встретить всяческое содействие (премьера) в своей миссии по укреплению отношений между Египтом и Россией.

Весьма интересно то, что посланник товарищ Новиков заметил, что в Египте зима весьма жаркая».

Газ[ета] «Аль-Масри» от 27/XI-43. г.

Беседа с тов. Султановым

(Сокращённый перевод)

Вопрос корреспондента: Вы хорошо владеете арабским языком, где его изучали?

Ответ Султанова: В Институте востоковедения в России. Но журналисты преувеличивают мои познания в этой области, и, возможно, этим объясняется то, что очень многие из

них желают поговорить со мной лично. Как видите сами, я не особенно уж хорошо владею им.

Вопрос: Много ли людей говорят по-арабски в России?

Ответ: Очень мало. Однако мусульман в России около 25 млн., и многие умеют читать Коран, написанный на арабском языке, хотя и не понимают значения.

Вопрос: Встречали ли кого-либо из великих людей Египта?

Ответ: Имел честь встретиться с господином Нахас-пашой и нахожу его весьма обаятельной и энергичной личностью.

Вопрос: Что знают в России о Египте?

Ответ: Знают очень мало. Имеют общее представление о Египте по газетным сообщениям. Однако в университетах у нас изучают историю Египта и в России имеются богатейшие музеи о древней египетской цивилизации.

Вопрос: Говорят, в России все дома одного стандарта и все они принадлежат государству?

Ответ: Это неверно. Инженеры у нас соревнуются в строительстве различных типов домов и строений, и не только государство строит дома, но каждый гр[аждани]н может строить себе дом. Впрочем, в деревнях, как правило, все дома частные.

Вопрос: В чем, по-вашему, причина побед Красной Армии?

Султанов ответил очень коротко: Умелое руководство любимого вождя маршала Сталина и патриотический подъём русского народа и вера его в свои идеалы, из-за которых он борется не щадя жизни.

Вопрос: Когда закончится война?

Ответ: Это такой вопрос, ответ на который решается на полях сражений, а не в беседе нас с Вами здесь, в «Шеперд-отеле».

Вопрос: Ваша фамилия Султанов не имеет ли что-либо общего с фамилией Султан(ов) в Египте?

Ответ: Не думаю... (тут тов. Султанов впервые улыбнулся) и сказал, что он надеется, впрочем, когда-либо познакомиться с этой фамилией».

Журнал «Ахер Саа», № 478, 5 декабря 1943 г.

Странное предложение

«В Порт-Саиде открывается мечеть. Некоторые внесли предложение назвать ее «Мечетью Аль-Аламейн».

Другой сановник внёс предложение пригласить на открытие мечети Маршала Тимошенко, т. к. он является единственным крупным среди союзных сил командующим из мусульман».

«Аль-Иткейн», № 479, 14 авг. 1943 г.

Россия велика

«Россия велика, и богата она не только обилием полезных ископаемых, но и обилием религий и языков. Когда Россия посылает дипломатических работников в разные страны, то она в выборе последних сообразуется с религией той страны, куда посылает работников.

Когда прибыли первые дипломатические работники России, так первое, что бросилось в глаза, то, что большинство их говорит по-арабски и многие из них мусульмане».

«Аль-Мусаввар», 3 дек. 1943 г.

О мечети

«Товарищ Султанов уклонился от дачи интервью журналистам, извинившись, что он ещё не приступил к работе.

В прошлую пятницу господин Султанов посетил мечеть Аль-Кохья на площади Оперы».

«Руз аль-Юсуф», 18 ноября 1943 г.

АВПРФ. Фонд 87. Опись 1. Папка 1. Дело 7. Л. 20–13.

**СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ РОССИЙСКОГО
ВОСТОКОВЕДЕНИЯ: ПЕРЕПИСКА А.Е. КРЫМСКОГО
С ОТЕЧЕСТВЕННЫМИ ВОСТОКОВЕДАМИ (В.Р. РОЗЕН,
В.В. БАРТОЛЬД, В.Ф. МИНОРСКИЙ)¹**

Валеев Р.М.

*Федеральное государственное автономное
образовательное учреждение высшего образования
«Казанский (Приволжский) федеральный университет»,
Казань*

Валеева Р.З.

*Казанский инновационный университет (ИЭУП),
Казань*

Васильюк О.Д.

*Институт востоковедения имени А.Е. Крымского
Национальной академии наук Украины, Украина*

Дьяков Н.Н.

*Санкт-Петербургский государственный университет,
Санкт-Петербург*

¹ Исследование проведено в рамках гранта Российского фонда фундаментальных исследований (РФФИ) № 18-09-00331 «Эпистолярное наследие российских востоковедов на рубеже веков: переписка А.Е. Крымского, В.Р. Розена, Ф.Е. Корша, В.А. Жуковского, С.Ф. Ольденбурга, В.В. Бартольда, Н.А. Медникова, П.К. Коковцова, В.Ф. Минорского (1890–1930-е гг.)».

Кириллина С.А.

*Федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение высшего образования
«Московский государственный университет имени
М.В. Ломоносова», Москва*

Мартынов Д.Е.

*Казанский (Приволжский) федеральный университет,
Казань*

Мейер М.С.

*Федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение высшего образования
«Московский государственный университет
имени М.В. Ломоносова», Москва*

Хайрутдинов Д.Р.

*Казанский инновационный университет (ИЭУП),
Казань*

Период второй половины XVIII — начала XX столетия ознаменовался драматическим, но при этом успешным развитием российской науки о Востоке. Когорта выдающихся отечественных ученых-востоковедов, представителей многих народов России, обеспечила мировой уровень комплексных филологических, исторических, археологических, этнографических исследований в академических и университетских центрах Отечества. Важную роль в генезисе российского востоковедения сыграли Петербургская академия наук, университеты, научные общества и различные официальные органы власти России.

Исследования отечественных ориенталистов имели широкий региональный, хронологический и проблемный диапазон. Во многом истоки современного отечественного и международного авторитета российской школы и центров востоковедения были связаны с исследованиями классического и современного циклов. Отечественное востоковедение

и востоковедная мысль объективно способствовали осознанию величия истории и культуры народов полиэтничной и поликонфессиональной России, осмыслению значимости взаимодействия европейских и азиатских исторических и идейных символов, географического и историко-культурного взаимодействия и постижению сути все еще не раскрытого феномена моста между Востоком и Западом¹ и того, что, как писал выдающийся российский философ Николай Бердяев, «Россия должна сознавать себя ... Востоко-Западом, соединителем двух миров, а не разделителем»².

Университеты Российской империи в XIX — начале XX столетия, претворяя в жизнь свою социально-политическую, научную и культурную миссию, играли важную роль в реализации классической модели «идеала университета» и «университетской идеи»³. Востоковедение как новое гуманитарное и научно-просветительское направление российского университетского сообщества Нового времени следовало лучшим образцам классического европейского университетского образования в деле «возвышения и распространения науки», «приращения научного знания», развития интеллекта и личности студента. Университетские уставы 1804, 1835, 1863 и 1884 гг. развивали институциональные основы моделей классического и прикладного востоковедения высшей школы России. Тенденция усиления специализации университетского востоковедения и его органичной интеграции с Академией наук на протяжении XIX в. была связана как с требованиями «чистой науки» о Востоке, так и с необходимостью подготовки кадров для государственной службы и реализацией внутренней и внешней политики империи.

Востоковедение в России в XIX — начале XX столетия было неразрывно связано с геополитическим, общественным и культурным развитием империи. Официальный курс общеимперской самодержавной политики по отношению к «инославным», «иноверным» подданным, «языческий», «исламский» и «буддийский» факторы и другие политические и духовные

явления находили отражение на различных этапах истории востоковедения. При этом особо подчеркнем, что данная образовательная, исследовательская и социокультурная традиция изучения Востока сыграла важную роль в ослаблении традиционного европоцентристского стереотипа восприятия Востока и сглаживании представлений об «азиатском варварстве и фанатизме», «деструктивном мусульманском факторе», «панисламизме», «пантуранизме», «татаризации» и т. п.⁴

В процессе формирования институциональной модели образования и науки о Востоке российское университетское востоковедение вступало в противоречие с имперской властью. В этом отношении показательны «дело профессоров» 1821 г. и реакция ряда авторитетных наставников на расправу с «неблагонадежными профессорами» Петербургского университета. По свидетельству патриарха российской арабистики И.Ю. Крачковского, приглашенные в Петербургский университет известные французские профессора «Шармуа и Деманж⁵, как люди чести, устранились от участия в грязной провокации и отказались от должности», в результате с осени 1821 г. «преподавание восточных языков шло с большими перерывами, а 25 июля 1822 г. оба профессора вообще покинули университет»⁶.

Оценивая деятельность первого декана восточного факультета Санкт-Петербургского университета Мирзы (Александра Касимовича) Казем-Бека (1855–1859 гг.), И.Ю. Крачковский подчеркивал, что «пятилетний период деканства был, в сущности, борьбой между практическим и научным уклоном в работе молодого Факультета, где Казем-бек поддерживал первое направление»⁷.

На рубеже XIX–XX вв. в идеологии и практике самодержавной политики «в области государственно-культурной и просветительской деятельности» особое внимание обращалось на «усиление существующих научных средств изучения русского мусульманского Востока соответственным расширением ... факультетов С.-Петербургского и Казанского универ-

ситетов». Одним из конкретных перспективных мероприятий было признано образование в Казани, «как одном из центров мусульманства, восточного отделения при филологическом факультете университета для изучения восточных языков, истории и быта восточных народов, населяющих как Россию, так и прилегающие к ней государства, исповедующих ислам»⁸.

Особое место в истории российского и зарубежного востоковедения, в истории и культуре народов современной России, Армении, Азербайджана, Казахстана, Узбекистана, Украины и др. занимают ключевые центры востоковедения в Петербурге, Москве и Казани — Азиатский музей, Санкт-Петербургский, Московский и Казанский университеты, Лазаревский институт восточных языков, Восточная комиссия Московского археологического общества, Восточное отделение Русского археологического общества и другие учебно-научные центры с их богатыми исследовательскими и гуманистическими традициями в изучении арабо-мусульманского мира и значимым наследием выдающихся ученых и практиков.

Исключительную роль в формировании облика отечественного востоковедения сыграли такие корифеи науки о Востоке в целом и арабо-мусульманских штудий в частности, как Х.Д. Френ (1782–1851), А.К. Казем-Бек (1802–1870), В.Р. Розен (1849–1908), Ф.Е. Корш (1843–1915), В.А. Жуковский (1858–1918), В.В. Бартольд (1869–1930), И.Ю. Крачковский (1883–1951), Н.А. Медников (1855–1918), П.К. Коковцов (1861–1942), В.Ф. Минорский (1877–1966), Б.В. Миллер (1877–1956). Это лишь некоторые имена исследователей и наставников, внесших весомый вклад в отечественную ориенталистику и востоковедное образование XIX–XX вв.

В ряду основоположников академического и университетского востоковедения в области арабистики, семитологии, тюркологии, иранистики и славистики важное место принадлежит А.Е. Крымскому (1871–1942), ученому и просветителю крымско-татарского, польского и белорусского происхождения. В 1892 г. А.Е. Крымский окончил Лазаревский институт вос-

точных языков, в 1896 г. — Московский университет. С 1898 по 1918 г. он работал профессором Лазаревского института восточных языков. С 1892 г. — член Московского археологического общества (МАО), в 1918–1942 гг. — секретарь Восточной комиссии МАО и академик Национальной Академии наук Украины. В 1896–1898 гг. А.Е. Крымский находился в научной командировке в Бейруте, где собрал уникальные материалы по истории и культуре Сирии и Ливана. А.Е. Крымский известен как автор классических работ в области арабистики, семитологии, тюркологии, османистики, иранистики, истории, языкознания, литературы, религии, фольклора и этнографии народов мира ислама. Его имя тесно связано с формированием отечественной ориенталистики на рубеже эпох. А.Е. Крымский сыграл особую роль в формировании Украинской Академии наук, будучи ее неперменным секретарем в 1918–1928 гг., он является одним из основоположников национальной школы востоковедения. Он также получил признание как выдающийся украинский писатель и один из создателей новой украинской литературы, был тесно связан с известными деятелями культуры Украины — И. Франко, Л. Украинкой, М. Коцюбинским, В. Гринченко и др.

А.Е. Крымский стал одним из крупнейших представителей московской школы востоковедения, активно сотрудничал с петербургской школой ориенталистики и оказал существенное влияние на развитие востоковедения в других российских учебных и академических центрах. Его отчасти опубликованная и еще полностью не введенная в научный оборот переписка с российскими востоковедами является бесценным источником информации по истории отечественного востоковедения конца XIX в. — начала XX в.

Биография и наследие А.Е. Крымского нашли достойное отражение в российской, украинской и, отчасти, в зарубежной историографии⁹. Вместе с тем перспективным остается дальнейшее изучение его богатого научного творчества.

Востоковед-ближневосточник и славист, обладавший энциклопедическими знаниями ученый и активный общественный деятель, он оставил значимый след в истории российской и мировой арабистики, иранистики и тюркологии. Язык и литература, история и культура и в целом наследие арабо-мусульманской цивилизации — основополагающие направления преподавательской и исследовательской работы А.Е. Крымского. И.М. Смилянская, выделяя роль и значение ученого в истории отечественной гуманитарной науки на рубеже XIX–XX вв., писала: «А.Е. Крымский поражает разнообразием своих научных интересов, исследовательских и общекультурных. Являясь по преимуществу филологом, он был специалистом в области украинистики (и шире славистики), арабистом, семитологом, иранистом и тюркологом»¹⁰.

А.Е. Крымского с полным правом можно назвать одним из последних «могикан» классической мировой ориенталистики рубежа XIX–XX вв. Кроме того, он является основоположником советской школы востоковедения, в особенности арабистики, иранистики и тюркологии. В одном из своих писем академику И.Ю. Крачковскому (8 декабря 1937 г.), сравнивая сессии арабистов 1935 и 1937 гг., он писал: «Тогда — был один сплошной (выделено А.Е. Крымским — *Авт.*) праздник арабистики, задуховенно сопровождаемый и Вашим юбилеем. Теперь ... — конечно, и теперь сохранилось отрадное впечатление, что, несмотря на все препоны, поставляемые арабистике в течение 20 лет, она все же не умерла, а напротив, кое в чем даже процвела. Смотр научных сил оказался внушительный»¹¹.

Жизненный и творческий путь А.Е. Крымского подразделяется на три основных периода — московский (1889–1918 гг.), бейрутский (сирийско-ливанский) (1896–1898 гг.) и киевский (1918–1941 гг.), и именно с ними связана его востоковедческая переписка с учеными Москвы и Петербурга. Эмоциональные и содержательные письма А.Е. Крымского представляют несомненный интерес для осмысления научных

поисков, достижений и в целом духовных исканий российских ориенталистов. По сути, мы имеем дело с уникальным материалом, который позволяет пролить свет на социальные и психологические факторы, влиявшие на жизнь и творческий поиск ученых.

А.Е. Крымский состоял в переписке с такими выдающимися представителями отечественного востоковедения, как В.Р. Розен, В.В. Бартольд, П.К. Коковцов, В.Ф. Миллер, Ф.Е. Корш, И.Ю. Крачковский, В.А. Гордлевский, В.Ф. Минорский, Б.В. Миллер и др. Определяя значимость эпистолярного наследия А.Е. Крымского на примере его переписки с И.Ю. Крачковским в 1923–1940 гг., И.М. Смилянская делает акцент на том, что их письма являются «бесценным источником для изучения духовного опыта, логики творческого процесса, научных принципов, атмосферы научной и общественной жизни востоковедов в первые советские десятилетия»¹². Действительно, письма А.Е. Крымского передают дух той эпохи, и одновременно отражают характерные черты личности их автора. Выдающийся украинский писатель Иван Франко отмечал: «Он старается быть как можно объективнее, правдивее, не утерять ни крупицы той правды, которую постиг душой, и переливает ее на бумагу со всеми, иной раз совершенно случайными, аксессуарами, к каким, разумеется, в первую голову принадлежат личные настроения и чувства»¹³.

На сегодняшний день наиболее полноценными публикациями, посвященными эпистолярному наследию А.Е. Крымского, являются работы, изданные в 1970–2000-е гг.¹⁴ Что касается локализации писем А.Е. Крымского отечественным востоковедам, которые охватывают период с 1890 по 1930 г., отметим, что они рассредоточены по различным хранилищам: письма находятся в личных фондах академиков-востоковедов в Архиве РАН в Москве, Санкт-Петербургском Филиале Архива Российской академии наук (СПб АРАН), Архиве востоковедов Института востоковедения РАН, Российском государ-

ственном архиве литературы и искусства (РГАЛИ) и других культурных центрах.

Не меньший научный интерес представляют адресованные А.Е. Крымскому ответные письма российских востоковедов, которые хранятся в фондах Института рукописи Национальной библиотеки Украины им. В.И. Вернадского (ИР НБУВ) в Киеве. В частности, до нас дошли, помимо прочих, 4 письма П.К. Коковцова (1901–1909 гг.) и 13 писем Ф.Е. Корша (1897–1914 гг.). Также в фондах этой библиотеки находятся адресованные А.Е. Крымскому письма других известных ученых — 35 писем В.Ф. Минорского, 5 — С.Ф. Ольденбурга, 5 — В.П. Бузескула, 3 — А.А. Шахматова, 20 — Т.Г. Кезмы, 17 — М.О. Аттаи, 37 — П.Н. Лозеева и др.

Обратимся к обзору корреспонденций А.Е. Крымского В.Р. Розену, В.В. Бартольд и В.Ф. Минорскому, которые сыграли важную роль в его творческой биографии.

В фондах Санкт-Петербургского Филиала архива РАН хранятся 15 писем-автографов А.Е. Крымского, адресованных В.Р. Розену, а в Институте рукописи Национальной библиотеки Украины им. В.И. Вернадского — 3 ответных письма В.Р. Розена. Инициатором переписки выступил А.Е. Крымский, в то время молодой перспективный ученый. Она охватывает период 1898–1907 гг., насыщенный существенными переменами в жизни двух ведущих центров востоковедения имперской России — московского Лазаревского института восточных языков и восточного факультета Санкт-Петербургского университета. В этот период А.Е. Крымский (после возвращения из командировки на Ближний Восток) жил и работал в Москве. Академик В.Р. Розен в 1872–1908 гг. преподавал арабский язык на факультете восточных языков Санкт-Петербургского университета.

Барон В.Р. Розен относится к числу основоположников российской школы ориенталистики. В 1929 г. И.Ю. Крачковский, описывая «русские письма» востоковедов академику В.Р. Розену, находящиеся в Азиатском музее АН СССР, отмечал:

«Здесь блестяще представлена славная плеяда тех учеников В.Р. Розена, с именами, которых тесно связана вся история русского востоковедения, начиная с 80-х гг.»¹⁵. Учебно-научная деятельность В.Р. Розена получила высокую оценку в отечественной историографии. «Успешное развитие русского востоковедения ..., — читаем в коллективной монографии, посвященной истории отечественного востоковедения, — подготовленное всей историей изучения Востока в России, закономерно связывается с именем выдающегося ученого, педагога и организатора академика В.Р. Розена, воспитанника ФВЯ и его декана с 1893 по 1902 г.»¹⁶. А.Е. Крымский также оценил по достоинству заслуги своего маститого собрата. В посвященной В.Р. Розену статье, написанной для «Энциклопедического словаря Гранат», он писал: «В истории развития русского востоковедения 2-й полов. XIX в. Р[озену], как организатору и учителю молодых (впоследствии крупных) ученых, принадлежит значительная роль»¹⁷. «В Зап. Европе,— продолжал А.Е. Крымский, — он особенно известен участием в издании старейшего арабского историч. свода Табария¹⁸ (серии III. Т. 3, Лейд. 1883–1884), эрудитным описанием на франц. яз. богатого собрания арабских и персидских рукописей мин. иностр. дел (1877–1891) и тесным научным общением со всеми выдающимися представителями европ. востоковедения»¹⁹.

Первое письмо академику В.Р. Розену А.Е. Крымский написал 4 октября 1898 г., последнее — 3 января 1906 г. Они были отправлены из Москвы, родного города Звенигородки и Ставрополя. Три сохранившихся письма В.Р. Розена А.Е. Крымскому были написаны в 1903, 1904 и 1907 гг. Переписка прекратилась со смертью В.Р. Розена 10 (23) января 1908 г.

В октябре 1898 г., во втором письме В.Р. Розену, А.Е. Крымский писал: «Кроме программы мое внимание было остановлено несколькими Вашими словами о моей работе «Очерк развития суфизма»²⁰, которые еще раз заставили меня глубоко пожалеть о том, что мне не пришлось поучиться под

Вашим руководством. Ваши слова — первая критика, которую я услышал: в течение девяти лет, которые я занимаюсь Востоком, я ни от кого из наших востоковедов никогда не мог найти никакой помощи, кроме филологической, и все (т. е. и методы, и источники, и пособия) должен был открывать самостоятельно»²¹. В.Р. Розен не был непосредственным наставником А.Е. Крымского, но его младший коллега многое у него перенял, тем самым пополнив когорту учеников и последователей В.Р. Розена, которые, по оценке И.Ю. Крачковского, «могли продолжить и расширить его работу не только в научной области, но и в сфере организации и руководства в широком масштабе»²². Свои научно-организаторские навыки А.Е. Крымский применил на посту неперменного секретаря Украинской академии наук (1918–1928 гг.).

В 1899 г. А.Е. Крымский в письме, адресованном В.Ф. Миллеру²³, сообщая о своей работе над диссертацией, писал: «Чувствую себя при этой работе прекрасно, а симпатичные письма бар[она] Розена содействуют бодрости духа. Я не перестаю сознавать, что в научном отношении для меня было в высшей степени полезно знакомство с петербургскими ориенталистами вообще, а с бар[оном] Розеном в особенности»²⁴.

В дальнейшем А.Е. Крымский неоднократно возвращался к оценке личности и наследия В.Р. Розена. Наиболее рельефное отражение это получило в его письмах академику И.Ю. Крачковскому, написанных в киевский период его жизни. В письме от 1934 г., написанном А.Е. Крымским в связи с кончиной академика Н.Я. Марра²⁵, читаем: «И ... уже не стало многих представителей русского востоковедения. Гибнет оно. Теперь — умер Марр. Скоро не останется ни одного из той славной группы учеников бар. Розена»²⁶.

В 1935 г., после ознакомления с некрологом на смерть В.В. Бартольда, написанным И.Ю. Крачковским, сравнивая В.В. Бартольда с В.Р. Розеном, А.Е. Крымский писал: «Характеризован у Вас Бартольд очень рельефно, причем некролог не обращен в панегирик. ... Одной лишь черты Вы не улови-

ли или, быть может, постеснялись уловить. У Бартольда совсем не было того свойства, которое присуще было незабвенному бар. Розену ... умение любовно обращаться с учениками, создавать учеников-товарищей, формировать, так сказать, «научную семью»²⁷.

Не менее значима для истории отечественного востоковедения переписка А.Е. Крымского и В.В. Бартольда, которую они вели на протяжении многих лет, и которая отражала их личное восприятие событий профессиональной и общественной жизни, благодаря чему мы можем уяснить их скрытую подоплеку.

А.Е. Крымский и В.В. Бартольд были людьми одного поколения, оба исповедовали сходные общественные и научные идеалы, но выросли в разных социокультурных условиях. Оба получили блестящее образование и стали звездами российской ориенталистики. Оба были востоковедами широкого профиля, признанными специалистами в области арабо-мусульманской цивилизации. Оба были избраны академиками (В.В. Бартольд в 1913 г. в РАН, А.Е. Крымский, как ранее указывалось, в 1918 г. в УАН).

В фондах Института рукописи Национальной библиотеки Украины им. В.И. Вернадского хранится 9 писем В.В. Бартольда, адресованных А.Е. Крымскому, а в фондах Санкт-Петербургского архива РАН — 7 ответных писем А.Е. Крымского. Они охватывают временной промежуток с 1908 по 1928 г., подразделяясь на два периода — дореволюционный и советский.

Переписка открывается письмом В.В. Бартольда от 12 декабря 1908 г.²⁸, в котором ученый делится своими впечатлениями после прочтения полученного от А.Е. Крымского экземпляра нового издания его работы «История Персии, ее литературы и дервишеской теософии»²⁹.

В следующем письме В.В. Бартольда, от 11 февраля 1909 г., не только содержится продолжение обсуждения «Истории Персии», но и затрагивается более широкая тема, связанная

с состоянием отечественной востоковедной науки и образования в начале XX в. «Что касается Ваших книг, — пишет В.В. Бартольд, — то я объясняю многие из их недостатков, помимо тех условий, в которых Вам приходится работать, и других причин, еще состоянием нашей науки. Я вполне признаю, что в этом отношении существует своего рода *circulus vitiosus* (порочный круг. — *Авт.*): для сколько-нибудь отчетливого представления [о] деталях необходимы, особенно для студентов, общие курсы политической истории, между тем, пока не исследованы детали, невозможно сколько-нибудь ясное представление о целом и внесение причинной связи событий ... Вы пишете, что вследствие излагаемых Вами причин Ваши работы «будут появляться лишь в минимально сносном виде», а не в том, в каком бы Вы хотели их видеть. Мне кажется, что не только Вы, но и никто другой не в состоянии написать теперь в два-три года (Ваши книги, если не ошибаюсь, пишутся гораздо быстрее) сколько-нибудь сносную книгу под заглавием: «История Персии, ее литературы и дервишеской теософии». Для этого требуется труд целой жизни; о более высоких ступенях совершенства не приходится и мечтать»³⁰.

В дальнейшем, в небольшом письме от 12 октября 1913 г., А.Е. Крымский сердечно поздравил В.В. Бартольда с его избранием академиком РАН: «Сегодня прочитал в газете о Вашем избрании в Академию — и от души Вас поздравляю, или вернее — поздравляю Академию с приобретением такой крупной научной силы». И далее делает приписку: «Пользуюсь случаем напомнить Вам, Вы прежде имели по отношению ко мне очень приятную для меня привычку — присылать оттиски всех работ. В последнее время я от Вас ничего не получал ... Буду благодарен, если Вы меня вновь поместите в список тех, кому рассылаете оттиски и труды»³¹.

Особенно информативной и актуальной для нашего времени является дошедшая до нас корреспонденция, датированная 1922 г. Это два письма В.В. Бартольда — от 6 августа и 1 сентября и письмо А.Е. Крымского от 19 августа, значительные

по объему и охватывающие многие актуальные научные и общественные вопросы.

Прежде всего, в этом блоке мы находим много примечательных сведений о перипетиях в востоковедной науке послереволюционной поры. Так, В.В. Бартольд информирует А.Е. Крымского о кончине ряда коллег: «Об условиях нашей здешней жизни Вы, вероятно, осведомлены, знаете и о наших последних потерях: смерти молодого арабиста И.П. Кузьмина, в котором мы надеялись получить первого русского специалиста по арабской философии, и почти одновременной смерти тюрколога и османиста В.Д. Смирнова (1846–1922) и его молодого ученика П.А. Фалева (1888–1922). На некоторое время — надеюсь, ненадолго — против своей воли пришлось выбыть из нашей среды И.Ю. Крачковскому»³². Потрясенный А.Е. Крымский пишет в ответ: «Я с жадностью прочитал Ваши сообщения о жизни петербургских ориенталистов. Смерть Кузьмина, Фалева, Смирнова — все это для меня новость, грустная, жгуче скорбная новость. Жив ли Коковцев? Мне известно было лишь, что скончались Жуковский, Залеман, Тураев, Медников. Нет ли еще жертв смерти? Ужас охватывает при виде этого синодика»³³. Получив письмо В.В. Бартольда, А.Е. Крымский не сразу осознал, что случилось с И.Ю. Крачковским. Он спрашивает В.В. Бартольда: «Вы пишете: «Пришлось выбыть из нашей среды, против своей воли, И.Ю. Крачковскому». Что это значит? Где же он?», и в конце письма снова добавляет: «Хотел бы переслать через Вас привет Крачковскому, но из Вашего письма выходит, что его нет в Петербурге. Повторяю свою просьбу, сообщите мне, что случилось с ним»³⁴. Пояснения В.В. Бартольда последовали в следующем письме: «Я думал, что Вы поймете «описательное» выражение о Крачковском; теперь Вам и из наших газет, если они доходят до Вас, известно о многочисленных арестах среди ученых; Кр[ачковский] оказался в числе их, хотя, насколько нам известно, всегда был очень далек от политики.

До сих пор он не освобожден; в чем его обвиняют и что с ним намерены делать, пока достоверно не известно»³⁵.

Не менее значима для истории отечественной востоковедной науки переписка А.Е. Крымского с видным иранистом и тюркологом В.Ф. Минорским, который был его учеником в Лазаревском институте восточных языков. До учебы в Лазаревском институте восточных языков, который он окончил в 1903 г., В.Ф. Минорский прошел курс обучения на юридическом факультете Московского университета (окончил в 1900 г.). С 1904 г. он трудился на дипломатическом поприще на Ближнем Востоке. Карьеру дипломата В.Ф. Минорский начал в Иране (1904–1907 гг.), с 1911 г. работал в составе смешанной англо-русско-турецко-персидской комиссии по демаркации турецко-иранской границы, а в 1916 г. был назначен советником российского посольства в Тегеране. После 1917 г. В.Ф. Минорский жил и работал за границей. В 1919 г. он переехал из Ирана во Францию, где с 1923 г. читал курсы лекций по персидской литературе в Национальной школе живых восточных языков в Париже, позднее — по истории ислама и Турции в различных учебных центрах Франции. В 1932 г., переехав в Англию, В.Ф. Минорский начал преподавать фарси и читать лекции по литературе и истории Ирана в Школе восточных исследований Лондонского университета³⁶. Он известен как автор работ по истории, языку, литературе, духовной культуре и географии народов Ближнего и Среднего Востока, пользовавшихся широкой известностью в академических кругах. По выходе на пенсию в 1944 г. В.Ф. Минорский избрал местом постоянного жительства Кембридж, который покидал для чтения лекций (в 1948–1949 гг. читал курсы лекций в Каирском университете). Его заслуги перед наукой получили мировое признание. В.Ф. Минорский был действительным членом Британской и Французской академий наук, почетным членом и членом-корреспондентом ряда европейских научных обществ, доктором Брюссельского и Кембриджского университетов, профессором Лондонского

университета, в 1962 г. был награжден золотой медалью британского Королевского Азиатского общества. В год кончины В.Ф. Минорский принял участие в XXV конгрессе востоковедов в Москве³⁷.

А.Е. Крымский всегда живо интересовался судьбой и научными изысканиями своего выдающегося ученика и наладил с ним переписку после переезда в 1918 г. в Киев. В личном фонде В.Ф. Минорского в Архиве востоковедов Института восточных рукописей РАН в Санкт-Петербурге находятся послания А.Е. Крымского В.Ф. Минорскому, всего 8 писем и 1 открытка³⁸. Эпистолярий В.Ф. Минорского к А.Е. Крымскому хранится в киевском Институте рукописи Национальной библиотеки Украины им. В.И. Вернадского³⁹. Он включает 23 послания, написанных в период с 4 января 1904 г. до 21 апреля 1911 г. и отправленных из Москвы, Санкт-Петербурга, Тегерана, Тебриза и Баку.

Являясь оригинальными автографами А.Е. Крымского и В.Ф. Минорского, эти письма включают содержательные характеристики арабистических, иранистических и тюркологических исследований в России в первой четверти XX в., в них отражены исследовательские позиции, политические взгляды двух неординарных мыслителей и их эмоционально-психологический настрой.

Переписка этих маститых ученых, до настоящего времени не введенная в научный оборот, является объектом исследования в рамках проекта, цель которого — изучение, систематизация и подготовка к публикации неизвестного эпистолярного наследия отечественных востоковедов, творивших на рубеже XIX–XX столетий, и конкретно исследовательская работа с перепиской А.Е. Крымского с В.Р. Розеном, Ф.Е. Коршем, В.А. Жуковским, С.Ф. Ольденбургом, В.В. Бартольдом, Н.А. Медниковым, П.К. Коковцовым и В.Ф. Минорским.

В целом «востоковедная составляющая» эпистолярного наследия А.Е. Крымского представляет несомненный интерес для современников по следующим причинам. Его письма и

ответные письма ученых — автографы крупнейших российских востоковедов конца XIX в. — начала XX в. Эта переписка содержит материалы, дающие представление об их научной и общественной позиции, и позволяет оценить масштаб их личностей. И наконец, в них мы находим уникальные оценки того непростого времени, а также состояния российского востоковедения в целом, и арабистики, иранистики, тюркологии в частности.

ПРИМЕЧАНИЯ И СНОСКИ

1. *Соловьев В.* Русская идея. М., 1911. С. 15.
2. *Бердяев Н.* Судьба России. М., 1990. С. 28.
3. *Андреева Ю.* «Идея университета» в России (XVIII — начало XX в.) // «Быть русским по духу и европейцем по образованию»: Университеты Российской империи в образовательном пространстве Центральной и Восточной Европы. XVIII — начало XX в. М., 2009; История университетского образования в России и международные традиции просвещения. Т. 2. СПб., 2005 и др.
4. В официальном документе от 15 января 1911 г. Министерства внутренних дел «О мерах для противодействия панисламскому и пантюранскому (пантюркскому влиянию) среди мусульманского населения» отмечалось: «В последние десятилетия во всем мусульманском мире обнаруживается чрезвычайный подъем как религиозного, так и национально-культурного самосознания. Не оставшись чуждым и России, это движение проявилось среди населяющих ее разноплеменных и разноязычных народностей, исповедующих ислам, в явном стремлении их к тесному сплочению между собою на почве искусственно создаваемой татаризации, к обособлению от общегосударственных культурных задач и к духовному сближению с единоверными государствами, главным образом с Турцией» (См.: Записки П.А. Столыпина по «мусульманскому вопросу» 1911 г. Предисловие, примечания и комментарий Д.Ю. Арапова // Восток. 2003. № 2. С. 126).
5. Ученики Сильвестра де Саси — Жан Франсуа (Иван Францевич) Деманж (1789–1839) и Франсуа Бернар (Франц Францевич) Шармуа (1793–1868) возглавляли кафедры в Петербургском университете.

6. История отечественного востоковедения до середины XIX века. М., 1990. С. 145–146.
7. *Крачковский И.Ю.* Очерки по истории русской арабистики // *Крачковский И.Ю.* Избранные сочинения. Т. V. М.-Л., 1958. С. 89.
8. Записки П.А. Столыпина по «мусульманскому вопросу»... С. 132, 134.
9. См., например: *Базиянц А.П.* Лазаревский институт в истории отечественного востоковедения. М., 1973; *Бартольд В.В.* История изучения Востока в Европе и России. 2-е изд. Л., 1925; *Данциг Б.М.* Ближний Восток в русской науке и литературе. Дооктябрьский период. М., 1973; *Его же.* Изучение Ближнего Востока в России (XIX — начало XX в.). М., 1968; *Его же.* Русские путешественники на Ближнем Востоке. М., 1965; *Долинина А.А.* Невольник долга. СПб., 1994; История отечественного востоковедения с середины XIX века до 1917 года. М., 1997; *Коновалов А.Н.* Биобиблиографический словарь отечественных тюркологов. Дооктябрьский период. М., 1974; *Крачковский И.Ю.* Очерки по истории русской арабистики; *Гурницкий К.И.* Агафангел Ефимович Крымский. М., 1980.
10. *Смилянская И.М.* Очерк востоковедной деятельности А.Е. Крымского // *Крымский А.Е.* Письма из Ливана (1896–1898). М., 1975. С. 303.
11. Переписка академиков А.Е. Крымского и И.Ю. Крачковского 1920–1930-х годов. Публ. И.М. Смилянской // Неизвестные страницы отечественного востоковедения. М., 1997. С. 277.
12. Переписка академиков А.Е. Крымского и И.Ю. Крачковского... С. 7.
13. *Франко И.* Рец. на кн.: Крымский А. Пальмовые ветви // *Франко И.* Сочинения. Т. IX. М., 1959. С. 342.
14. *Крымский А.Ю.* Твори в п'яти томах. Т. 5, кн. 1. Листи (1890–1917); кн. 2. Листи з Сирії та Лівану (1896–1898). Київ, 1973; *Крымский А.Е.* Письма из Ливана.; *Кузнецова Н.А.* Востоковеды-лазаревцы на рубеже двух веков по их письмам // Формирование гуманистических традиций отечественного востоковедения (до 1917 года). М., 1984. С. 122–144; Письма А.Е. Крымского И.Ю. Крачковскому. публ. и прим. А.Г. Недвецкого и И.М. Смилянкой // Восток. 1993. № 1. С. 150–169; Переписка академиков А.Е. Крымского и И.Ю. Крачковского...

- С. 155–368; Епістолярна спадщина Агатангела Кримського. Т. 1 (1890–1941 pp.); Т. 2 (1918–1941 pp.). Київ, 2005 и др.
15. См.: Доклады АН СССР. 1929. № 12. С. 231.
 16. История отечественного востоковедения с середины XIX века до 1917 года. С. 16. См. также публикации, посвященные наследию и памяти академика В.Р. Розена: Ал-Музаффарийя. Сборник статей учеников профессора барона Виктора Романовича Розена ко дню двадцатипятилетия его первой лекции 13-го ноября 1872–1897. СПб., 1897; *Веселовский Н.* 30 лет ученой деятельности барона В.Р. Розена // Журнал Министерства народного просвещения. 1902. Ч. 344. С. 157–161; Памяти барона Виктора Романовича Розена. Сообщения, читанные в заседании отделения 20 ноября 1908 г., и список трудов барона В.Р. Розена // Записки Восточного отделения Русского археологического общества. 1909. Т. XVIII. С. 1–48; Памяти академика В.Р. Розена. Статьи и материалы к сорокалетию со дня его смерти (1908–1948) / под ред. И.Ю. Крачковского. М.-Л., 1947.
 17. Энциклопедический словарь Товарищества бр. А. и И. Гранат: в 57 т. Т. 36, ч. III: Род — Россия. М., 1916. С. 129.
 18. Ибн Джарир ат-Табари (839–923), известный как «отец мусульманской историографии», автор монументального труда «Тарих ар-русул ва-л-мулук» («История пророков и царей»).
 19. Энциклопедический словарь. С. 128.
 20. *Крымский А.Е.* Очерк развития суфизма до конца III века Гижры. М., 1895.
 21. Санкт-Петербургский филиал Архива Российской академии наук (СПб АРАН). Ф. 777. Оп. 2. Д. 228 [Письма А.Е. Крымского — В.Р. Розену]. л. 3–4.
 22. Памяти академика В.Р. Розена. Статьи и материалы к сорокалетию со дня его смерти... С. 7.
 23. Всеволод Федорович Миллер (1848–1913) — российский фольклорист, этнограф, языковед и археолог. Известен как один из организаторов востоковедческого образования в России.
 24. *Кримський А.Ю.* Твори в п`яти томах. Т. 5. Кн. 1... С. 337.
 25. Николай Яковлевич Марр (1864–1934) — известный российский востоковед, кавказовед, этнограф и археолог.
 26. Переписка академиков А.Е. Крымского и И.Ю. Крачковского... С. 212–213.
 27. Там же. С. 219–220.

28. Институт рукописи Национальной библиотеки Украины им. В.И. Вернадского (далее — ИР НБУВ). Ф. I., Д. 22664. л. 1–1 об.
29. Первое издание: *Крымский А.Е.* История Персии, ее литературы и дервишеской теософии. Т. 1. Вып. I. М., 1901.
30. ИР НБУВ. Ф. I. Д. 22665. л. 1–1 об.
31. СПб АРАН. Ф. 68. Оп. 2. Д. 128. л. 2.
32. ИР НБУВ. Ф. I. Д. 22666. л. 2–2 об.
33. СПб АРАН. Ф. 68. Оп. 2. Д. 128. л. 9.
34. СПб АРАН. Ф. 68. Оп. 2. Д. 128. л. 9–10.
35. ИР НБУВ, ф. I, д. 22667. Л. 3. В июле 1922 г. ГПУ арестовало И.Ю. Крачковского, ему было предъявлено вымышленное обвинение в шпионаже в пользу Финляндии. Он был освобожден в январе 1922 г. только в результате ходатайств Академии наук и коллег.
36. School of Oriental and African Studies, University of London.
37. В.Ф. Минорский похоронен на Новодевичьем кладбище в Москве.
38. Архив востоковедов Института восточных рукописей РАН в Санкт-Петербурге. Ф. 134. Оп. 3. Д. 640. Фонд В.Ф. Минорского. Эти документы занимают 22 листа и представляют собой автографы и машинописные материалы. Послания А.Е. Крымского В.Ф. Минорскому были отправлены из Москвы, Трапезунда, Звенигородки и Харькова и датируются 4 июня 1910 г. (л. 6–7 об.), 10 октября 1916 г. (л. 8–11), 13 августа 1917 г. (л. 1–2 об.), 20 октября 1917 г. (л. 3–4, открытка), 21 октября 1917 г. (л. 5), 20 января 1925 г. (л. 12–14 об.), дата получения от 4 апреля 1925 г. (л. 15–16), 22 августа 1925 г. (л. 17–18 об.) и 23 октября 1925 г. (л. 19–21 об.).
39. ИР НБУВ. Ф. 36. Д. 377–399 [Письма В.Ф. Минорского — А.Е. Крымскому].

**О ЧЕМ ПИСАЛИ РУССКИЕ ПОЛКОВЫЕ ГАЗЕТЫ,
ИЗДАВАВШИЕСЯ НА КАВКАЗСКОМ ФРОНТЕ
В ПЕРВУЮ МИРОВУЮ ВОЙНУ**

Васильев А.Д.

к.и.н., ФГБУН Институт востоковедения РАН, Москва

Васильев Д.Д.

*к.и.н., профессор, ФГБУН Институт востоковедения
РАН, Москва*

Период пребывания русских войск на территории Закавказья и Османской империи оставил заметный след в русской литературе и общественной мысли. Это связано с тем, что среди офицерства было немало представителей творческой интеллигенции: писателей, поэтов, художников, любителей истории и легендарного прошлого, окрашенного романтикой ориентализма.

После русско-турецкой войны 1877–1878 гг. и в ходе Первой мировой войны обширная территория Турции была захвачена русской армией. Крупные города — Карс, Трабзон и Эрзерум — находились под управлением русских военных. Одной из задач военных властей стало информирование местного населения, а также приходящих воинских частей, о происходящем в регионе и за его пределами. В Российской государственной библиотеке и Государственной публичной исторической библиотеке в Москве и Российской национальной библиотеке в Санкт-Петербурге хранится ряд газет, из-

дававшихся российскими военными в прифронтовых городах. Безусловно, одной из наиболее крупных и читаемых газет, издававшихся в годы войны в тылу Кавказского фронта, была еженедельная газета «Карс». Инициатива издания газеты «Карс» принадлежала генералу Томичу. Газета была предназначена для информирования местного населения о мероприятиях русской военной администрации, о событиях общественной жизни и в то же время служила задачам культурного, экономического и социального освоения и изучения края и его традиций. Важной составной частью содержания газеты были публикации законодательных актов военной администрации. Заметное место в газете уделялось коммерческим объявлениям местных жителей, что способствовало экономическому и торговому развитию Закавказья и северо-восточной Анатолии. Одним из главных редакторов газеты был не военный человек — А. Богословский, известный современникам в России как популярный литератор, который стремился отразить на страницах газеты наиболее примечательные события уже мирной жизни завоеванных территорий. Газета была еженедельной, а некоторые выпуски имели иллюстрированное приложение. Несмотря на бурный исторический период послереволюционных лет в России, почти все номера газеты, которая выходила с 1883 по 1917 годы, сохранились в специальном архиве Российской Государственной библиотеки. Фонд является общедоступным и оригиналы газет до сих пор в хорошей сохранности.

Необходимо отметить, что в газете «Карс» сообщалось не только о происходящем в Карсе. Печатались известия из Ардагана, Кагызмана, Игдыра, Ольты, Сарыкамышы и других городов, входивших в качестве округов и участков в состав Карсской области.

Обращают на себя внимание номера газеты «Карс» на начало войны за 1914 г. В номерах: от 4 ноября 1914 г. помещены распоряжения генерал-губернатора о воспреещении погромов русско-подданных мусульман; от 11 ноября публи-

куется обзор ситуации в прифронтовых округах; от 18 и 25 ноября — сводки с фронта в направлении Эрзурума и Вана; от 2 декабря — о визите императора Николая II в Карс; от 16 декабря — объявление военного губернатора о чрезвычайных мерах патрульной службы в области, а также сводки с фронта в стороне Вана и Эрзурума.

Приведем как пример номер газеты «Карс» № 45 от 4 ноября 1914 г. Объявление военного губернатора Карсской области, обращенное не только к русским, но и к местному, именно — турецкому, населению:

«С началом войны с Турцией ко мне стали поступать сведения о враждебных отношениях армянского и греческого населения области к местным мусульманам, которые держат себя все время вполне спокойно, не допуская никакой враждебности по отношению христианского населения.

Враждебность армянского и греческого населения к мусульманам высказалась и во вновь покоренных ныне турецких областях. С занятием русскими войсками некоторых населенных пунктов Турции, туда прибыли армяне и греки пограничных с Турцией русских селений и начали там производить насилия и грабежи над мусульманами. Жители Карсской области! Россия воюет не с мирным турецким населением, а с турецким правительством и войсками; врагом ее является лишь тот, кто поднимает против нее оружие. Воля Государя Императора, честь и достоинство России требуют, чтобы с занятием русскими войсками турецких провинций среди населения было установлено полное спокойствие, не говоря уже о том, чтобы никто из жителей не страдал от грабежей, произвола и насилий.

Мирное население завоеванных русскими турецких областей имеет одинаковое право на защиту и покровительство русских властей и законов, как и все русско-подданные. В виду сего я обращаюсь с призывом к армянскому и греческому населению области отнюдь не позволять себе каких-либо враждебных выступлений по отношению местного мусульманского

населения, так и вообще всех без исключения жителей вновь покоренных областей, к какому бы вероисповеданию и к какой бы национальности они ни принадлежали, всецело воздерживаясь от всякого рода насильственных поступков, как совершенно несовместимых с честью и достоинством подданных нашей Великой России.

При этом предвещаю, что все лица, замеченные в грабежах и насилиях, будут предаваться военному суду для осуждения их по законам военного времени.

Подлинный подписал:

Вр. Губернатор Карсской области ген.-лейт. Зубов».

Газета «Карс» являлась наиболее старой и авторитетной газетой, и издавалась еще задолго до первой мировой войны. После захвата Эрзерума и Трабзона в этих городах появляется большое количество русских войск. С войсками появляются и полевые типографии, которые начинают издавать газеты.

Наибольшее число русскоязычных газет издавалось в Трабзоне. Это весьма примечательный факт, так как наиболее важным городом в иерархии военной администрации считался Эрзерум. Самой крупной и серьезной газетой Трабзона был «Трапезондский военный листок», выходивший ежедневно. Ее редактором был известный российский писатель, романист и ориенталист С.Р. Минцлов, незадолго до Первой мировой войны получивший должность чиновника по особым поручениям и совершивший поездку в другой тюркский регион — Туву. Газета выходила с 1 ноября 1916–1917 г. Газета ставила себе задачей также описание и изучение Трабзона, его истории, окрестностей и древностей. В газете публиковались начинающие и известные российские писатели и драматурги — Н. Иловайский, Н.Н. Ховен, И.Н. Рылов, Г.И. Иванов, А. Орлов. Публиковались там и приказы командующего Трапезундским укрепленным районом А.В. Шварца, а также редакторские статьи самого С.Р. Минцлова. Впоследствии сборник статей, напечатанных в газете, был издан отдельным сборником¹.

Интересно, что в Трабзоне короткое время издавалась и одна социалистическая газета «Наш путь». Эта партийная газета была печатным органом Трапезундского комитета РСДРП. Руководил Трапезундским комитетом и, по всей видимости, изданием газеты грузинский революционер и партийный деятель Виссарион Мельхиседекович Квирквелия. Вероятно, ее главным редактором был российский революционер, активный член РСДРП А.С. Серебровский, впоследствии сопредседатель советского синдиката «Азнефть» в Баку. Имеющийся в Москве в Государственной исторической библиотеке единственный номер газеты за 25 сентября 1917 г. полностью посвящен развитию революционной ситуации в России. В нем освещаются такие вопросы, как революция и просвещение, движущие силы русской революции и социальные классы, актуальные вопросы внутренней политики. Журнал содержал также хронику важнейших событий в России и в мире, а также публиковал острую политическую сатиру на актуальные темы.

Издавались в Трабзоне не только русские газеты. В городе выходили, как минимум, две газеты на украинском языке: «Вісти Української крайової Ради Закавказу» (Заглавие: «Вісти Української громади у м. Трапезонді». 1917, № 1 (с 14 апреля) — 14 (по 26 сентября). Трапезонд, 1917) и «Вісти Українського військового з'їзду Кавказського фронту» (1917. № 4 (1 сентября) — 6 (сентября). Трабзон, 1917). Первая газета была связана с проживавшими в Закавказье и в частности — в Трабзоне выходцами из Украины. Вторая газета была рупором войскового съезда украинцев — бойцов подразделений Кавказского фронта и ориентировалась на военнослужащих. Другие издававшиеся на территории Турции в этот период газеты также свидетельствуют о появлении воинских и офицерских союзов, состоявших из уроженцев Украины.

Другим важным центром русской фронтовой печати на территории Турции был Эрзерум. В Эрзеруме издавалось две важные газеты: «Кавказский воин» и «Каргабазарский стре-

лок» (Военно-политическая газета Дивизионного командования 4-й Кавказской стрелковой дивизии).

Ежедневная газета «Кавказский воин» издавалась армейским командованием Кавказской армии и претендовала на то, чтобы быть основной, главной общефронтовой газетой. В газете публиковались официальные сводки с других фронтов, сообщения с линии соприкосновения с турецкими войсками, объявления русской военной администрации по Эрзеруму, а также частные объявления. В названии газеты говорилось о том, что это «военная и политическая» газета. Интересно, что на ее страницах активно обсуждался вопрос о противостоянии большевистской агитации, распространялась идея продолжения войны до победы. Таким образом, газета имела ярко выраженный агитационно-пропагандистский характер. Также как и в Трабзоне, и в Карсе, на страницах газеты печатались распоряжения русских властей Эрзерума. В российских библиотеках сохранилось два номера данной газеты, а личность ее редактора еще предстоит установить.

В заключение, говоря о газетах, которые издавались на Кавказском театре Великой войны, необходимо упомянуть и две газеты, которые издавались на территории Персии частями Кавказского фронта. Это газета «Вестник Персидского фронта», издававшаяся командованием отдельного Кавказского кавалерийского корпуса в Хамадане, и газета «Наш голос» — вестник Корпусного командования 7 кавалерийского отдельного корпуса в Урмии.

Русская революция принесла свободу слова в действующую армию, в том числе и на Кавказский фронт. Особенностью приведенных в докладе газет является то, что они отражают в первую очередь политическое состояние армии и российского общества, а также открывают поле политической борьбы за настроения солдатских масс и части офицерства. Фоном этой острой общественно-политической борьбы шли сводки с фронта, а также сообщения о ситуации на захваченных армией территориях. Часть газет, в первую очередь

это «Карс» и «Трапезундский военный листок», помимо общественно-политических и пропагандистских функций имели и важную общественную культурно-просветительскую задачу — всесторонне изучать новый край. В этих газетах больше места уделялось информации о быте населения Восточной Анатолии, ее истории, экономике, системе управления в годы Первой мировой войны. В целом, перечисленные газеты являются не только интересным источником по истории революционной российской фронтовой печати, но и интересным дополнительным источником по истории российско-турецких отношений в годы Первой мировой войны, и большая их часть малоизвестны специалистам.

СНОСКИ

1. «Трапезундский военный листок». Сборник статей, напечатанных в газете Трапезундский военный листок за 1916–1917 гг. Трапезонд, 1917. 138 с.

**РАЗВЕДЫВАТЕЛЬНАЯ МИССИЯ Е.В. ПУТЯТИНА
В ПРОЛИВАХ БОСФОР И ДАРДАНЕЛЛЫ В 1833 ГОДУ
(ПО МАТЕРИАЛАМ РОССИЙСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО АРХИВА ВМФ)**

Кадырбаев А.Ш.

д.и.н., ФГБУН Институт востоковедения РАН, Москва

Личность Евфимия Васильевича Путятин, видного военного и государственного деятеля России XIX века, дипломата, так много сделавшего для расширения ее границ, казалось бы, не обделена вниманием со стороны исследователей и даже писателей. Однако больше известна его деятельность на дипломатическом и военном, точнее военно-морском, поприщах. Вместе с тем, многие яркие страницы его биографии на службе Отечеству пока еще не нашли достойного отражения, как на страницах академических, так и художественных изданий. При его жизни это не всегда было возможно, учитывая то обстоятельство, что ряд его заслуг перед Отечеством относился к деятельности на секретной стезе разведывательных операций российских спецслужб. На одну из таких тайных операций в Османской империи в 1833 году, где Е.В. Путятин, тогда еще молодой офицер российского Военно-морского флота, играл ключевую роль, позволяют пролить свет материалы Российского государственного архива Военно-морского флота (РГА ВМФ)¹.

К этому времени Османская империя, становившаяся в первой половине XIX века «больным человеком» Европы и все более попадавшая в финансово-экономическом отноше-

нии в кабалу западноевропейских государств, как никогда раньше являлась объектом соперничества великих империй той эпохи — Великобритании, Франции, России, Австрии, оспаривавших с переменным успехом влияние друг у друга на ее, хотя и начавшей сокращаться, но все еще обширной территории. Если с 1829 года, после победы в очередной русско-турецкой войне, Россия пользовалась преобладающим влиянием по сравнению со своими соперниками на политику османского правительства, что выразилось в обращении падишаха Османской империи Махмуда II к российскому императору Николаю I за военной помощью против своего мятежного вассала, египетского паши албанца Мухаммеда Али в 1833 году, когда российские войска высадились в Стамбуле и разбили египтян, сохранив еще почти на столетие власть династии Османов, а также в закрытии с 1833 года проливов Босфор и Дарданеллы для всех иностранных военных флотов, кроме русского. Поэтому в 1833 году в проливах Босфор и Дарданеллы, вблизи столицы Османской империи Стамбула находились две эскадры российского Черноморского флота под командованием контр-адмирала М.П. Лазарева в составе 10 линейных кораблей, 4 фрегатов, 3 бригов, 4 транспортов и 15 зафрахтованных судов для перевозки войск. К этому времени из Одессы на них были переброшены 10 тысяч российских солдат и офицеров, расположившихся лагерем на азиатском берегу Босфора². Именно в это время лейтенант Путятин по приглашению Лазарева в числе других избранных им офицеров флота прибыл в Стамбул для выполнения особого поручения.

Хотя с этого времени Османская империя, пусть и непродолжительный период, стала союзником России, тем не менее, разведывательная деятельность в отношении ее со стороны российских спецслужб даже активизировалась, поскольку в политике нет друзей, а есть государственные интересы. Наглядным свидетельством в пользу сказанного является разведывательная миссия молодых лейтенантов Российского

Военно-морского флота Е.В. Путятин и В.А. Корнилова по поручению командующего Черноморским флотом контр-адмирала М.П. Лазарева в Османскую империю. «...Как истинно государственный человек, — писал историк Крымской войны Н.Ф. Дубровин, — Лазарев сознавал, что для принесения наибольшей пользы Отечеству и исполнения важных предначертаний недостаточно жизни и деятельности одного человека и что для достижения полезных результатов главная заботливость начальника должна состоять в выборе способных помощников, которые сначала поняли бы виды его, потом содействовали ему и, наконец, могли продолжать начатое дело самостоятельно и в том же направлении... Если Лазарев замечал в ком-либо из офицеров особые способности, точность и аккуратность в исполнении, он вводил его в школу более специальную, и, независимо от практической деятельности, делал такого офицера хорошим теоретиком в постройке и вооружении судов»³. Е.В. Путятин и В.А. Корнилова вполне можно отнести к таким флотским офицерам.

Кандидатура Путятина, человека, хорошо знакомого со странами и народами Восточного Средиземноморья и Причерноморья, где проходила его военная служба уже с 1827 года, как нельзя лучше соответствовала сложности поставленного перед ним поручения. В этой связи достаточно взглянуть на послужной список нашего героя к этому времени. За его плечами уже участие в кругосветном плавании из Кронштадта вокруг мыса Доброй Надежды и мыса Горн на фрегате «Крейсер» в звании мичмана под началом тогда капитана 2 ранга М.П. Лазарева (одного из первооткрывателей Антарктиды) в 1822–1825 годах к северо-западным берегам Америки, т. е. к владениям Российско-Американской компании на Аляске и в Калифорнии, и первый орден Святой Анны 3 степени⁴. Компания находилась под эгидой российского правительства. Боевые корабли — носители Андреевского флага обеспечивали престиж российской короны и надежность купеческих grossбухов. «Крейсер» был послан для па-

трулирования берегов Русской Америки, в территориальные воды которой часто вторгались рыболовецкие и китобойные суда англичан и американцев, норвежцев, датчан и французов с целью нелегального промысла. Фрегат «Крейсер» был доведен его капитаном Лазаревым до образцового состояния, на котором он намечал свои приемы подготовки личного состава, создав первую ячейку своей школы военно-морского воспитания. В этом плавании он уже наметил своих первых будущих сподвижников среди молодых морских офицеров, в числе которых будущие адмиралы, ставшие гордостью российского Военно-морского флота — П.С. Нахимов и Е.В. Путятин. В 1826 году на корабле «Азов» Путятин совершил переход из Архангельска в Кронштадт. В 1827 году на этом же корабле, где также служили П.С. Нахимов, В.А. Корнилов и В.И. Истомина, будущие победители Синопского сражения и герои обороны Севастополя, молодой мичман Путятин направился из Кронштадта через британский порт Портсмут в состав российской средиземноморской эскадры и принял участие в Наваринском морском сражении, где объединенная российско-англо-французская эскадра нанесла поражение османско-египетскому военному флоту. Затем в течение двух лет, с 1828 по 1830 годы, произведенный в лейтенанты и награжденный за мужество, проявленное в Наваринском бою и русско-турецкой войне 1828–1829 годов, орденом Святого Владимира 4-ой степени⁵, Путятин служил в составе русской эскадры, крейсировавшей в Эгейском море, участвовал в блокаде Дарданелл. За участие в морских кампаниях в 1830 году награжден орденом Святого Георгия. Отозванный в том же году в Кронштадт, он только через три года возвратился в Севастополь — уже в качестве офицера по особым поручениям (говоря современным языком, офицера военно-морской разведки) при своем прежнем начальнике, ставшем контр-адмиралом за боевые заслуги в Наваринском бою, и командующим Черноморским флотом М.П. Лазареве⁶. В активе Путятин за предшествующие три года на Балтике — служба на корабле

«Нарва» в Финском заливе, командование бригам «Диомид» при переходе на камелях от Кронштадта до Данцига (ныне Гданьск) и награждение орденом Святого Георгия 4-го класса. Для Путятина прошедшие годы имели решающее, поистине судьбоносное значение для всей его последующей жизни: счастливое обретение Учителя и Наставника в лице Михаила Петровича Лазарева, редкая удача служить на лучшем корабле российского Военно-морского флота; первый боевой опыт, приобретенный в кровопролитном столкновении при Наварине, и первая боевая награда как признание его личного мужества и ратного умения... Эти непростые уроки, преподнесенные ему командиром, и реальное — кровавое, а не вычитанное в анналах истории во время учебы в Морском корпусе сражение, стали воспитанием и испытанием духа молодого офицера, проверкой его знаний.

Вероятно, Лазарев угадал в Путятине перспективного офицера еще со времен их совместной службы на «Крейсере» в 1822–1825 годах. А с 1833 по 1840 год Путятин и Корнилов служили под неусыпным руководством своего учителя на Черном море, где принимали участие в боевых операциях Черноморского флота по поддержке армии, действовавшей на побережье Кавказа, и ведении крейсерских действий. В этих практических плаваниях Путятин назначался командиром боевых кораблей, в его обязанности входили подготовка вверенного ему командованию корабля к походу и участие в боевых действиях, как на море, так и на суше, в прибрежной полосе. Лазарев привлекал Путятина с Корниловым и к оперативной штабной деятельности, должным образом оценив их глубокие и разносторонние знания, аналитический склад ума, исключительную работоспособность, необыкновенно ответственное отношение к выполнению служебных обязанностей, выдающиеся организаторские способности, «дар управлять людьми, умение употреблять с пользой каждого человека, заставлять всех работать и любить свое дело».

В 1833 году Е.В. Путятин был командирован на флагманском корабле Черноморского флота «Память Евстафия» из Севастополя в Галлиполию и Дарданеллы, где вместе с В.А. Корниловым произвел тайную рекогносцировку проливов с их укреплениями. Лазарев поручил им это непростое разведывательное задание, так как считал их «очень деятельными и сведущими офицерами». Шканечный журнал фрегата «Эривань» свидетельствует: «1 апреля 1833 года 1 час пополудни. Константинопольский пролив, Буюкдере. В $\frac{3}{4}$ сего часа, по прибытии на фрегат полковника Дюгамеля, также лейтенантов Путятин и Корнилова, назначенных для особой экспедиции в Дарданелльский пролив, мы, вследствие словесного приказанья командующего эскадрой контр-адмирала Лазарева, снялись с якоря и следовали к Галлиполи. Сего часа, бывшие у нас флота лейтенанты Путятин и Корнилов, отправились на вольной лодке вниз Дарданелльского пролива для исполнения возложенных на них поручений»⁷.

Еще более определенный текст в июньском письме того же года от контр-адмирала Лазарева князю, генералу-адмиралу А.С. Меншикову, начальнику Главного Морского штаба Российской империи: «... Я приказал лейтенантам Путятину и Корнилову производить опись пролива, которую и продолжали они более двух месяцев с неутомимою деятельностью и величайшею точностью, вымеривая не токмо высоты и толщину крепостных стен, но величину калибра каждого орудия и даже высоту маяков, при выходе в Босфор находящихся. В верности карты укрепленной части Босфора, составленной лейтенантами Путятиним и Корниловым, я столько уверен, что не колеблюсь ни мало приступить к гравированию оных ныне же ... Мне весьма желательно утвердить в мыслях Вашей Светлости мнение, что офицеры сии одни из тех, которые при разделяемых ими поручениях всегда покажут одну истину и ничего не убавят, ни прибавят...»⁸.

Документ, составленный Путятиним и Корниловым, получил высокую оценку не только их непосредственного началь-

ника. Генерал-лейтенант Орлов в своем донесении Меншикову писал по этому поводу: «Я не сомневаюсь, что сей труд, произведенный с величайшей точностью и тщанием, послужит во многом к дополнению сведений, имеющих доселе о Дарданелльском проливе, и удостоится Всемиловейшего внимания (императора. — *Авт.*)»⁹. Орлов не ошибся, эта карта, составленная Путятиным и Корниловым, была представлена императору Николаю I и получила его высокую оценку. За съемку и описание Дарданелл оба были представлены к высоким наградам. Также оба молодых офицера удостоились чести быть назначенными командирами боевых кораблей Черноморского флота. Путятин стал командиром корвета «Ифигения», а Корнилов — брига «Фемистокл», которым в ноябре 1834 года предстояло новое совместное задание у берегов Греции¹⁰. Но это уже тема для другого рассказа.

СНОСКИ

1. Российский государственный архив Военно-Морского флота (РГА ВМФ), ф. 410, оп. 2, ед. хр. 172, л. 1–12. Канцелярия Морского министерства.
2. *Кузьмина С.* Адмирал Корнилов. М., 2007. С. 68.
3. Там же. С. 95.
4. РГА ВМФ, ф. 203, оп. 1, ед. хр. 1193, л. 12, 18, 19, 26, 28, 33, 41, 48, 64. Военная по флоту канцелярия.
5. *Шерemet В.И.* П.С. Нахимов — труженик войны // *Basileus.* Сборник статей, посвященный 60-летию Д.Д. Васильева. М., 2007. С. 313.
6. РГА ВМФ, ф. 19, оп. 1, ед. хр. 487, л. 1, 6. Фонд А.С. Меншикова; ф. 205, оп. 1, ед. хр. 449, л. 2, 4, 12. Канцелярия начальника Главного Морского штаба.
7. Там же, ф. 8, оп. 1, ед. хр. 26, л. 49, 70. Фонд Грейгов; *Кузьмина С.* Адмирал Корнилов. М., 2007. С. 69; Нахимов П.С. Документы и материалы. СПб, 2003. Т. 1–2.
8. *Кузьмина С.* Адмирал Корнилов. М., 2007. С. 69.
9. Там же.
10. Там же. С. 70–71.

**ПОЧЕМУ ВАСИЛИЙ ПЕТРОВИЧ НИКИТИН
НЕ РЕШИЛСЯ ПЕРЕСЕЛИТЬСЯ В ПОЛЬШУ?
АНАЛИЗ ПЕРЕПИСКИ НИКИТИНА
С ТАДЕУШЕМ КОВАЛЬСКИМ**

Изабела Кончак

*Department of Middle East and North Africa University
of Lodz, Poland*

Тадеуш Ковальский — знаменитый польский востоковед — родился 21 июня 1889 года в Шатору во Франции в семье польского эмигранта, который был мастером по покраске. В 1904 году семья переехала в Краков, где спустя три года Тадеуш окончил гимназию св. Анны. Уже в средней школе он проявил интерес к востоковедению, однако в Польше в то время не было ни одного востоковедческого центра. Это и послужило причиной отъезда Т. Ковальского на учебу в Вену, где его учителем стал профессор Рудольф Гейер (1861–1929) — большой знаток классической арабской литературы. В 1911 году Ковальский защитил кандидатскую диссертацию по философии на тему *Культура ислама*. После защиты он продолжил обучение в Германии, сперва в Страсбурге у профессоров Теодора Нельдеке (1836–1930) и Энно Литтманна (1875–1958), а затем в 1912–1913 гг. в Кельне у профессора Георга Якоба (1862–1937)¹. В 1914 году, еще до начала первой мировой войны, Ковальский получает степень доктора наук в Ягеллонском университете за перевод с обширным критическим комментарием дивана древнеарабского поэта Кайса ибн аль-Хатима. Стоит добавить, что спустя пять лет, уже в не-

зависимой Польше, была создана первая Кафедра арабской филологии, а Ковальский становится ее экстраординарным профессором. В 1921 году он получает звание ординарного профессора. Данную кафедру Ковальский возглавляет почти 30 лет вплоть до своей смерти в 1948 году².

Личный архив (фонд № КШ-4) известного польского востоковеда хранится в архиве Польской академии наук и Польской академии знаний в Кракове. Фонд составляют научные труды, документы о научно-организационной деятельности, биографические материалы, а также личная переписка ученого, состоящая из 24 дел, включающих переписку с 435 адресатами. Среди адресатов, с которыми переписывался Ковальский, были русские и советские ученые, в том числе: Владимир Александрович Гордлевский (1876–1956), Владимир Федорович Минорский (1877–1966), Игнатий Юльевич Крачковский (1883–1951), Дмитрий Александрович Рассовский (1902–1941), Исаак Натанович Винников (1897–1973), Александр Николаевич Самойлович (1880–1938), Борис Дмитриевич Греков (1882–1953), Георгий Вернадский (1888–1973), Виленчик Яков Соломонович (1902–1939), Филоненко Виктор Иосифович (1884–1977), Василий Петрович Никитин (1885–1960).

Предметом данного доклада является изучение и анализ переписки В. Никитина — дипломата, востоковеда, евразийца с Тадеушем Ковальским. В деле № К Ш — 4/171 (2) хранятся 28 писем, 17 открыток, биографическая справка от 1926 года, а также опубликованная на французском языке статья «*Situation des Marches*» и отзыв Никитина на книгу о Камчатке, напечатанный в журнале «*Le Monde*». Переписка между польским ученым и русским дипломатом началась в 1922 году, когда последний находился уже в эмиграции, в Париже. Переписка длилась вплоть до смерти профессора Ковальского (1948). Оба востоковеда переписывались довольно регулярно, за исключением двухлетнего (1928–1929) и пятилетнего (1939–1945 гг.) перерывов, причиной послед-

него стала вторая мировая война. Почти вся переписка велась на польском языке, за небольшим исключением: первое письмо от 22.09.1922 г. написано по-французски, второе от 29.10.1922 г. — по-староосмански и третье письмо от 24.02.1923 — по-персидски и по-польски.

Василий Никитин родился 1 января 1885 г. в дворянской семье в Сосновце (Польша). Отец его — Петр Александрович, был русский, а мать — девичья фамилия которой Косинская — полькой. У бабушки будущего востоковеда по материнской линии в то время в Варшаве в старом городе был собственный многоквартирный дом. Молодой Никитин учился в Варшаве в 6-й Государственной русской гимназии, которую окончил в 1903 году³. Осенью 1904 года поступил в Лазаревский институт восточных языков, который окончил с дипломом первой степени, защитив дипломную работу, посвященную Зайнаб — королеве Пальмиры. Еще, будучи студентом, Никитин написал курсовую работу по теме южно-арабских надписей. Работа была представлена на заседании Восточной комиссии. Во время учебы он каждый год стажировался за границей. В 1905 году Никитин побывал в Константинополе, где кроме практического изучения турецкого языка «занимался в библиотеке Русского археологического института с профессором Панченко»⁴. В следующем году его отправили в Париж, где он посещал занятия турецкого языка в Школе восточных языков, а арабскому учился в Высшей школе социальных наук у профессора Хардвига Деренбурга⁵. В 1907 году побывал в Болгарии, которую посетил, путешествуя пешком до границы с Македонией. Целью поездки стало ознакомление с местным тюркским населением и улучшение языковых навыков⁶.

После четырех лет обучения в Институте он был рекомендован подразделением и в 1908 году принят в Департамент восточных языков при Министерстве иностранных дел в Санкт-Петербурге. О самом департаменте он писал так: «Он был похож на исследовательский институт с двухгодичным

курсом, но насчитывал только 10–12 слушателей, которые уже принадлежали министерству»⁷. Еще во время посещения курсов в 1909 году будущий дипломат был впервые направлен в Персию, в частности в Исфахан. После сдачи экзаменов ему было поручено работать в консульстве в Рессте, столице Гилана, где он получил должность секретаря-драгомана. Никитин вспоминает работу в этом «одном из самых активных наших консульств» как прекрасную школу жизни, «тем более, что вскоре после ухода консула мне пришлось самостоятельно управлять учреждением и заниматься сложными проблемами (...) в соответствии с тогдашним обычаем консул должен быть и судьей, нотариусом и администратором»⁸. После этого опыта он был назначен секретарем консульства в Тебризе, а позже получил пост генерального консула в Урмии. Во всяком случае, как точно указал Никитин, «до отъезда, вызванного революцией, в 1919 году вся моя карьера проходила в Персии (Исфахан, Ресст, Тебриз, Урмия, Тегеран)»⁹.

Переписка между двумя востоковедами, как упоминалось выше, началась в 1922 году, т. е. когда Никитин уже три года прожил в эмиграции, в Париже. Никитин в переписке сообщает польскому профессору о своих восточных интересах, просит прислать польские журналы, затрагивающие восточные темы, а также спрашивает о возможности печататься в них. Кроме того, интересуется развитием польского востоковедения, спрашивает, какие восточные языки преподаются в польских университетах¹⁰. Последний вопрос был задан Никитиным не без причины, которая и пояснена в письме от 5 октября 1922 года. Бывший дипломат оговаривает свои бытовые проблемы: «когда я ставил этот вопрос (...) у меня был и личный интерес. Я уже четвертый год живу в Париже и чем дольше, тем хуже мне здесь живется (...). Еще четыре месяца тому назад у меня была работа, и зарабатывал я довольно прилично, чтобы жить вместе с женой на каком-то подобающем уровне, но потерял работу и несмотря прилагаемые усилия ничего до сих пор не нашел»¹¹. Именно жизненные про-

блемы и вынудили Никитина задать Ковальскому вопрос о возможности преподавания им персидского языка в Кракове. Он признался польскому востоковеду, что ранее безрезультатно подал заявку на должность академического преподавателя и в Америку, и Чехию¹².

Первые годы своего пребывания во Франции он определял как «эмигрантское блуждание»¹³, «сломанную эмиграционную жизнь»¹⁴ или «изгнание в Париже»¹⁵. Никитин отдавал себе отчет в том, что как эмигрант он в Париже не сделает научную карьеру. Признался Ковальскому, что «здесь в лучшем случае могу рассчитывать на работу в каком-то банке или какой-то конторе, но сомневаюсь в том, что я в состоянии в этой области добиться значительных успехов»¹⁶. Однако в этих трудных условиях он не думал о возвращении на родину, потому что «Кажется, что Россия надолго оккупирована большевизмом. Работать с большевиками по моральным причинам я не в состоянии, хотя и существует мнение об их патриотических чувствах»¹⁷. Ему как бывшему дипломату было очень важно сохранить русское гражданство. Когда он интересовался возможностями работать в Польше, то прямо спросил у Ковальского: «Необходимо ли мне для работы в Польше принять польское гражданство? (...) я хочу остаться русским, так как я русский от рождения, хотя Родина для меня и закрыта»¹⁸. В этом месте следует заметить, что двое его братьев — Александр и Кирилл — эмигрировали в Польшу, приняли польское гражданство и обзавелись семьями¹⁹. Зато Никитин, чем дальше был вдали от родины, тем больше чувствовал связь с Россией. В 1925 году он писал об этом Ковальскому: «что касается меня, то теперь я чувствую себя русским более чем раньше»²⁰.

Тадеуш Ковальский посоветовал русскому востоковеду связаться с работающим в Львовском университете польским ученым индологом Анджеем Гавронским²¹. Из переписки видно, что Никитин писал Гавронскому, но ответа долго не получал. А Никитин тем временем постоянно интересовался

экономической ситуацией Польши. Например, он спрашивал у Ковальского: «Что Вы можете сказать на счет польской валюты?»²². Кажется, что Ковальский на все такого рода вопросы давал Никитину искренние ответы, не скрывал тяжелой экономической ситуации страны, вызванной в том числе советско-польской войной 1919–1921 гг. Следует упомянуть, что в 1923 г. ситуация стала особенно тяжелой. Причиной этому была увеличившаяся инфляция польской марки, которая именно в том году превратилась в гиперинфляцию. В свою очередь, это привело к серьезному кризису государственной казны, неспособности эффективно покрывать бюджетные расходы. Всему этому сопутствовали и социальные беспорядки, которые привели к падению кабинета тогдашнего премьер-министра Винцентего Витоса и созданию правительства Владыслава Грабского в декабре 1923 года, а также принятию Сеймом чрезвычайных полномочий для правительства²³.

В следующем письме бывший русский дипломат сообщает Ковальскому, что Гавронский предложил ему аспирантуру на создаваемой им для Сигизмунда Смогоржевского Кафедре языков и истории Востока²⁴. Однако Никитин не решился дать положительный ответ. Причиной тому, на мой взгляд, было то, что в то же время он получил работу во Французском национальном банке в отделе внешней торговли, и экономическая ситуация его семьи стабилизировалась. В письме к Ковальскому он пишет: «Если бы я получил это письмо год тому назад, я бы решился переселиться во Львов. Но теперь я это не сделаю. Конечно, научная работа всегда увлекала меня больше, чем другие. К сожалению, теперь мне уже 38 лет и жизнь моя сломана из-за эмиграции. Сомневаюсь, что еще смогу отдать дань науке. Уже слишком поздно»²⁵. Как оказалось, Никитин ошибся, он отдал дань науке. Как известно, круг его научных интересов был очень широк. Он занимался современным персидским языком, историей и литературой. Большинство его научных работ посвящено проблеме курдов и Курдистана²⁶. Можно сказать, что бывший русский дипло-

мат был одним из известнейших курдологов своего времени. Он писал Ковальскому: «Здесь, в Париже, нет никого, кто знает хорошо курдский язык, чтобы мне помог»²⁷. Отдельную группу опубликованных им работ составили работы, посвященные дипломатическим и культурным отношениям стран мусульманского Востока и Европы — России и Франции²⁸.

Никитин пишет о своей жизни в эмиграции, как о более надежной: «У меня скромный доход в банке, но он постоянный. Мы нашли теперь комнату с кухней и с удобствами, которая дешевле, потому что расположена дальше, чем квартира, в которой мы жили раньше. Кроме того, я болен и только в Париже есть врачи, которые могут помочь мне, и только здесь я могу кушать дома, что мне необходимо»²⁹. Все-таки в 1925 году тема работы Никитина в польском университете возобновляется в переписке между востоковедами. Упомянутый выше Анджей Гавронский до конца своей короткой жизни делил свою научную деятельность между тремя академическими центрами — Краковом, Львовом и Парижем³⁰. Во время пребывания в столице Франции он лично познакомился с Никитиным, и как указывает последний: «разговор шел о моей возможности работать в Львовском университете. Мы еще ничего окончательно не решили, потому что мне жаль после шестилетнего пребывания покидать Париж. Мой круг друзей здесь постоянно расширяется, и я думаю, что некоторые работы и отношения прерывать нецелесообразно»³¹.

Спустя полгода Никитина посетил другой польский востоковед — Сигизмунд Смогоржевский, и опять разговор зашел о его работе в Львовском университете. Однако в то же самое время Ковальский просит русского востоковеда воздержаться от решения переехать в Польшу³². Причиной такой странной просьбы, вероятно, была экономическая ситуация в стране, в которой в 1925 году происходила рецессия, повлиявшая на социальную и политическую ситуацию в Польше. А как итог победа маршала Юзефа Пилсудского в мае 1926 года³³. Никитин благодарит Ковальского за советы и пытается уточ-

нить, хватит ли 500 злотых университетской зарплаты для приличной жизни его и его жены в Польше. Он дает понять польскому профессору, что только научная работа, которую он мог бы предпринять в Польше, могла бы стать той причиной, которая заставила бы его покинуть Париж³⁴. Кажется, что польский ученый был очень заинтересован, чтобы Никитин работал в Львовском университете. Он прекрасно осознавал, что бывший русский дипломат мог бы внести большой вклад в развитие польского востоковедения. Он высоко ценил достижения русских ученых в области развития востоковедения. По этому поводу он писал Игнатию Крачковскому: «Следует восхищаться чрезвычайной энергией и плодотворностью русских востоковедов, которую я заметил на основе получаемых время от времени публикаций. Если к этому добавить ещё исследования русских эмигрантов, издаваемые во французских и английских журналах, то действительно участие русской науки в исследовании Востока является внушительным»³⁵. Указывая на востоковедов-эмигрантов, наверно, он имел в виду именно Никитина. С другой стороны, Ковальский в своих письмах давал Никитину полезные советы, так как курдолог отвечает, что «в переговорах с Львовом я буду руководствоваться Вашими указаниями. Пока ничего нового в этом плане»³⁶. Все обсуждения, касающиеся переселения Никитина с женой во Львов, веденные путем переписки или личных бесед с сотрудниками Львовского университета, были прерваны с конца 1926 года. Причиной этому стала болезнь и смерть в начале 1927 года профессора Анджея Гавронского.

Однако три месяца спустя после смерти львовского профессора дело переселения Никитиных в Польшу очередной раз упоминается в переписке с Ковальским. На этот раз курдологу предлагалась работа преподавателя в Экономическо-торговой школе в Кракове. В письме от 26 апреля 1927 года русский востоковед определяет условия сотрудничества: «Я предпочитаю пятилетний контракт. Только в таком случае я смог бы оглядеться в Польше и сделать что-нибудь»³⁷.

Ковальский, вероятно, предвидел для Никитина преподавание в школе трех восточных языков — персидского, турецкого и арабского. Что касается последнего, Никитин утверждает, что в состоянии вести только начальный курс: «В общем, все эти языки я преподавал бы строго практически, потому что школа выпускает не востоковедов, а людей, занимающихся торговлей с Востоком»³⁸. Остальные вопросы касаются уже экономических условий и размера его зарплаты, финансовых затрат на проезд из Парижа в Краков и кредита на покупку книг и журналов. Много места в переписке занимают и бытовые проблемы, особенно жилищный вопрос, который, как указывает Никитин, «очень важен для меня, и Ваше мнение по этому вопросу очень для меня интересно, тем более что климат в Кракове (намного холоднее Парижа?) при нынешнем состоянии здоровья моей жены должен быть принят во внимание»³⁹. В следующем письме он еще раз все уточняет, так как ему показалось, что финансовые условия, предлагаемые ему в Кракове, похожи на те, которые у него уже были в Париже. Он откровенно пишет, что для окончательного решения переехать в Польшу ему необходимы гораздо лучшие условия, чем парижские. Переезд Никитина в Польшу был обусловлен жильем, он утверждал, что ему необходима двухкомнатная квартира с кухней⁴⁰.

С мая 1927 года до декабря 1930 года наступил перерыв в переписке востоковедов, причина которого неизвестна. С этого момента тема переселения Никитина в Польшу в анализированных письмах больше не появляется. Подытоживая все вышесказанное, следует отметить, что интересным является то, что в начале своего пребывания в Париже Никитин, находясь в тяжелой финансовой ситуации, сам искал возможности переселиться в Польшу и работать в польском университете. Со временем, когда его экономическая ситуация во Франции улучшилась, желание переселиться на родину матери у него уменьшилось. С этого момента можно заметить некое изменение — польская научная среда пыталась поощрять его пе-

реезд в Польшу и преподавание в одном из польских университетов. В этом месте следует подчеркнуть, что тот факт, что он не принял решения переехать в Польшу, не оказал негативного влияния на его контакты с польскими востоковедами. Никитин сотрудничал с польскими учеными, не прекратил переписки, которую он вел много лет не только с профессором Тадеушем Ковальским, но и многими другими польскими учеными. В 1933 году по просьбе Владислава Котвича, тогдашнего президента Польского востоковедческого общества и одновременно редактора журнала «Rocznik Orientalistyczny», Василий Никитин был избран иностранным членом этой организации и приглашен публиковать итоги своих исследований в упомянутом журнале. Конечно, он использовал данную возможность и публиковался в Польше⁴¹. Пять лет спустя в знак признания вклада в развитие восточных исследований курдолог стал также членом Востоковедной комиссии Польской академии знаний.

ПРИМЕЧАНИЯ И СНОСКИ

1. *Poradzisz J.* Materiały Tadeusza Kowalskiego. «Biuletyn Archiwum PAN» 1973. nr 16. С. 53.
2. *Kowalska-Lewicka A.* Wspomnienie o moim Ojcu Tadeuszu Kowalskim. [в:] Ibrahim Ibn Jakub i Tadeusz Kowalski w sześćdziesiątą rocznicę edycji. Kraków, 2008. С. 19.
3. См. *Nikitine B.* Mes reminiscences polono-orientales (Notes autobiographiques) // *Folia Orientalia*. № 2, 1960. С. 154. В биографической справке, отправленной Тадеушу Ковальскому, пишет, что гимназию закончил в 1904 году. См.: Archiwum PAU, К III — 4/171 (2), биографическая справка, л. 1.
4. Борис Амфианович Панченко (1878–1920) — русский византист, специалист по внутренней истории Византии, учёный секретарь Русского археологического института в Константинополе.
5. Хардвиг Деренбург (1844–1908) — французский востоковед. С 1875 г. преподавал арабскую грамматику в Школе живых восточных языков, а в 1879 г. получил там Кафедру арабской лите-

Почему Василий Петрович Никитин не решился переселиться в Польшу? Анализ переписки Никитина с Тадеушем Ковальским

- ратуры. В 1885 г. стал профессором по исламу и арабским религиям в Практической школе высших исследований в Париже.
6. Archiwum PAU, K III — 4/171 (2), биографическая справка, л. 1.
 7. Там же.
 8. Там же, л. 2.
 9. Там же.
 10. Archiwum PAU, K III — 4/171 (2), письмо от 22.09.1922 г.
 11. Письмо от 5.10. 1922 г.
 12. Там же.
 13. Там же.
 14. Письмо от 24.09.1923 г.
 15. Archiwum PAU, K III — 4/171 (2), биографическая справка, л. 1
 16. Письмо от 5.10.1922 г.
 17. Там же.
 18. Там же.
 19. Письмо от 24.11.1945 г.
 20. Письмо от 24.01.1925 г.
 21. Анджей Гавронский (1885–1927) — польский ученый-полиглот, востоковед, переводчик, профессор Львовского университета, с 1917 г. заведующий Кафедрой сравнительного языкознания.
 22. Письмо от 24.02.1923 г.
 23. *Danowska-Prokop B.* Następstwa reformy skarbowo-walutowej Władysława Grabskiego dla sytuacji górnośląskiej części województwa śląskiego w latach 1923–1925 // *Studia Ekonomiczne.* № 38, 2006. С. 57–61.
 24. Письмо от 24.09.1923 г.
 25. Там же.
 26. См. *Nikitine B.* Les Kurdes: étude sociologique et historique. Paris, 1956; *Nikitine B.P.* Une apologie kurde du sunnisme // *Rocznik Orientalistyczny.* Т. 08, (1931–1932), wyd. 1934; Курды и их страна. Урмия, 1916; Курды. М., 1964; Книга беженского житья; [Письма] // Диаспора: Новые материалы. Вып. 1. СПб., Париж, 2001. С. 592–644; Курды в пламени войны. М., 2005; Brief interprète militaire russo-kurde. Ourmiah, 1916; L'Asie Russe économique. P., [1929]; La Mongolie. P., 1930; Une boologie kurde du sunnisme. Lwów, 1933; La littérature des musulmans en U.R.S.S. P., 1935; Les relations russo-japonaises en Extrême-

- Orient. P., 1936; Contribution a l'étude du problème national en U.R.S.S. P., 1948; Les Kurdes et le Kurdistan. P., 1955.
27. Письмо от 24.02.1923 г. Перев. с персидского языка на польский — к.ф.н. Магдалена Родзевич.
28. См. *Machalski F.* Wspomnienie o Bazyliu Nikitiniu // *Przegląd Orientalistyczny*. № 2 (38), 1961. С. 219.
29. Письмо от 24.09.1923 г.
30. *Fedirko J.* Fenomenalny multilingwista. Profesor Andrzej Gawroński // *Alma Mater*. nr 2 (100), 2008. С. 75.
31. Письмо от 8.09.1925 г.
32. Письмо от 16.02.1926 г.
33. См.: *Jeziński A., Leszczyńska C.* Historia gospodarcza Polski. Warszawa, 2003. S. 265.
34. Письмо от 16.02.1926 г.
35. ФСПБ РАН, ф. 1026, о. 3, д. 450, л. 23.
36. Письмо от 12.03.1926 г.
37. Письмо от 26.04.1927 г.
38. Там же.
39. Там же.
40. Письмо от 11.5.1927
41. *Nikitine B.P.* Une apologie kurde du sunnisme // *Rocznik Orientalistyczny*. T. 08, (1931–1932), wyd. 1934. С. 116–160; *Nikitine (Nikitin) B.* La nation irannienne // *Rocznik Orientalistyczny*. T. XV (1939/1948). С. 196–234; *Nikitine B.* Le mihmandar de Gabineau // *Rocznik Orientalistyczny*. T. XVII (1953). С. 155–168.

**ПУТЕВЫЕ ЗАМЕТКИ ДИПЛОМАТОВ
И ПУТЕШЕСТВЕННИКОВ КАК ГЕОГРАФИЧЕСКИЙ
ИСТОЧНИК ПО ИСТОРИИ ЭЯЛЕТА КЕФЕ XV–XVIII ВВ.**

Курникова О.М.

к.и.н., ФГБУН Институт востоковедения РАН, Москва

В 1475 г. османы, захватив Крымский полуостров, образовали санджак, преобразованный позднее, в XVI в., в эялет Кефе, в который вошли юго-западная часть полуострова, Южный Берег Крыма, юго-восточное побережье, Керченский и Таманский полуострова. Управление этим санджаком (эялетом) осуществлялось непосредственно султанской администрацией. Османы установили свои гарнизоны на подвластных территориях Крыма. В городах и селениях были турецкие чиновники, которые строго следили за порядком и сбором налогов. Крымское ханство, располагавшееся в степной и предгорной частях Крымского полуострова, стало вассалом Османской империи.

При завоевании новой территории османы производили перепись и составляли дефтеры, т. е. реестровые кадастровые книги различных видов. В сохранившихся турецких дефтерах начала XVI в. по санджаку Кефе, которые в настоящее время находятся в Османском Архиве Канцелярии Премьер-министра (Başbakanlık Osmanlı Arşivi) в Стамбуле, наряду со сведениями о налогообложении, экономике и этнографии, есть сведения и географического статистического характера: например, в тахрир-дефтере (т. е. в дефтере-переписи) № 370, датированном приблизительно 1520 г., и в тахрир-дефтере

№ 214¹ за 1542 г. содержится информация о городах и селениях, которые вошли в состав санджака Кефе. Благодаря этому стало возможным определить достаточно точно географические рамки каза (кадилик), на которые делился санджак, а позднее эялет Кефе. А также обозначить географические границы самого санджака Кефе в XVI в. Таким образом, опираясь на географические данные из турецких источников, владения османского султана в Крыму начинались в юго-западной части Крымского полуострова, продолжались в устье реки Бельбек, верховьях рек Альма и Кача, далее по склонам Крымских гор, а также занимали весь Южный Берег Крыма, юго-восточное побережье, Керченский и Таманский полуострова.

В период османского правления (с конца XV в. по XVIII в.) в Крым приезжали западные и восточные путешественники, русские и иностранные послы и дипломаты, которые оставили разнообразные труды, сочинения и заметки с интересными и разноплановыми описаниями Крымского полуострова, при этом практически во всех работах есть физико-географические сведения и описания, как всего полуострова, так и отдельных городов, селений, областей, рек, озёр и гор.

К примеру, Мартин Броневский, польский дворянин, был послан королем Стефаном Баторием в Крым с дипломатической миссией (1578 г.). Проведя в Крыму в общей сложности около девяти месяцев, Мартин Броневский сумел составить подробное «Описание Крыма»² — рассказ о том, очевидцем чего он стал. Например, так он описывает владения турецкого султана: «За исключением Перекопа и Козлова, городов и крепостей приморских, и некоторых незначительных городов и селений греческих, всё прочие города и крепости приморские полуострова ... со многими селениями христианских греков, подвластны турецкому Султану и охраняются сильным войском. Часть полуострова, к востоку и югу, имеет температуру воздуха самую умеренную и зиму самую приятную». В его сочинении многие главы носят названия городов,

селений, которые он описывает. Вот так он выглядел, город Кефе — столица владений: Кафа или Феодосия, один из славнейших городов Таврического полуострова, очень хорошо укрепленный, основан генуэзцами. Пристань его хороша и часто посещается кораблями. Видно, что во времена генуэзцев он был очень богат и населен, но когда, лет сто тому назад, турки отняли его у греков, тогда жители его доведены были до такой крайности, что теперь осталась одна тень их существования. Город потерял много своего блеску и величия. Римские христианские церкви уничтожены; дома разрушены; и башни, на которых видны многие генуэзские гербы и латинские надписи лежат в развалинах. Только две католические церкви и армянские остались целы; потому что турки издревле оставили им право иметь собственных священников, для отправления богослужения. В нем живут теперь турки, армяне, евреи, итальянцы и греки; его торговля и пристань и теперь еще известны в Тавриде; его окружают виноградники и сады, которые тянутся на бесконечное пространство. В Кафу плывут корабли с ближайших и далеких островов греческих; но чаще всего из Константинополя, потому что суда могут приходиться оттуда, при попутном ветре, в два дня, или несколько более»³.

Итальянский миссионер из доминиканского ордена Эмидио Дортелли д'Асколи находился в Крыму с 1624 г. и служил префектом 10 лет в столице османских владений городе Кефе префектом. За это время он неоднократно совершал плавание по Черному морю, во время которых занимался историческими исследованиями и описаниями местностей. В результате этого появилась его работа «Описание Черного моря и Татарии»⁴. Он, как и большинство путешественников, описывал все то, что ему удалось повидать, сопровождая это своими комментариями и анализом. В его сочинении вначале идет подробное описание Черного моря, а затем исследование самого Крымского полуострова и его основных городов. Столицу османских владений в Крыму город Кефе он видел так: Каф-

фа, вместе с крупнейшим предместьем, называемым Топрак-кала (Торгасала⁵), имеет пять миль в окружности. Здесь как бы один город внутри другого, потому что генуэзцы построили сначала один, имевший две мили в окружности, с хорошими стенами и бастионами, а затем, когда вокруг этого жилища населения умножились, они обвили город новыми стенами, как это видно теперь. Истории говорят, что Каффа прежде называлась Феодосией, будучи построена императором Феодосием; но от неё не осталось и следа, ибо как в первом городе, так и во втором видны лишь генуэзские гербы и имена. Со стороны суши город окружен очень большими рвами, но без воды, так как здесь местность то подымается, то опускается. Стены, стоящие за рвами, двойные, засыпаны землею с многочисленными куртинами и бастионами. Возвышающиеся близко над городом холмы, густо уставленные ветряными мельницами, не усиливают его, но были введены в оборону, рассчитывая защищаться только от татар, употребляющих луки и стрелы, а не осадные орудия. Зато там есть два крепких замка, оба на одной и той же стороне города: один над воротами в Татарию, построенный генуэзцами, снабженный рвами и многими крупными орудиями; он защищает город с моря; другой вне предместья, на небольшом холме, построен турками. Он не очень велик, круглого очертания, сложен из сырцовых кирпичей и одновременно обороняет город с суши и с моря. Город расположен полумесяцем; на левой оконечности его стоит замок, обращенный к порту, хотя и открытому северо-восточным и восточным ветрам, но вполне надежному благодаря илистому дну, крепко задерживающему якоря, так что ни один корабль в нем не погибает. Каффа изобилует мясом, винами, птицей, рыбой, молочными скопами и плодами, а зимой углем и дровами. В город через ворота Татарии ежедневно въезжают 500, 600, 900 и до тысячи телег, а под вечер ни на одной из них не остается ничего для продажи; таким образом, если Татария ад, то Каффа несомненно врата его. Но главный источник богатства Каффы — море, снабжающее ее

всеми, какие можно пожелать, Божьими щедротами; поэтому Каффа очень бойкий торговый город, куда съезжаются купцы из Константинополя, Азии и Персии. Город населен турками, греками, армянами и евреями. Турки имеют там до 70-ти мечетей; греки до 15 церквей и митрополита 93; у армян до 28 церквей и епископ; у евреев — 2 синагоги, по одной на каждую народность»⁶.

Географические описания местностей и городов Крымского полуострова можно встретить у одного из самых известных турецких путешественников XVII в. Эвлия Челеби, который почти 50 лет своей жизни провел в странствиях. Весь собранный материал Эвлия Челеби объединил в фундаментальное произведение под названием «Сейахатнаме», или «Книга путешествий»⁷.

Свою первую поездку в Крым он совершил в 1641–1642 г., и во втором томе его сочинения уже встречаются упоминания о Крыме. Наиболее плодотворным для Эвлия Челеби оказался его визит в 1664–1666 гг., когда он проехал весь полуостров, описал главные его города, крепости и селения, оставил целый ряд необычайно ценных зарисовок этнографического, лингвистического и фольклорного характера. Следующий визит в Крым он наносит в 1667 г. Сведения о Крыме в основном сосредоточены в VII томе сочинения. В последнем X томе «Книги путешествий» Эвлия Челеби также сообщает статистические данные об этническом составе Крымского полуострова того времени, памятниках архитектуры и искусства, ряд этнографических наблюдений жизни и быта народов Крыма, о воинском искусстве крымских татар, об административном делении всего полуострова и многое другое.

Скорее всего, Эвлия Челеби был очень эмоциональным человеком, и, как и большинство восточных писателей, склонен к преувеличениям, поэтому некоторыми статистическими данными, которые он приводит, следует пользоваться с осторожностью, но, тем не менее, его исследование по Крыму является чрезвычайно ценным и информативным. Вот

как видит Крымский полуостров Эвлия Челеби: «Собственно Крымский остров по окружности составляет 776 миль. На этом острове, образующем круг, есть всего 24 кадиллика. Назначение и снятие всех кадиев — в руках хана. Кроме четырех, тех которые располагаются в Кефинском эйялете, они в руках рода Османов...»⁸. Города и селения Кефинского эйялета Эвлия Челеби описывает подробно: географическое положение; население — количественный, этно-национальный и конфессиональный состав; сооружения, постройки и другие достопримечательности, которые привлекали его внимание.

Вообще географическими зарисовками крымских городов наполнена вся часть сочинения Эвлия Челеби, посвященная Крымскому полуострову, например: «Вглубь суши Кафа протянулась на шесть тысяч шагов, а вдоль моря на две тысячи шагов, измерил я это пространство своими ногами троекратно»⁹. А следующими словами Эвлия Челеби описывает увиденную им Балаклаву: «В юго-восточной стороне порта, на голых красных скалах, громоздящихся друг на друга, стоит высокая неприступная крепость треугольной формы, построенная на неровном месте — строение из камня... В восточной ее стороне голые красные скалы настолько высоки, что от морского побережья и до высокой вершины их размер — 500 строительных аршинов... Если пойти вниз от этой крепости, на углу залива встретишь пригород с двумя михрабами, один из которых — соборная мечеть, а другой квартальная. Здесь два квартала с 200-ми домов, крытых черепицей, жмущихся к скалам по 2–3 друг на друге. Большинство из них построено из дерева. Есть там маленькая баня и маленький хан, а также 80 лавок... На берегу моря — здание таможни. И всего 70 домов греческих неверных. Из-за того, что это — каменистое место, в этом пригороде совсем нет садов и виноградников. Здесь нет также источников. Они пьют воду жизни из колодцев. Встречаются родники чистой воды. Порт может принимать 500 судов. Он защищен от восьми ветров и безопасен. В этом заливе круглый год ловят рыбу, счет которой зна-

ет лишь Господь. Поэтому город называют Балыкклава. Все его население занимается рыболовством и морским делом... Войдя в этот залив из Черного моря, из него очень трудно выйти обратно. Потому что пролив очень узок. При заходе в этот залив простые капитаны или лоцманы не могут найти путь и, упаси Бог, разбивают свои суда. Среди моряков он известен, этот опасный залив, находящийся во власти рода Османов. Это удивительный и странный порт, он лежит как бы в чаше, вокруг него — голые скалы, соединившие свои вершины...»¹⁰.

Эвлия Челеби также часто и подробно описывает климатические особенности Крымского полуострова, реки, озера, животный и растительный мир Крыма, быт и традиции местного населения.

До присоединения Крыма к России, в 1783 г., экспедиций и путешествий по Крымскому полуострову русскими исследователями не совершалось. Вместо этого были статейные списки послов с географическим описанием всего увиденного ими во время пути.

С присоединением Крымского полуострова к России, информация географического характера новоприобретенной территории, так же как и сведения демографического, экономического, статистического характера, стала крайне необходимой. Важно было составить разнообразные карты, как всего полуострова, так и отдельных городов, крепостей, морские карты. Частично сведения подобного рода сообщались единичными путешественниками, которым открылась дорога в Крым, с его присоединением к России. Но для получения более достоверной информации в Крым отправлялись различные экспедиции, как научные гражданские, так и военные.

Большая часть сочинений российских исследователей и путешественников, написанных в конце XVIII в., структурно схожи в плане географического описания полуострова. Начиная своё путешествие с Перекопа, они объезжали весь Крымский полуостров, отмечая и описывая все увиденное на своём

пути. Заканчивали путешествие обычно на Таманском полуострове.

Среди русских путешественников, которые описали Крымский полуостров, первым стал посланец Академии наук — Василий Фёдорович Зуев. В 1781 г. он отправился в путешествие для исследования новоприобретённой Россией местности между реками Бугом и Днепром. Завершив путешествие в Херсоне, Василий Фёдорович отправился в Крым. План его маршрута был таков: по Чёрному морю в Кефе, затем в Керчь и на Тамань, после этого возвращение в Керчь, оттуда в Судак, через Крымские горы, в Казасубазар, в Бахчисарай, Инкерман, Гезлев и далее в Перекоп, но в итоге все запланированное не удалось и маршрут был изменён. Он только пересёк степной Крым от Перекопа до Карасубазара. Результатом его путешествия стала работа «Выписки из путешественных записок В. Зуева, касающиеся полуострова Крыма»¹¹.

Следующим за Василием Зуевым в 1783 г. одним из первых, кто написал объёмную монографию о Крыме, стал Карл Иванович Габлиц.

Он объехал весь Крымский полуостров, побывал и в горах, и в степях, и на Южном берегу Крыма, посетил Керченский полуостров и подготовил «Физическое описание Таврической области и ея местоположению, и по всем трём царствам природы»¹². В этой монографии описаны все географические объекты полуострова, дано разделение на географические районы, отмечены климатические особенности, есть описание природы, животных и вместе с этим в его работе содержится описание фактического положения дел на полуострове в момент его путешествия, то есть сразу после присоединения Крыма к России.

Труды Петра Симона Палласа достаточно хорошо известны. Он, как академик Петербургской академии наук, много лет провёл в путешествиях по юго-восточной части Европейской и Азиатской России. В 1793–1794 гг. он совершил поездку по южным районам России, и в том числе был в Крыму.

Итогом путешествий стали «Краткое физическое и топографическое описание Таврической области» и двухтомный труд «Наблюдения, сделанные во время путешествия по южным наместничествам Русского государства»¹³. Как отмечает в своей книге профессор Василий Григорьевич Ена: «Анализ крымских трудов Палласа позволил установить, что за годы своих крымских путешествий учёный проехал и прошагал в общей сложности более девяти тысяч километров. — Он описал в своих сочинениях около ста, а всего упомянул 908 географических объектов: горных вершин, долин, мысов, бухт, рек, населённых пунктов. Он дал характеристику, в том числе и впервые в науке, многим сотням видов растений и животных, обитающих на полуострове. Даже сегодня поражает особенная проницательность автора, многослойность и точность нарисованной им панорамы жизни природы и народов российского юга. Он не только исследовал природные богатства полуострова, но и увлечённо пропагандировал его рациональное хозяйственное освоение»¹⁴.

Сведения географического характера содержатся в трудах российских и иностранных исследователей Крыма таких, как Павел Иванович Сумароков, Петр Кешпен, Элиза Кравен и многих других ученых.

Более подробно хочется остановиться на материалах, которые хранятся в архиве Военно-морского флота в Санкт-Петербурге. Это архивные документы о военной морской экспедиции капитана второго ранга Ивана Михайловича Берсенева.

Вклад Ивана Михайловича Берсенева, военного офицера, в изучение и исследование Крымского полуострова неocenим и чрезвычайно важен.

В 1783 г. фрегат «Осторожный» под командованием капитана II ранга Ивана Берсенева был отправлен в Крым для выбора гавани у юго-западного побережья, на котором предполагалось построить стратегически необходимый военный порт. Осмотрев в апреле 1783 года бухту у посёлка Ахтиар, расположенную неподалёку от древнего города Херсонеса,

Берсенева рекомендовал её для основания города и порта Севастополь.

А в 1785 г. императрица Екатерина II издала указ, предписывающий Черноморскому адмиралтейскому правлению провести работы по составлению береговой описи Крымского полуострова. Главкомандующий Черноморским флотом вице-адмирал Я.Ф. Сухотин и контр-адмирал Ф.Ф. Макензи поручили выполнение этой задачи капитану 2-го ранга И.М. Берсеневу.

К берегам Черного моря была направлена военная научная экспедиция с целью географического описания западного и южного побережья Черного моря, промеров глубин моря и рек и составления карт. Результатами экспедиции стали подробные дневники-описания береговой линии западного и южного побережья Черного моря. Один из дневников¹⁵, а также переписка¹⁶ капитана 2-го ранга И.М. Берсенева с Черноморским Адмиралтейским Правлением были обнаружены автором в Российском государственном архиве Военно-морского флота в Санкт-Петербурге.

В 1785 г. И.М. Берсенева со своей командой отправился составлять описание западного берега Крымского полуострова. Во время плавания он вел подробный судовой журнал, который имеет заглавие: «При помощи Божией веденный сей журнал при береговой описи от реки Бельбека до Перекопа, а от онаго к выдавшейся наружной косе от матераго Берега против острова Тендры восточной оконечности, потом от онаго пункта до Кинбурской наружной косе, а оттуда лиманом до голы пристани флота капитаном втораго ранга Иваном Берсеневым [в] «1785» году»¹⁷.

Начинается судовой журнал с того, что И.М. Берсенева детально излагает предстоящее задание. Далее в журнале идет описание плавания по дням, в котором очень точно отмечены географические координаты всего, что было встречено экспедицией по пути. Это были бухты, заливы, реки, озера, ручьи, источники с пресной водой, болота, оконечности полуостро-

ва, мысы, горы, курганы, возвышенности, ложбины, лоцины, низменности, города, селения, маяки, сады, пашни, и даже деревья. В некоторых случаях И.М. Берсенева просто указывает координаты того или иного объекта, как, например: «Пеленговали курган» или «Начались пахотные места», но чаще всего вместе с координатами он сообщает и названия бухт, деревень, гор и т. д. В журнале-дневнике также отмечены погодные условия во время плавания.

По окончании этой экспедиции И.М. Берсенева подал 16 января 1786 г. рапорт в Черноморское адмиралтейское правление, в котором сообщил о выполнении задания.

Черноморское адмиралтейское правление, получив подробные береговую опись и карты западного побережья Крымского полуострова, дает Ивану Михайловичу новое задание: составить береговую опись южного и восточного побережья Крымского полуострова, от Севастополя до Азовского моря. К 16-му августа 1786 г. корабли под командованием И.М. Берсенева достигли Керчи, и Иван Михайлович отправляет новый рапорт в Черноморское адмиралтейское правление, в котором сообщает о прибытии в Керчь и спрашивает о дальнейших для него предписаниях. К сентябрю 1786 г. опись южного побережья Крымского полуострова от Севастопольской гавани до Азовского моря была завершена. Но на этом путешествие Ивана Михайловича и его команды не закончилось, так как в Черноморском адмиралтейском правлении было принято решение о продолжении составления описи побережья Крыма. Но началась зима, и Иван Михайлович Берсенева вместе со своей командой остался на зимовку в Керчи, с намерениями с наступлением весны продолжить составление береговой описи Крыма. С приходом весны описание побережья Крыма экспедицией И.М. Берсенева могло быть продолжено, но в марте 1787 года по приказу Черноморского адмиралтейского правления, с формулировкой «в связи с недостаточным количеством штурманских чинов на флоте», экспедиция И.М. Берсенева и его команды по составлению береговой описи от мыса

Фонаря до Перекопа была приостановлена и не закончена. Так была завершена экспедиция И.М. Берсенева.

Постепенно к XIX в. исследование и изучение истории и географии Крымского полуострова стало приобретать более систематический и научно-академический характер.

Изучая и исследуя комплекс документальных источников XV–XVIII вв., необходимо отметить, что географические описания территорий, которые входили в состав османских владений в Крыму, можно отследить и в турецких дефтерах, которые были составлены практически сразу после завоевания османами Крыма, и в статейных списках русских послов, и в трудах западных дипломатов, и в записках и сочинениях западных, восточных и русских путешественников, а также в архивных документах, которые сохранились и дошли до наших дней.

ПРИМЕЧАНИЯ И СНОСКИ

1. Tahrir defterleri №№ 370, 214; Vaşbakanlık Osmanlı Arşivi.
2. *Броневский М.* Описание Крыма // Записки Одесского общества истории и древностей. Т. VI. Одесса, 1867. С. 333–367.
3. *Броневский М.* Описание Крыма. С. 348.
4. *Дортелли д'Асколи.* Описание Черного моря и Татарии // ЗООИД. Т. XXIV. Одесса, 1902. С. 89–180.
5. Топра-кала — земляная крепость; этим именем называлось предместье Каффы, потому что, как и весь город, оно состояло из земляных мазанок.
6. *Дортелли д'Асколи.* Описание Черного моря и Татарии. С. 90–94.
7. *Эвлия Челеби.* Книга путешествий. Турецкий автор Эвлия Челеби о Крыме 166–1667 гг. / Пер. и коммент. Е.В. Бахревского. Симферополь, 1999. 141 с.; *Эвлия Челеби.* Сейяхатнаме — Книга путешествий. Симферополь, 1996. 185 с.
8. *Эвлия Челеби.* Книга путешествий. Турецкий автор Эвлия Челеби о Крыме 166–1667 гг. 1999. С. 144.
9. Там же. С. 85.
10. Там же.

11. *Зуев В.* Выписка из путешественных записок Василья Зуева, касающихся до полуострова Крыма. 1782 года // Месяцеслов исторический и географический на 1783 год. СПб., 1783. С. 122–169.
12. *Габлиц К.И.* Физическое описание Таврической области и ея местоположению, по всем трем царствам природы. Спб., 1785.
13. *Паласс П.С.* Наблюдения, сделанные во время путешествия по южным наместничествам Русского государства. М., 1999 .
14. *Ена В.Г., Ена Ал.В., Ена Ан.В.* Открыватели земли Крымской. Симферополь, 2007.
15. РГА ВМФ ф. 197 оп. 1 д. 87. Лл. 1–13
16. РГА ВМФ ф. 168 оп. 1 д.111. Лл. 1–29
17. РГА ВМФ ф. 197 оп. 1 д. 87. Л. 1

ФОНДЫ РГАВМФ КАК ИСТОЧНИК ПО ИЗУЧЕНИЮ ВОПРОСОВ ВОСТОКОВЕДЧЕСКОЙ ТЕМАТИКИ

Малевинская М.Е.

*к.и.н., Российский государственный архив
Военно-Морского Флота, Санкт-Петербург*

Впервые Российский государственный архив Военно-Морского Флота (РГАВМФ) представил краткий обзор своих фондов, содержащих сведения по восточной тематике, на конференции «Традиция гуманитарно-естественного восточного краеведения в России (к столетию Русского Императорского Общества востоковедов)», которая проходила в марте 2000 г. в г. Санкт-Петербурге. Тогда было отмечено, «что исследователи, занимающиеся вопросами востоковедения, довольно редко обращаются к материалам нашего архива, т.к. до сих пор остается некоторое предубеждение о возможностях найти необходимую информацию в фондах Российского государственного архива Военно-Морского Флота»¹. За прошедшие уже практически два десятилетия архив продолжил работу по популяризации своих документальных материалов. Вышел целый ряд публикаций в журналах «Восточный архив», «Восточная коллекция», «Цитадель», а также в сборниках научных трудов «Россия и Япония» и «Россия и Китай», выпущенных Библиотекой Академии наук и издательством Альфарет в Санкт-Петербурге соответственно в 2007 и 2012 годах. Помимо этого, архивом были подготовлены и изданы три аннотированных перечня документов по истории Японии и Кореи, два из которых вышли на русском и японском языках. Дву-

язычные издания — это результат многолетнего сотрудничества архива с Историографическим институтом Токийского университета. Неоднократно к этой тематике обращались и участники традиционных Елагинских чтений, которые проводятся в архиве один раз в два года, и все выступления на них подготовлены с использованием документальных материалов РГАВМФ.

С 2005 по 2007 годы фонды архива, в связи с переездом были недоступны, но после возобновления работы читальных залов можно констатировать увеличение количества исследователей, интересующихся вопросами востоковедения. С фондами архива работали представители Санкт-Петербургского, Московского, Дальневосточного и Дагестанского государственных университетов, а также университетов Германии, Японии, Израиля, США; Институтов Российской академии наук, в их числе, разумеется, и Институт востоковедения. Активизировался и интерес коллег-архивистов из Китая и Кореи, а в июле текущего года архив посетил руководитель Департамента Национальных документов и архивов Султана Оман — все это свидетельствует о том, что публикации архива и работы исследователей на основе наших фондов приносят свои плоды и привлекают все большее внимание к документам РГАВМФ.

Рассматривая фонды архива можно сказать, что востоковедческая тематика во временных рамках до 1917 года представлена в основном в строевых рапортах командного состава флота разного уровня, донесениях военно-морских агентов и в переписке российских дипломатических представителей с командованием флота. Для советского периода можно исключить строевые рапорты, но одним из основных видов документов становятся политдонесения.

Очень часто исследователи, приходящие в архив, имеют цель только проверить ссылки на документы, упомянутые в уже опубликованных монографиях. При изучении истории Японии, Кореи и Китая большинство обращений к фонду

«Алексеев Евгений Иванович, адмирал», но опыт работы архива показывает, что личные фонды в РГАВМФ содержат в большей части служебные документы, которые очень часто дублируют содержание учрежденческих и корабельных фондов. В связи с этим нами был подготовлен аннотированный перечень документов «История Японии и Кореи», в который помимо материалов из фонда Алексеева вошли документы учреждений, имеющих непосредственное отношение к деятельности наместника на Дальнем Востоке (уже упомянутого выше Е.И. Алексеева). Таких фондов оказалось три — это «Временный морской штаб наместника на Дальнем Востоке», «Морской походный штаб наместника на Дальнем Востоке» и «Эскадра Тихого океана». В целом документальные материалы этих фондов довольно подробно освещают деятельность адмирала Е.И. Алексеева и его аппарата на Дальнем Востоке, а также политическое и экономическое положение стран региона в самом конце XIX — начале XX веков. Перечень вышел из печати в 2015 году и в настоящее время широко используется как в читальном зале, так и сотрудниками архива при проведении различных видов работ.

История стран Востока в документах советского периода в настоящее время менее востребована. Как мы уже отметили, состав документов этого периода отличается от ранее рассмотренного. Прежде всего, это телеграммы, разная переписка и незначительное количество донесений военно-морских атташе. Например, в фонде «Штаб РККФ» сохранились отношения заместителя наркома по иностранным делам Л.М. Карахана в Морской штаб Республики о назначении военно-морского атташе при полномочном представителе РСФСР в Иране и на Ближнем Востоке (сентябрь 1920), доклад морского представителя на Востоке о военном положении в Персии, составе ее армии (октябрь-ноябрь 1920).

Сохранились донесение военно-морского представителя на Востоке полпреду в Персии о необходимости организовать консульство в Астрабадской провинции, расположенной на

границе с РСФСР, об отношениях персидских властей к населению этой провинции и туркестанских степей и о желании последних восстановить торговые отношения с РСФСР (июнь 1921). В марте 1922 года помощник главкома всеми вооруженными силами Республики по морским делам Э.С. Панцержанский подготовил доклад, в котором, в частности, шла речь о необходимости для РСФСР иметь своего морского агента в Ангоре: «Он должен быть в том числе советчиком и помощником Ангорского правительства по вопросам организации и наилучшего использования морских сил и средств, имеющихся у Кемаля в настоящий момент, а также и тех, коими ему придется располагать в будущем»².

20 июля 1922 года приказом РВСР № 159 военный моряк Роман Романович Левговд был назначен военно-морским агентом (атташе) при полномочном представительстве РСФСР в Турции (Ангоре)³. Левговд регулярно представлял доклады о дипломатической деятельности морского атташе в Турции, условиях его работы, беседах с официальными представителями; на конец 1922 года им был подготовлен анализ экономического и политического положения Турции. В этих докладах формулируются следующие предложения: «1. Установить тесное общение между нашими дружественными военными флотами, чего сейчас нет, а существует скорее отчужденность, которую я констатирую с прискорбием и подчеркиваю, что вина в этом исключительно турок. Мы им даем корабли, ремонтируем их суда, снабжаем их орудиями, минами, боеприпасами. С нашей стороны отчужденности нет, и я предлагаю ее устранить. 2. Было бы весьма желательно, чтобы турецкое морское командование посвящало в том числе в планы обороны проливов, дабы заранее можно было бы учесть, какая помощь от нас потребуется, и эту помощь заранее организовать, и средства иметь наготове. Если моя точка зрения не разделяется, то это будет для меня очень неприятно, так как будет служить доказательством того, что мое пре-

бывание здесь не приносит пользы делу укрепления дружбы двух великих народов и не увеличивает силы их союза»⁴.

Левговд также дает анализ современного положения отношений между Россией и Турцией и предполагает, что «малейшее отклонение их [турок] от нас в сторону запада — это политическое безумие, которое окончательно погубит Турцию»⁵. В феврале 1923 года Р.Р. Левговд был отозван на Родину из-за очень непростых отношений с персоналом российского представительства.

Донесения военно-морского атташе в Турции за 1926 год отложились в фонде «Управление Морских сил РККА», а в фонде «Учебно-строевое управление УВМС РККА» представлены документы 1927 года о полномочиях военно-морского атташе в Японии и разработке проекта договора с Ираном в 1929 году. Здесь же можно ознакомиться с отчетами военно-морского атташе в Турции А.А. Соболева о парадах по случаю дня провозглашения турецкой республики за 1926 и 1927 годы, которые даются в сравнении. Отмечается, что в 1927 году военная часть парада была значительно сокращена. Отчет 1927 года сопровождается несколькими фотографиями. Одно из дел этого фонда за 1928 год содержит переписку военно-морского атташе в Турции Л.В. Анципо-Чикунского по поводу командирования в СССР группы турецких офицеров. Намечалось направить четырех человек — это офицеры-специалисты по артиллерии, торпедному делу, минам и, возможно, механики. Все говорили по-английски, а один из них даже по-русски. Он отмечал, что «подобные командировки у них осуществляются в разные страны, так что нам принимать это приходится как нормальный шаг в деловом сотрудничестве наших флотов и как признание значительности наших технических достижений»⁶.

Надеемся, что даже столь краткий обзор документальных материалов по истории стран Востока дает возможность оценить перспективы работы в Российском государственном архиве Военно-Морского Флота исследователей, занимающихся

изучением востоковедческой тематики в различные исторические периоды.

СНОСКИ

1. Бюллетень Общества востоковедов. М., 2002. Выпуск 7. С. 126.
2. РГАВМФ. Ф. Р-1. Оп. 3. Д. 1154. Л. 40, 41.
3. РГАВМФ. Ф. Р-1. Оп. 3. Д. 1080. Л. 17.
4. РГАВМФ. Ф. Р-1. Оп. 3. Д. 1089. Л. 78–104.
5. РГАВМФ. Ф. Р-1. Оп. 3. Д. 1089. Л. 161об.
6. РГАВМФ. Ф. Р-910. Оп. 1. Д. 187.

ИЗУЧЕНИЕ И ПУБЛИКАЦИИ ВОСТОЧНЫХ ТЕКСТОВ ЛИТОВСКИХ ТАТАР

Мишкинене Г.А.

*доктор гуманитарных наук, Вильнюсский университет,
Вильнюс, Литва*

Появление арабографичных славяноязычных рукописей у литовских татар в XVI в. связано с утратой литовскими татарами* их родного тюркского языка. И хотя на протяжении веков татары не утратили связи со своими соотечественниками на Востоке, — сохранилось немало информации о путешествиях татар на Балканы, в Стамбул и Мекку, — незнание литургического языка — арабского и утрата своего родного — тюркского, стали основной причиной для перевода религиозной литературы на (старо)белорусский, а позже и на (старо)польский языки. Таким образом, в среде литовских татар зарождается арабографичная славяноязычная рукописная традиция. Имеется небольшое количество рукописей, датированных концом XIX — началом XX века, в которых использовано кириллическое или латинское письмо.

Для мусульманской рукописной литературы характерно соединение в одном произведении материалов разных тематических групп и жанров. Традиционно принято различать *китабы, полукитабы, хамаилы, Кораны, тefsиры, теджвиды*. При определении названия рукописи учитываются содержание документа, его форма, а также информация из колофо-

* Под литовскими татарами имеются в виду татары Великого княжества Литовского, наследники которых проживают на территории современной Литвы, Белоруссии и Польши.

на. В литературе предмета неоднократно давалось пояснение этим терминам¹.

В европейском контексте письменная традиция литовских татар стоит в одном ряду с подобной литературой, которая традиционно называется *альхамиада*. Термин *альхамиада* употреблялся для обозначения испаноязычных памятников, писанных арабским письмом. Вид письма, названный *альхамиада*, в переводе с арабского языка означает иностранный (*альхам* — иностранец). Первым ученым, применившим этот термин для обозначения славяноязычных памятников, писанных арабским письмом, был Фехим Байрактаревич². Возникновение славяноязычной литературы арабским письмом в Боснии и в Великом княжестве Литовском тесно связано с историей Османской империи. Несмотря на то, что обе литературные традиции возникли примерно в одно и то же время, во второй половине XVI в., эти традиции формировались совершенно в разных исторических и социальных условиях. На отсутствие взаимовлияния одной традиции на другую не раз указывали в своих работах Вернер Лефельт³ и Антон Антонович⁴. Самый ранний из известных боснийских текстов арабским письмом *Hirvat Türkisi* датируется 1588 годом⁵, а дошедшие до нас наиболее ранние рукописи литовских татар — началом XVII в.⁶ В отличие от боснийской литературы, в которой преобладали поэтические жанры такие, как мавлид, иляхи и касыды, в литературе литовских татар предпочтение отдавалось прозаическим жанрам, тесно связанным с религиозной жизнью мусульманской общины. И хотя обе традиции просуществовали у обоих народов до конца XX в., у литовских татар так и не появилось печатных изданий арабским письмом. В Боснии же печатная традиция, возникшая в начале XX в., перестала существовать в 1941–1942 гг.⁷ В нашей статье остановимся на вопросах изучения и публикации восточных текстов литовских татар.

Основная отличительная черта рукописей литовских татар — это многоязычные памятники. Тексты записывались на (старо)белорусском, (старо)польском, арабском и тюркском

языках, причем восточным текстам в большинстве случаев сопутствуют переводы на белорусский или польский языки. В научной литературе упоминаются четыре литературных языка, которые зафиксированы в рукописях мусульман Великого княжества Литовского. Это хорезмийский, чагатайский, староосманский и крымско-татарский литературные языки.

В одной из статей, посвященных письменности литовских татар, Ананьяш Зайончковский в качестве примера приводит текст из хамаила 1804 г., хранящегося в Варшавском университете в Институте востоковедения (Instytut Orientalistyczny U.W. Rekorisy 1)⁸. Текст записан на хорезмско-тюркском языке (у А. Зайончковского — староуйгурский), латинская транскрипция его принадлежит А. Зайончковскому:

Qamu türlüg türlüg devläriñ päriläriñ jällärindän ärsän qyzyl jällär qulunžu jällär bulan kälän zaĥmätindän ärsäy toqsan ħamurny bäl (jäl, jäk?) tuĥar, toqsan ħamurny baqmaq tuĥar üç jüz altamyş alty ħamur da i zaĥmätindän ärsän äj mäl'ünlar ol-sä'at sä'at kät mäl'ün joq ärsän kätmäsäñ oĥa salurmän häläk ölürsän (162r).

При сравнении содержания этого хамаила с другими А. Зайончковский подчеркнул их близость: арабский текст был таким же, но пояснения к нему были на чагатайском, а не на белорусском или польском языках. Находка оказалась бесценной и в том, что помогла в определении двух этапов развития письменности у литовских татар: 1) раннего (XIV–XV вв.) — староуйгурского и 2) позднего (XVI–XVIII вв.) — османского⁹.

Примером употребления литовскими татарами староосманского языка может служить небольшой отрывок текста из популярной в среде татар легенды *Мерадж*, сопровождаемый в рукописях интерлинейрным переводом на (старо)белорусский язык:

1. her bir elinde bir ĥabaĥ nürdan dutmuşdur / ĥoş şalavāt getürür secde kılur
2. sunuşuban biri birine muştılar / uş irişdi ol nebiyyü'l-müftaĥtılar
3. zikir tesbîĥ eytü çıĥdum göge / bir çalabum şun'unı öge öge
4. beş yüz yıllık ĥalınidur bu göküñ / vir şalavāt eydeyim durgil aruñ

5. dütünden yaradılmış gögi üstâdı / kitâb içre refa' adur adı
6. bir қаpu gördüm adıdur hâfıza / burc yârı kamu envâr idi kâm-ile
7. irişdi cebrâ'il қапуу urur / içerüden ün geldi kim durur
8. eytdi benüm ben hazret yâ cebrâ'il / қапуу aç gireyim yâ ismâ'il
9. eydi yeliñde kim var degil baña / cebrâ'il eydür muştalık olsun saña¹⁰.

Кроме языков письменного общения, литовские татары имели, несомненно, язык устного общения, который был для них родным. Профессор Эдхям Тенишев поставил перед собой цель: дать ответ на вопрос — сохранилось ли доказательство того, что язык литовских татар принадлежал к кыпчакской группе тюркских языков. Пытаясь реконструировать исторический язык литовских татар, Э. Тенишев пошел по пути, на который в своих работах указал Антон Мухлинский. А. Мухлинский, ссылаясь на более раннее указание, писал: «во время возвращения тюрками Подолии — тогда много татарских семейств, издавна поселенных, вышло в Турцию, но из этих выходцев образовались там три колонии, которые поныне отличаются от турецких типом и костюмом и называются татарскими: одна на равнине Добруча в Бугарии, другая — в окрестностях Бруссы, третья — над рекой Кизил-Ирмар (Halis) в Малой Азии; число жителей татар в этих трех колониях по официальным статистическим данным простирается до 36 тыс. душ»¹¹. По мнению Э. Тенишева, именно в этом регионе и сохранился устный язык литовских татар.

Об языке татар Добруджи (Румыния) писали многие исследователи-языковеды: Ананьяш Зайончковский, Владзимеж Зайончковский, Хенрик Янковский, Иштван Мандоки, Владимир Дримба. Наиболее полные сведения о языке татар Добруджи — истории изучения языка, грамматике, словаре — содержатся в книге В. Зайончковского¹². Как отмечает Э. Тенишев, материала вполне достаточно для ясного представления о строе языка добруджинских татар, его словарном составе, диалектном членении и связях с другими языками. Опираясь на данные в книге В. Зайончковского, Э. Тенишев в статье «Разговорный язык литовско-польских-белорусских татар XV–XVI вв.» представил систему языка добруджин-

ских татар¹³. По мнению ученого, язык татар Добруджи несомненно принадлежит к кыпчакской группе тюркских языков. В пользу этого вывода говорят характерные признаки языка в фонетике: «наличие в разных позициях слова согласного s вместо c (sesek, erinsek, nese, us), вместе с тем одновременное употребление согласного c (cicek, ciq = 'ac'), наличие в начале ряда слов с задними гласными g (galraq, gas, gaman, gamaw, gani) и параллельный ряд с начальным y (yaqin, yaqsi, yaman, yas, yesil), наличие w в середине слова (suwuq), звонкий d вместо t в словах da, duman, dolar и e вместо a — elma, elmas»¹⁴. В морфологии на принадлежность языка татар Добруджи указывают формы падежей: «род. п. –nîn, дат. п. –a, вин. п. –nî, возвратного местоимения oz, настоящего данного момента –a, одного из видов прошедших времен и причастий –an, а также наличие аспектных конструкций –a yat=: sen nisliyatirsin, –p otir=: beklep otir an aqsaqalli qarr tlar»¹⁵. Проведенное сравнение позволило Э. Тенишеву сделать вывод, что это татарский язык ногайского типа с заметной примесью турецких (или крымско-татарских элементов). При сравнении с диалектами ногайского языка можно утверждать, что «язык тюркского населения Добруджи близко стоит к акногайскому диалекту, но по дополнительным признакам (примеси турецких элементов) ближе всего он находится к крымско-ногайскому диалекту по терминологии Юмава Каракаева»¹⁶.

Как справедливо подмечает профессор Э. Тенишев, «как бы ни называли сейчас разговорную речь татар Добруджи — *говор, диалект, жаргон*, в социальном плане ни один из этих терминов не отражает действительное положение. И лингвистически и социально тюркское население Добруджи владеет этим языком. Исторически он был в положении диалекта по отношению ко всему языку польско-литовских татар XV–XVI вв., т. е. пока он существовал в устах народа»¹⁷. Э. Тенишев не соглашается с мнением В. Садура, что у литовских татар никогда не было монолингвизма. «Полилингвизм, — считает Э. Тенишев, — распространился после XVI в., когда этот язык был утрачен на своей родине, то его

носители, переселившиеся в Добруджу, Брусу и Кызыл Ырмак, оказались в положении единственных носителей-наследников родного языка. Теперь же «изолированный диалект» в Добрудже вырос до статуса самостоятельного языка. Диалекты же Брусу и Кызыл Ырмака, вероятно, подверглись сильному турецкому влиянию¹⁸. Э. Тенишев в своей статье в качестве наглядного материала привел образцы живой разговорной речи татар Добруджи — поговорки, песни, бейты, исторические стихи (manı), взятые из книги В. Зайончковского. Таким образом, автор статьи хотел подчеркнуть, что этот язык существует и выполняет все характерные ему функции.

Не сомневается и Тадеуш Майда, что литовские татары говорили на кыпчакском диалекте, так как на момент поселения татар в Великом княжестве Литовском в Золотой Орде функционировал литературный язык, на базе языка эпохи Караханидов, включивший в себя элементы уйгурского, кыпчакского и огузского. Соотношение же этих элементов в рукописных памятниках литовских татар неодинаково¹⁹. Составление текстов рукописей на основании разных источников привело к тому, что в языковом плане появляются тексты смешанного характера. При этом можем говорить о двух группах текстов — кыпчакских с примесью элементов огузских, и огузские с элементами кыпчакского. О таком процессе в своих работах писал профессор Хенрик Янковский, называя данный процесс «кыпчакизацией», происхождение которой до конца не ясно²⁰. Т. Майда предполагает, что такой процесс был делом рук самих переписчиков, которые подбирали тексты согласно своей компетенции.

Исследователи письменного наследия литовских татар нередко обращались и к содержанию данных памятников. Во многих статьях, посвященных истории и культуре литовско-польских татар, в качестве иллюстративного материала появлялись отрывки текста *Мирадж*, ставшего классическим примером для демонстрации особенностей содержания арабграфических рукописей Великого княжества Литовского²¹. Ян Станкевич и Мария Тауэрова были первыми исследователя-

ми, которые, основываясь на принципах научной транскрипции, ознакомили читателей с популярной легендой *Мирадж* из китаба Луцкевича²². Однако исследователи приводили в качестве примера только славяноязычную часть текста. К восточной же части легенды ученые обратились значительно позднее²³.

Легенда *Мирадж* была доступна нам в восьми списках. Ниже они перечисляются в хронологическом порядке написания рукописей с указанием листов, на которых представлен интересующий нас текст (в примечаниях даются места хранения и ссылки на новейшие печатные описания рукописей).

1. Китаб Ивана Луцкевича, перв. пол. XVIII в. (Вильнюс, Библиотека Академии наук Литвы, F 21–814, F 21–814, с. 107b–135a²⁴);

2. Китаб Айши Смольской, 1814 (Вильнюс, Национальный музей Литвы, R–13.032, л. 209–242²⁵);

3. Китаб Британской библиотеки, 1832 (Лондон, Британская библиотека, ОР.13.020, с. 87a–102b²⁶);

4. Китаб Абрагима Хасеневича, 1832 (Минск, Национальная библиотека Белоруссии, 11Pk 438MT9, л. 94–119²⁷);

5. Китаб Мустафы Шагидевича, 1837 (Вильнюс, Национальный музей Литвы, R–13.042, л. 1–45²⁸);

6. Китаб ибн Абрагама Карицкого, 1842–1843 г. (Вильнюс, Библиотека Вильнюсского университета, F3–391, л. 248–305²⁹);

7. Китаб Абрагима Хасеневича, 1861 (Минск, Национальная библиотека Белоруссии, временный № 11Rk 1000, с. 84a–106b);

8. Китаб Александра Хасеневича, 1868 (Вильнюс, Национальный музей Литвы, R–13.013, л. 1–44³⁰).

Еще один (недоступный нам) список легенды *Мирадж* имеется в китабе Махамета Мейшутовича 1882 г., содержащем, по утверждению исследователей, те же тексты, что и китаб Ивана Луцкевича (№ 1 нашего списка)³¹. Кроме того, в исследованном и описанном в статье Я. Шинкевича китабе 1792 г.

также находился текст легенды *Мирадж*³². На сегодняшний день китаб считается утерянным. Таким образом, текст легенды *Мирадж* представлен в десяти известных нам китабах. Примечательно, что исследуемый текст содержится только в одной из жанровых разновидностей рукописей литовских татар, а именно, в китабах.

Согласно вышеприведенному списку рукописей, исследуемый текст легенды в пяти рукописях написан на староосманском языке с подстрочным переводом на белорусский и польский языки. Это китаб Ивана Луцкевича (перв. пол XVIII в.), китаб Британской библиотеки (1832), китаб Абрагима Хасеневи́ча (1832), китаб ибн Абрагима Карицко́го (1842–43) и китаб Абрагима Хасеневи́ча (1861) (соответственно № 1, 3, 4, 6 и 7).

Особую ценность представляет собой богатый словарный материал (арабизмы и тюркизмы) в языке литовских татар из китабов и разговорного языка мусульман, собранный в работе Али Вороновича³³. Подобную работу проделал и С. Кричинский, составив словарь из употребляемых литовскими татарами в разговорном языке восточных слов, и поместил его в своей монографии³⁴. Небольшой словарик восточных слов содержится в монографическом труде профессора Вильнюсского университета А. Антоновича³⁵. В 1973 г. Ширин Акинер опубликовала статью со словарем восточных слов из Лондонского китаба (1831)³⁶.

Следует оговорить еще одну жанровую разновидность, встречающуюся в рукописях литовских татар, в которой находится богатый восточный материал. Это двуязычные словари-разговорники, которые могли входить в состав китабов, а также переписываться в отдельные тетради³⁷. Среди материалов, содержащихся в десятках китабов, хамаилов, тефсиров и сборников иного характера, только пояснительные словари, разговорники и двуязычные словари представляют собой практико-дидактическую литературу, значение которой, несомненно, велико.

Собрания рукописей литовских татар хранятся в государственных хранилищах Беларуси, Литвы, Польши, Германии,

Российской Федерации (Казань, Санкт-Петербург), Великобритании, Украины (Львов), а также в частных коллекциях. Собрания рукописей, имеющиеся в государственных хранилищах и частных коллекциях Беларуси, Литвы и Польши, описаны в шести каталогах, изданных в 1997, 2000, 2003, 2005, 2011 и 2015 гг.³⁸

Авторы *Каталога арабскоалфавитных рукописей литовских татар* (2005) предложили содержание рукописей раскрывать путем перечисления глав и разделов, имеющих формальную или графическую рубрикацию. При этом названия частей текста, инципиты которых приводятся в статье каталога, за исключением сур Корана и названий молитв, являются условными. Вышеуказанный принцип описания содержания рукописей позволил сориентироваться в большом количестве сюжетов и выделить идентичные тексты. Это в свою очередь положило начало систематическим текстологическим исследованиям текстов. В настоящее время работа по текстологическому анализу китабов ведется Г. Мишкинене и С. Темчином в Институте литовского языка³⁹. Начатое А. Зайончковским, Т. Майдой исследование тюркских и арабских текстов продолжено Н. Гюллядаг, А. Дроздом, Х. Дургутом, Г. Мишкинене, П. Сутером⁴⁰.

Рукописи литовских татар в большинстве своем содержат тексты религиозного характера. Обычно приводимые в молитвенниках (хамаилах) молитвы и обрядовые действия сопровождаются довольно коротким пояснительным текстом, за которым следует текст молитв на арабском (реже — турецком) языках без перевода. На данный момент нам известно несколько рукописей, в которых мусульманские молитвы сопровождаются линейным переводом на белорусский и польский языки. Одной из таких рукописей является полукитаб из фондов Центральной научной библиотеки НАН Беларуси (Инв. № Р97)⁴¹, а также два хамаила — хамаил Сафара Кабирова (середина XIX в.) и хамаил ЛУ-869 (1-ой половины XIX в.)⁴². Х. Янковский посвятил статью отдельному тексту из рукописного кодекса, а именно Зикру (гимну)⁴³.

Восточные тексты, вошедшие в состав рукописных сборников, по данным трех *Каталогов* (2000, 2003 и 2005 гг.) описаны в статье Г. Мишкинене⁴⁴.

Сохранившееся и дошедшее до наших дней литературное наследие литовских татар является богатым материалом для исследований белорусского, польского, арабского и тюркского языков. Уникальная рукописная традиция зародилась на территории, удаленной от ортодоксального мусульманского Востока, и поэтому в текстах рукописей нашло место уникальное сочетание культур.

По-прежнему актуальным остается установление источника, с которого был сделан перевод. Среди источников, которыми пользовался составитель рукописи, следует различать мусульманские и немусульманские. Комплексное исследование текстов рукописей, расшифровка как славянской их части, так и сохранившейся восточной, во-первых, может помочь установить источник перевода и его локализацию. Во-вторых, когда восточный текст в рукописи сопровождается его интерлинеарным переводом, можем не только сравнить точность и качество перевода, но и восстановить при многократном копировании появившиеся неточности и искажения. В-третьих, сохранившиеся в кодексах восточные тексты (тюркские) могут приоткрыть тайну утраченного литовскими татарами родного — тюркского языка.

СНОСКИ

1. *Miškinienė G.* Seniausi Lietuvos totorių rankraščiai: grafika, transliteracija, vertimas, tekstų struktūra ir turinys. Vilnius, 2001. S. 15.
2. *Suter P.* Alfurkan Tatarski: Der litauisch-tatarische Koran-Tefsir. Köln-Weimar-Wien, 2004. S. 13.
3. *Lehfeldt W.* Das serbokroatische Aljamiado-Schrifttum der bosnisch-herzegovinischen Musline. Transkriptionsprobleme // Beiträge zur Kenntnis Südosteuropas und des Nahen Orients 9, Trofenik, München; *Lehfeldt W.* Eine Sprachlehre von der Hohen Pforte. Ein arabisch-persisch-griechisch-serbisches Gesprächslehrbuch

- vom Hofe des Sultans aus dem 15. Jahrhundert als Quelle für die Geschichte der serbischen Sprache. / Mit Beiträgen von Tilman Berger, Christoph Corell, Günther S. Henrich und Werner Lehfeldt / hrsg. Von Werner Lehfeldt in Slavistische Forschungen 57, Köln, Wien, Böhlau.
4. Антонович А. Белорусские тексты, писанные арабским письмом, и их графико-орфографическая система. Вильнюс, 1968.
 5. Suter P. Alfurkan Tatarski: Der litauisch-tatarische Koran-Tefsir. Köln-Weimar-Wien, 2004. S. 13.
 6. Miškinienė G. Seniausi Lietuvos totorių rankraščiai: grafika, transliteracija, vertimas, tekstų struktūra ir turinys. Vilnius, 2001.
 7. Suter P. Alfurkan Tatarski: Der litauisch-tatarische Koran-Tefsir. Köln-Weimar-Wien, 2004. S. 16.
 8. Zajaczkowski A. Tzw. chamaïł tatarski ze zbiorów rękopisów w Warszawie // Sprawozdanie PAU. T. LII, nr 4. Kraków, 1951. S. 307–313.
 9. Ibid. S. 311.
 10. Мишкинене Г.А. Книга Ивана Луцкевича — памятник народной культуры литовских татар. Вильнюс, 2009. С. 509.
 11. Letters sur la Turquie par Ubicini. 2 edition. Paris 1853. P. 23.
 12. Zajaczkowski W. Język i folklor Tatarów z Dobrudży rumuńskiej. Wrocław, 1975. S. 8–9, 10–25, 26–98, 99–197.
 13. Тенишев Э. Разговорный язык литовско-польско-белорусских татар XV–XVI вв. // Вывучэнне і захаванне культурнай спадчыны татарскага народа на Беларусі. Матэрыялы III міжнароднай навукова-практычнай канферэнцыі, прысвечанай 600-годдзю татарскага асадніцтва на землях Беларуска-Літоўскай дзяржавы, распачатага пры Вітаўце Вялікім (27–28 сакавіка 1997 г.). Мінск, 1999. С. 131–142.
 14. Там же. С. 138.
 15. Там же. С. 138.
 16. Там же. С. 138.
 17. Там же. С. 139.
 18. Там же. С. 139.
 19. Majda T. Osmanizacja pisanego języka Tatarów polsko-litewskich // Tatarzy Wielkiego Księstwa Litewskiego w historii, języku i kulturze / Pod red. Joanny Kulwickiej Kamińskiej i Czesława Łapicza. Toruń, 2013. S. 204.
 20. Ibid. S. 206.

21. *Ластоўскі В.* Гісторыя беларускай (крыўскай) кнігі. Коўна, 1926; Вольский В. Отрывок из китаба // Узвышша. 4. С. 135–146; *Станкевіч Я., Таўэрава М.* Аль-кітаб // Крывіч 2. Коўна, 1923. С. 70–78; *Станкевіч Я.* Адрывак з Аль-кітабу // Крывіч 2. Коўна, 1924. С. 46–52.
22. *Станкевіч Я., Таўэрава М.* Апаваданне з Аль-кітабу // Крывіч 9. 1925. С. 69–80; *Stankevič J.* Příspěvky k dějinám beloruského jazyka na zaklade rukopisu ‘Al kitab // Slavia 12 (3–4). 1933–1934. S. 357–390.
23. *Мишкинене Г.А.* Китаб Ивана Луцкевича — памятник народной культуры литовских татар. Вильнюс, 2009. С. 479–595; *Дургут Х., Мишкинене Г.А.* Легенда *Мирадж* из китаба Ивана Луцкевича // Bibliotheca Archivi Lithuanici 7: Lietuvos Didžiosios Kunigaikštystės kalbos, kultūros ir raštijos tradicijos. Vilnius, 2009. С. 357–375; *Miškinienė G.A.* Litvanya Tatarlarının Ait El Yazmalarında Bulunan Mîrâc-nâme // Türkiyat Araştırmaları. Sayı 14, Ankara, 2011. S. 225–241; *Мишкинене Г.А.* О текстологии рукописных китабов литовских татар: легенда *Мирадж* // Slavistica Vilnensis, (Kalbotyra 58 (2)). Vilnius, 2013. С. 99–119; *Durgut H.* İbn Abraham Karitski Kitabı Miraçnamesi. İnceleme-Metin-Dizin. Konya, 2016.
24. *Мишкинене Г.А., Намавичюте С., Покровская Е.* Каталог арабскоалфавитных рукописей литовских татар. Вильнюс, 2005. С. 39–41; *Дургут Х., Мишкинене Г.А.* Легенда *Мирадж* из китаба Ивана Луцкевича // Bibliotheca Archivi Lithuanici 7: Lietuvos Didžiosios Kunigaikštystės kalbos, kultūros ir raštijos tradicijos. Vilnius, 2009. С. 357–375.
25. *Мишкинене Г.А., Намавичюте С., Покровская Е.* Каталог арабскоалфавитных рукописей литовских татар. Вильнюс, 2005. С. 46–49.
26. *Akiner Sh.* Religious Language of a Belorussian Tatar Kitab. A Cultural Monument of Islam in Europe (With a Latin-Script Transliteration of the British Library Tatar Belarussian Kitab [OR 13020] on CD-ROM). Wiesbaden: Mediterranean Language and Culture Monograph Series 11. S. 121–134.
27. *Drozd A., Dziekan M., Majda T.* Piśmiennictwo i muhiry Tatarów polsko-litewskich. Katalog zabytków tatarskich. T. 3. (nr. 19). Warszawa, 2000. S. 53.

28. *Мишкинене Г.А., Намавичюте С., Покровская Е.* Каталог арабскоалфавитных рукописей литовских татар. Вильнюс, 2005. С. 55–58.
29. *Мишкинене Г.А., Намавичюте С., Покровская Е.* Каталог арабскоалфавитных рукописей литовских татар. Вильнюс, 2005. С. 58–61; *Дургут Х., Мишкинене Г.А.* Легенда *Мирадж* из китаба Ивана Луцкевича // *Bibliotheca Archivi Lithuanici 7: Lietuvos Didžiosios Kunigaikštystės kalbos, kultūros ir raštijos tradicijos.* Vilnius, 2009. С. 357–375; *Durgut H.* İbn Abraham Karitski Kitabı Miraçnamesi. İnceleme-Metin-Dizin. Konya, 2016.
30. *Мишкинене Г.А., Намавичюте С., Покровская Е.* Каталог арабскоалфавитных рукописей литовских татар. Вильнюс, 2005. С. 62–64.
31. *Drozd A., Dziekan M., Majda T.* Piśmiennictwo i muhiry Tatarów polsko-litewskich. Katalog zabytków tatarskich. T. 3. (nr. 19). Warszawa, 2000. S. 52.
32. *Szynkiewicz J.* O kitabie // *Rocznik Tatarski.* 1. Wilno, 1932. S. 188–194.
33. *Woronowicz A.* Szczałki językowe Tatarów litewskich // *Rocznik Tatarski.* T. II. Zamość, 1935. S. 351–366.
34. *Kryczyński S.* Tatarzy Litewscy. Próba monografii historyczno-etnograficznej. Warszawa. 1938 — Gdańsk. 2000.
35. *Антонович А.* Белорусские тексты, писанные арабским письмом, и их графико-орфографическая система. Вильнюс, 1968. С. 391–396.
36. *Akiner Sh.* The Vocabulary of a Byelorussian Tatar Kitab in the British Museum // *The Journal of Byelorussian Studies.* 1973, Vol. III, No 1 — Year IX. P. 55–84.
37. *Александровіч-Мишкінене Г.А., Шуна С.* Турэцка-беларускі размоўнік 1836 году з збораў Нацыянальнага музея Літоўскай Рэспублікі ў Вільні. New York, 1995; *Majda T.* Turkish–Byelorussian–Polish Handbook // *Rocznik Orientalistyczny.* 49 (2), Warszawa, 1995. S. 139–158; *Güllüdağ N., Miškinienė G.A.* Litvanya Tatarlarına ait el yazmalarından Türkçe-Lehçe kılavuz (yıl 1840). Vilnius, 2008.
38. Рукапісныя і друкаваныя кнігі беларускіх татараў: каталог выставы / Уклад.: Л. Доўнар [і інш.], Мінск, 1997; Рукапісы беларускіх татараў канца XVII — пачатку XX стагоддзя з калекцыі Цэнтральнай навуковай бібліятэкі Нацыянальнай акадэміі

Изучение и публикации
восточных текстов литовских татар

- нарук Беларусі: каталог / Укладальнікі: І. Ганчарова, А. Цітавец, М. Тарэлка. Мінск, 2003; *Drozd A., Dziekan M., Majda T.* Piśmiennictwo i muhiry Tatarów polsko-litewskich. Katalog zabytków tatarskich. Т. 3. (nr. 19). Warszawa, 2000; *Мишкинене Г.А., Намавичюте С., Покровская Е.* Каталог арабскоалфавитных рукописей литовских татар. Вильнюс, 2005; Рукапісы татараў Беларусі канца XVII — пачатку XX ст. з дзяржаўных кнігазбораў краіны. Каталог / Складальнікі: М.У. Тарэлка, А.І. Цітавец, Мінск, 2011; Рукапісы татараў Беларусі XVIII — пачатку XXI стагоддзя з дзяржаўных і грамадскіх кнігазбораў краіны. Каталог / Складальнік: М.У. Тарэлка, Мінск, 2015.
39. *Мишкинене Г.А.* О текстологии рукописных китабов литовских татар: легенда *Мирадж* // *Slavistica Vilnensis*, (Kalbotyra 58 (2)). Vilnius, 2013. С. 99–119.
40. *Drozd A., Dziekan M., Majda T.* Piśmiennictwo i muhiry Tatarów polsko-litewskich. Katalog zabytków tatarskich. Т. 3. (nr. 19). Warszawa, 2000; *Дургут Х., Мишкинене Г.А.* Легенда *Мирадж* из китаба Ивана Луцкевича // *Bibliotheca Archivi Lithuanici 7: Lietuvos Didžiosios Kunigaikštystės kalbos, kultūros ir raštijos tradicijos*. Vilnius, 2009. С. 357–375; *Suter P.* Alfurkan Tatarski: Der litauisch-tatarische Koran-Tefsir. Köln-Weimar-Wien, 2004.
41. Рукапісы татараў Беларусі канца XVII — пачатку XX ст. з дзяржаўных кнігазбораў краіны. Каталог / Складальнікі: М.У. Тарэлка, А.І. Цітавец, Мінск, 2011. С. 13–14.
42. *Мишкинене Г.А.* Славяно-турецкое языковое и культурное взаимодействие (на материале хамаилов литовских татар) // *Poznańskie Studia Polonistyczne. Seria Językoznawcza*. 2017. Vol. 24, nr 2. S. 125–146.
43. *Jankowski H.* A Polish Tatar Ziker // *Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hungaricae* 48, 3 (1995). S. 405–420.
44. *Miškiniene G.A.* Litvanya Tatarlarına ait el yazmalarında Türkçe yazılmış metinlerin özellikleri // VI. Uluslararası Türk Dili Kurultayı, Bildirileri, 20–25 Ekim 2008. TDK 2008. S. 3181–3190.

**ВОСТОЧНЫЕ ИСТОЧНИКИ ПО ИСТОРИИ
ВЗАИМООТНОШЕНИЙ ОСМАНСКОГО АЗОВА
И ДОНСКОГО КАЗАЧЕСТВА**

Мустакимов И.А.

*к.и.н., Главное Архивное управление
при Кабинете Министров Республики Татарстан,
Казань*

Сень Д.В.

*д.и.н., Южный федеральный университет,
Ростов-на-Дону*

Ранняя история донского казачества (середина — вторая половина XVI в.) особенно тесно связана с османским Азовом (Азаком). Верно и обратное, на что в историографии раньше обращалось, по преимуществу, только фрагментарное внимание: взаимоотношения с донскими казаками составляют важную страницу истории Азова в османский период. Достаточно сказать, что *общая хронология взаимоотношений османского Азова и донского казачества (с перерывами) — вторая половина XVI в. — 1736 г.* Безусловно, в пределах такого обширного периода уместно говорить об изменении содержания, направленности и интенсивности взаимоотношений сторон. Это было связано с трансформацией и русско-турецких отношений, и государственных границ в регионе, и, наконец, с эволюцией донского казачества, прошедшего путь от вольного до служилого, не без активного сопротивления включенного

в пространство Московского (Российского) государства. История османо-казачьих взаимоотношений, безусловно, не исчерпывается проблематикой русско-турецких войн и регулярных столкновений в регионе казаков и турок-османов. И если русские источники по истории донского казачества уже широко, по целому ряду признаков, введены в научный оборот, то работа над изучением и публикацией османских источников по истории Азова, по истории османо-казачьих отношений и, шире, русско-османских отношений в бассейне р. Дон, можно сказать, находится еще на начальном этапе. Многие из вопросов ранней истории донского казачества невозможно решить без обращения к восточным источникам, информационный потенциал которых недостаточно использовался до последнего времени в российской исторической науке.

Необходимая поисковая работа была начата уже во второй половине XX в. французскими османистами¹, которые, впрочем, специально не занимались источниковедением истории донского казачества. Одним из первых российских ученых к подобным османским документам обратился В.Н. Королев. Он отметил важное значение опубликованных французскими специалистами двух султанских указов XVI в. для изучения «донского казачьего мореплавания»². В 2000-е гг. именно российские специалисты стали активно исследовать и публиковать османские источники о донских казаках³, что, среди прочего, актуализировало проблему сравнения их эвристического потенциала с данными русских документальных источников. Таким образом, источниковедение истории донского казачества сегодня уже проблематично представить без обращения к восточным источникам, среди которого особенное место занимают османские документы. Б. Боук справедливо замечает: «Хотя исследователи отдают явное предпочтение тем явлениям экономики, которые были связаны с Русью, ... при скудности источников все же есть основания считать, что торговля с Азовом и Кубанью была обычным явлением... Пока документы из Османских архивов не будут привлечены

к рассмотрению этого вопроса, нельзя делать преждевременные выводы»⁴.

В действительности, речь идет о самом *широком* использовании османских документов в решении наиболее актуальных вопросов ранней истории донских казаков. Среди них выделяются следующие: **1)** дискуссия о времени появления казаков на Дону, которая благодаря вводу в научный оборот османских источников недавно получила новое развитие; **2)** османская лексика, обозначающая казаков и, в частности, донских казаков, как «русов» и «донских русов». В некоторых опубликованных нами и в других османских документах донцы фигурируют под именем «русов». Термин «рус» как обозначение казаков встречается и в других османских документах XVI в.⁵. «Русами», кроме того, османские источники XVI в. именуют православных подданных Польско-Литовского государства и собственно русских — жителей Московского государства (для последних существовало еще обозначение «москов»). Стоит также учесть замечание М.С. Мейера о том, что термин «рус» (включающий в себя обозначение православных христиан-славян Северного Причерноморья), мог противопоставляться по значению термину «москов» (предназначенному для обозначения жителей Московского государства)⁶. Отдельный интерес представляет проблема соотношения терминов «рус» и «казак». Первый известный нам османский документ, где казаки названы собственно «казаками», а не «русами», как в большинстве османских источников XVI в., это султанский указ 1560 г. кафинскому наместнику Порты⁷. Употребление данного термина в османском источнике объясняется, по-видимому, тем, что азовский кадий, содержание донесения которого пересказывается в указе султана, цитировал сообщения татарских (татарско-ногайских) информаторов, использовавших слово «казаки»; **3)** хронология нападений донских казаков на Азов и сравнение таких данных со сведениями русских источников, которые, нужно сказать, не во всем совпадают; **4)** история пограничного соперничества

и сотрудничества донского казачества и османского Азова, в итоге сформировавших оригинальную культуру взаимной коммуникации в условиях вынужденного соседства⁸; **5**) наличие/отсутствие возможной связи между ранними донскими казаками и азовскими казаками⁹, в которых некоторые специалисты видят предшественников казаков. Именно в последнее время обнаружены новые данные об истории азовских казаков¹⁰, якобы, как полагал В.Н. Королев, «пропавших» из османских источников к середине XVI в.; **6**) локализация ранних казачьих поселений на Дону второй половины XVI в. В частности, речь идет об эвристическом потенциале опубликованного нами документа: «1576 г., ноября 28. Отпуск послания султана Мурада III хану Девлет-Гирею I с запросом мнения хана о целесообразности постройки крепости на реке Бузук выше Азова»¹¹. Его значение состоит в том, что донцы, досаждавшие Азову, судя по всему, *не проживали ниже впадения р. Бузук в р. Дон*. Река Бузук, в которой предположительно усматривается р. Северский Донец, находилась от крепости в двух дневных переходах («днищах» — если следовать лексике русских источников).

Спускаясь сверху вниз по Дону до указанной реки, «донские русь» через заросли тростника «скрытно спускаются к морю, где грабят рыбаков, промышляющих с помощью дальянов, и грузовые суда, ночами похищают случившихся близ крепости жен и детей мусульман, [а также] грабят и похищают путников и купцов»¹². Таким образом, мы полагаем, что пространство между Азовом и местом впадения р. Бузук в р. Дон, т. е. низовья Дона, еще оставалось в указанное время враждебным/неосвоенным для казаков, и что их городков здесь еще нет. Правда, какие-то остроги были построены казаками еще при М. Черкашенине и (окончательно?) разрушены турками-османами в 1565 г. Сообщение об острогах М. Черкашенина и решение вопроса о локализации р. Бузук имеет самое перспективное отношение к изучению дискуссионного вопроса об освоении донскими казаками низовий

Дона во второй половине и, частично, уже 1550-е — 1560-е гг. Вероятно, все более основательное знакомство казаков с землями «на подступах» к Азову (о чем пишет Н.А. Мининков применительно к 1570-м гг.¹³) могло иметь особое значение для тогдашнего донского казачества и для обострения его отношений с Азовом. Обратим внимание на замечание историка о том, что едва ли можно говорить о наличии «множества» донских казачьих станиц, зимовищ и городков по Дону и его притокам не только в 1549 г., о чем писал П.П. Сахаров, но и гораздо позже, «на рубеже 60–70-х годов XVI в.»¹⁴. Но если вопрос о заселении донскими казаками низовий Дона поставить именно в связи с развитием форм казачьих поселений, то особое место среди них займут именно остроги и «зимовища». Они-то и предшествовали появлению на Дону ранее 1570-х гг. большинства известных затем XVI в. донских городков¹⁵. Результаты исследования известных нам османских документов определенным образом уточняют вывод крупного современного ученого о том, что к концу 1560-х гг. сведений «о поселениях казаков ниже Раздор Донецких... нет, хотя, возможно, в середине XVI в. казаки жили вблизи Азова и угрожали городу»¹⁶.

Одно из первых известных нам для XVI в. русских письменных свидетельств о донских казаках относится как раз к их столкновениям с крымцами и с азовцами. Итак, *поводом* для наиболее раннего включения казаков в пространство письменных источников стала их недавно зародившаяся военная активность. Тем же самым образом ранние свидетельства о донских казаках проникли в восточные источники. В грамоте ногайского бия Юсуфа за 1549 г. сообщалось, что «разбойники русь живут на Дону»¹⁷, а не приходят сюда время от времени, как это заметил в свое время Н.А. Мининков. На протяжении 1549–1551 гг. Юсуф неоднократно жаловался Ивану IV на «казаков и севрюков, которые сидят на Дону», грабят и громят ногайские посольства на Русь и торговые караваны¹⁸. В 1551 г. русский посол «в Нагаи» сообщал в Мо-

ску о содержании письма турецкого султана к ногайскому Смаил (Исмаил) мирзе, «в котором султан... указывал, что «рука» царя Ивана над бусурманы высока... Поле де все да и реки у меня поотымал... поотымал всю волю в Озове: казаки его с Озова оброк емлют и воды из Дону пить не дадут»¹⁹. И хотя часть исследователей сомневается в достоверной передаче содержания письма и даже в самом его существовании²⁰, данный пассаж косвенным образом свидетельствует не только о военной активности ранних донских казаков, но также об отражении «казачьей темь» в источниках восточного происхождения. В августе 1548 г. казаки М. Черкашенина и И. Извольского у своей «остроги» на Переволоке «побили крымского князя Аманака да черкасского казака Елбулзлука и азовских людей многих побили», отняв у них к тому же семь пушек²¹. Османские источники могут пролить свет на самую раннюю историю донского казачества, включая события, связанные с именем одного из самых прославленных казачьих атаманов — М. Черкашенина. Так, в 1565 г. кафинский санджакбей сообщал в Стамбул о том, что казак (Rus) по имени «Черкес Миша» (несомненно, что речь идет о Михаиле Черкашенине) обосновался в окрестностях Азова «более 20 лет назад»²². Кстати, ценность данного свидетельства в том, что турки-османы представили свою точку зрения о времени появления русских казаков на Дону, хотя ее относительность не должна вызывать сомнений.

Османские архивные источники существенно дополняют данные русских источников о донских казаках и что также существенно — о разных сторонах их пограничных отношений с Азовом. В основном, такие документы представлены копиями султанских указов османским чиновникам Кафы и Азова и султанских посланий крымским ханам, записанных в сериях реестров «Мюхимме дефтерлери» (Реестры важных дел), «Мюхимме зейли дефтерлери» (Дополнения к Реестрам важных дел), «Малиеден мюдевер дефтерлер» (Документы, поступившие из финансового ведомства). Указанные доку-

менты хранятся в Османском архиве при Премьер-министре Турции (Başbakanlık Osmanlı Arşivi (BOA), г. Стамбул), а также в библиотеке Музея дворца «Топкапы» в Стамбуле. Особое место среди таких источников рода занимают «Мюхимме дефтерлери» («Реестры важных дел») XVI в. — книги регистрации текстов посланий и указов османских султанов²³. Ш. Лемерсье-Келькеже указала, что исследования 1964 и 1966 гг. позволили выявить в Османском архиве 105 копий приказов, специально посвященных казакам, 24 из которых сообщают нам о донских казаках²⁴. Возможно, более детальное изучение всей коллекции «Мюхимме дефтерлери» принесет для современной науки новые находки. Эти записные книги содержат документы, связанные с историей запорожского и донского казачества, существенно дополняют и уточняют сведения европейских (русских, украинских, польских и др.) источников о казаках, причем не только о донских казаках²⁵. Османские источники, уже вполне очевидно, вносят свой вклад в решение проблемы о происхождении донского казачества, о времени его выхода на историческую арену, особенностей ведения казаками боевых действий против турок-османов и их союзников на суше и в море, о противоречивых отношениях с Азовом, насыщенных не только конфронтацией.

Османские источники, как и русские источники, фиксируют, что в отношении донских казаков османский Азак (Азов) регулярно выступал в качестве *обороняющейся* стороны. Именно в связи с действиями против населения Азова донские казаки стали известны османской стороне, что нашло *оперативное* отражение на страницах османских письменных источников. Принципиальное значение османских источников состоит, например, в том, что хронология их составления (наверняка — уже по отношению с ситуации начала 1550-х гг.) соотносится с хронологией первых известных нам русских источников о донских казаках. Следовательно, это имеет прямое отношение к одной из наиболее значительных научных дискуссий, имеющих давнюю историографиче-

скую дискуссию — о времени появления донского казачества. *В этой связи стоит заметить, что историческая наука и сегодня не располагает источниками для предметного разговора о появлении донского казачества ранее середины XVI в. В этом состоит наиболее принципиальное значение для современных османских источников по ранней истории донских казаков.*

Пожалуй, первый известный нам на сегодня османский документ, упоминающий местную «казачью угрозу» — проект султанского послания хану Сахиб-Гирею (определенно имеется в виду крымский хан Сахиб-Гирей I, правивший в 1532–1551 гг.). Документ ориентировочно датируется концом 1540-х — началом 1550-х гг. Султан сообщал о прибытии гонца из осажденного Азова и вопрошал хана: «Сообщите, как такое могло произойти, что является причиной этого, какой образ действий будет наилучшим? Не преминьте также сообщать свои добрые вести. Безотлагательно примите в этом вопросе необходимые меры, дабы впредь не было вероятности совершения подобных деяний неверными-злодеями, а творимым ими злодействам и разбою был положен конец»²⁶.

Нападения казаков на Азов и на его окрестности побудили Порту в 1552–1553 гг. усилить охрану крепости, особенно местных рыбных промыслов. Весной 1552 г. крымскому хану и санджакбею (наместнику) Кафы было направлено предписание султана о принятии дополнительных мер для обеспечения безопасности рыбных ловель в окрестностях Азова от «враждебных русов»²⁷. Венцом этих мероприятий стало учреждение в 1553 г. должности азовского санджакбея (султанского наместника). Об этом говорится в докладе бывшего венецианского байло в Стамбуле Доменико Тревизано, составленном в 1554 г., сообщившему о назначении в «Тану» (Азов) отдельного санджакбея за два года до составления им отчета²⁸. Нам удалось уточнить время этого административного мероприятия: вторая половина сентября — первая половина октября 1553 г.²⁹ Однако в известных нам источниках с

1559 по 1570 гг. азовский санджакбей не упоминается, а высшим должностным лицом Азака называется кадий (судья). В любом случае, вновь можно говорить о верификации на новом исследовательском материале версии тех ученых, которые писали об учреждении должности санджакбея именно как реакции на усилившуюся военную активность донцов в отношении Азова.

Вероятно, активизации натиска донских казаков на Азов способствовали походы князя Д. Вишневецкого³⁰. Первый раз крепость тогда подверглась осаде весной 1559 г., следом — летом того же года и, наконец, зимой 1559–1560 гг.³¹ Все атаки войск Д. Вишневецкого, в составе которых находились и донские казаки, и черкесы, были отбиты. Особую роль, в отражении первой, например, атаки, сыграли ногайцы³². Постепенное увеличение численности казачества на Дону стало сопровождаться ростом его боевых возможностей и увеличением военной активности³³. В 1565 г. донские казаки вновь осадили Азов и пытались взять его с помощью пушек³⁴. Тогда санджакбей Кафы Касим был вынужден даже заключить перемирие с донскими казаками, которое перспективно рассмотреть в контексте истории такого явления, как «замирение/розмирение» Войска Донского и османского Азова. Еще одно нападение казаков на Азов, зафиксированное в русских источниках, произошло, скорее всего, в 1575 г. Эта казачья военная акция против Азова³⁵, закончившаяся его взятием, либо (как полагают некоторые специалисты), взятием части крепости, вызвала, по данным Посольского приказа, гневную реакцию султана Мурада III. Султан писал крымскому хану Девлет-Гирею I следующее: «А мне деи твой Крымской юрт не судит одного азовского человека»³⁶. Не менее важно отметить, что критический анализ источников и историографии позволил в настоящее время уточнить общими усилиями хронологию данного нападения казаков на Азов, связанного с местью донцов за смерть сына атамана М. Черкашенина. Разброс мнений о хронологии данного события в историогра-

фии оказался достаточно велик, а критический пересмотр нашей собственной позиции произошел благодаря публикации 14-й крымской посольской книги 1571–1577 гг.³⁷. Следует, впрочем, отметить, что среди текстов султанских указов и посланий, зарегистрированных в «Мюхимме дефтерлери» за 1573–1576 гг., мы не обнаружили никаких упоминаний о крупных акциях казаков против Азова за этот период. Так, султанский указ азовскому санджакбею от 2 октября 1576 г. свидетельствует, что положение области Азова с окрестностями представлялось туркам-османам относительно спокойным³⁸. В конце 1570-х гг. донцы снова чинили «шкоты» Азову³⁹. В 1589 г. Азов вновь подвергся нападению — на этот раз донцы действовали в союзе с черкасами (запорожцами)⁴⁰. Набег на Азов 1589 г., в отличие от событий середины 1570-х гг., нашел отражение в османском делопроизводстве⁴¹. В 1593 г. казаки вновь осадили крепость и даже сумели ворваться в нее. Азов устоял тогда вследствие помощи, оказанной ему казыевскими ногайцами⁴². В завершение краткой характеристики проблем, сопровождавших ранний этап османо-казачьих отношений в Приазовье до конца XVI в., отметим, турки-османы стали требовать от царя «свести» донских казаков с реки — «дабы впредь земли нашего государства были избавлены от [их] набегов...»⁴³. Требование быстро стало отражать устойчивые запросы к Москве со стороны османской и крымско-татарской дипломатии в отношении донских казаков⁴⁴.

Заметим, что, несмотря на обозначение враждебных казаков «неверными/враждебными русами», отношение османов к «казачьей проблеме», даже в период военных действий, было далеко от характера, скажем так, религиозной войны. Османы были прагматиками. Достаточно упомянуть о таком примере: в 1574 г. азовский санджакбей Мухаммед, раздосадованный непослушанием и ненадежностью азовских татар-казаков (мусульман), предлагал Порте выселить их из занимаемого ими пригорода Азова, а вместо них заселить около 150 семей «неверных» из его хассов (поместий, пожалованных за служ-

бу. — *И. М., Д. С.*). Мотивировал он свое предложение тем, что от «неверных» будет больше пользы при обороне крепости, т.к. они являются аркебузирами, а, кроме того, их можно привлечь для ремонта крепости. Порта, в принципе, одобрила предложение санджакбея с одной оговоркой: «Если неверные из твоих хассов являются русами (т. е. казаками-христианами. — *И. М., Д. С.*), то [переселение их в укрепленное поселение возле крепости] нецелесообразно, если же [они] являются черкесами или греками, то [переселение их туда] целесообразно»⁴⁵.

Несмотря на частые столкновения, взаимоотношения донцов и азовцев, вновь отметим, не ограничивались только военными действиями. В частности, именно во второй половине XVI в. начинает формироваться такое явление, как «замирение/розмирение» казаков и азовцев. Историографическая ситуация еще недавно была такой, что традиционный взгляд не позволял исследователям замечать детали переговорного процесса⁴⁶. Свидетельства мирных отношений между населением Азова и донцами содержатся в султанских указах, являющихся ответами на донесения азовских властей. Вместе с тем, Блистательная Порта призывала азовских наместников не терять бдительности во взаимоотношениях с донскими казаками. В 1576 г. Мурад III требовал от азовского санджакбея: «Не допускай оседания русов на берегах реки Тен и их входа в крепость под предлогом поставки дров. Проявляй совершенную бдительность и принимай необходимые меры... Не допускай, чтобы русы селились поблизости от Азака»⁴⁷.

Отметим, что Азов, в 1475 г. завоеванный турками и вошедший в состав Кафинского санджака (провинции) Османской империи, занимал особое положение среди османских владений. Азов являлся изолированной крепостью, часто находившейся во враждебном окружении. В связи с этим контроль центральной власти над Азовом был затруднен. Большую роль в жизни крепости играло татарское население, представлявшее собой весьма весомую военную силу. Татары со-

ставляли костяк т. н. азовских казаков и, по-видимому, азовских рыбаков — значимых элементов местного социума. Крах Большой Орды и отток из нее населения в конце XV — начале XVI в. привел к значительному росту татар в Азове. Впоследствии азовские казаки в основном пополнялись за счет ногаев. Они держались около османского Азова, а некоторые из них обосновались в самом городе. Среди азовских казаков встречались турки⁴⁸, казанские татары⁴⁹, славяне. Весьма вероятно, что среди них были черкесы и армяне (Костя Арменин?). Еще С.М. Соловьев в «Истории России» обратил внимание на следующий любопытный факт: в первой половине XVI в. один из предводителей донских казаков носил имя или прозвище Сары Азман, а предводителя азовских казаков звали Сенька Ложник. Таким образом, утверждение американского исследователя Б. Боука о том, что «симбиоз между тюрками и славянами был ключевым элементом формирования ранних казачьих обществ»⁵⁰, в определенной степени допустимо не только к донским, но и к азовским казакам. Если из русских источников мы знаем о татарах и ногаях в среде донского казачества, то из переписных реестров Кафинского санджака известно о существовании в первой половине XVI в. в Азове общины «русов». Сравнение данных реестров 1520 г. и 1542 г. показывает увеличение числа славянского населения Азова за неполную четверть века с 21 до 47 семей (дворов)⁵¹. Переписной реестр 1542 г. приводит поименный перечень глав этих 47 семейств, иногда с указанием статуса главы семьи. Первыми поименованы поп (*paras*) русов Григор и кетхуда (староста) Топляк (?). Интересно упоминание среди проживавших в Азове славян «отамана Матюши»⁵² (учитывая широкое использование в данном переписном реестре термина «отаман» применительно к азовским татарским рыбакам, отметим, что значение этого термина в османских источниках XVI в. требует уточнения). Вопрос о продолжении существования азовской общины «русов» во 2-й половине XVI в.⁵³, учи-

тывая возросшую угрозу для Азова и его населения со стороны «донских русов (казаков)», остается открытым.

Общим для донских и азовских казаков XVI в. было и то, что оба этих сообщества своими самовольными набегами на соседей и грабежами посольских и купеческих караванов создавали определенные проблемы соответственно для Москвы и для Стамбула. Оговоримся, однако, что полной аналогии в положении азовских и донских казаков не было. Все-таки азовские казаки были более зависимы от центральной власти, нежели донские. Порта официально признавала их своими подданными (хотя и трудноуправляемыми), тогда как Москва еще в XVII в. могла официально отрицать свое влияние на донцов.

В заключение отметим, что пограничное взаимодействие Войска Донского и османского Азова — одна из самых перспективных и, вместе с тем, малоизученных тем в истории казачества Дона и владений Османской империи в Северном Причерноморье и в Приазовье. Отношения донского казачества и османского Азова могут быть рассмотрены в качестве темы, имеющей отношение не только к истории дипломатического или военного сотрудничества/противостояния России и Османской империи. Речь о самостоятельном историческом сюжете в том смысле, что донские казаки и османские власти Азова десятилетиями вырабатывали такую систему сосуществования, многие элементы которой указывают на умение сторон договариваться друг с другом в условиях вынужденного соседства. Проблема азовско-донских взаимоотношений требует дальнейших исследований, и мы намерены их продолжить.

ПРИМЕЧАНИЯ И СНОСКИ

1. Напр.: *Le Khanat de Crimée dans les Archives du Musée du Palais de Topkapı / Presente par A. Bennigsen e.a. Paris, 1978. P.131–133; Berindei M., Veinstein G. La Tana-Azaq de la présence italienne a l'emprise ottomane (fin XIIIe — milieu XVIe siècle) // Turcica.*

- Revue d'études turques. 1976. Vol. 2. P. 199–200; *Veinstein G.* Une lettre de Selim II au roi de Pologne Sigismond-Auguste sur la campagne d'Astrakhan de 1569 // *Wiener Zeitschrift für die Kunde der Morgenlandes.* 1992. Bd. 82. P. 412–413. № 34.
2. *Королев В.Н.* Морские походы донских казаков в середине XVI в. // *Известия Северо-Кавказского научного центра высшей школы. Общественные науки.* 1987. № 1. С. 82.
 3. *Мустакимов И., Трепавлов В.* Новые османские документы по истории Большой Ногайской Орды // *Гасырлар авазы = Эхо веков.* 2009. № 2; *Мустакимов И., Сень Д.* Три османских документа XVI в. о ранней истории донских казаков // *Україна в Центрально-Східній Європі.* Вип. 9–10. Київ, 2010. С. 307–326; *Мустакимов И.А., Сень Д.В.* Азов и донские казаки по османским документам 1560–1570-х гг. // *Вестник Танаиса.* Вып. 3. Х. Недвиговка Мясниковского района Ростовской области, 2012. С. 172–189.
 4. *Бюк Б.* Фронтир или пограничье? Роль зыбких границ в истории донского казачества // *Социальная организация и обычное право: Материалы научной конференции (г. Краснодар, 24–26 августа 2000 г.).* Краснодар, 2001. С. 152.
 5. В султанском указе азовскому санджакбею, изданном осенью 1576 г., казаки названы «донскими русами» («*Ten Rusu*») (*Мустакимов И., Трепавлов В.* Новые османские документы по истории Большой Ногайской Орды... С. 41–42).
 6. *Мейер М.С.* Основные этапы ранней истории русско-турецких отношений // *Османская империя: проблемы внешней политики и отношений с Россией: Сб. ст. М., 1996.* С. 97–98.
 7. *Документы по истории Волго-Уральского региона XVI–XIX веков из древлехранилищ Турции: Сборник документов / Сост. И.А. Мустакимов.* Казань, 2008. С. 133–134.
 8. *Сень Д.В.* Вынужденное соседство: традиции «замирения/розмирения» Войска Донского и османского Азова // *Война и воинские традиции в культурах народов Юга России (VII Токаревские чтения): Материалы Всероссийской научно-практической конференции (г. Ростов-на-Дону, 11–12 мая 2018 г.) / Отв. ред. к.и.н. А.Л. Бойко, д.и.н. Д.В. Сень, д.ф.н. А.В. Яровой.* Ростов н/Д., 2018. С.170–187.
 9. *Королев В.Н.* Славяне турецкого Азова // *Известия вузов. Северо-Кавказский регион. Общественные науки.* 1999. № 1, 2.

10. *Мустакимов И.А.* Из истории азовских (татарских) казаков // Средневековые тюрко-татарские государства. 2017. № 9.
11. *Мустакимов И.А., Сень Д.В.* Азов и донские казаки по османским документам 1560–1570-х гг. // Вестник Танаиса. Вып. 3. Х. Недвиговка Мясниковского района Ростовской области, 2012. С. 181–184.
12. Там же. С. 182.
13. *Мининков Н.А.* Донское казачество на заре своей истории. Ростов н/Д., 1992. С.132.
14. Там же. С. 128.
15. Там же. С. 136.
16. *Мининков Н.А.* Донское казачество в эпоху позднего средневековья (до 1671 г.). Ростов н/Д., 1998. С. 82.
17. Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 127. Кн. 3. Л. 104 об.
18. *Трепавлов В.В.* Вольные казаки и Ногайская орда (Некоторые подробности ранней истории казачества) // Восток (Oriens). 2002. № 3. С. 40.
19. *Робинсон А.Н.* Повести об Азовском взятии и осадном сидении // Воинские повести Древней Руси / Под ред. чл.-корр. АН СССР В.П. Адриановой-Перетц. М.: Л., 1949. С. 173–174. В источнике XVI в. данный фрагмент представлен следующим образом: «...русского царя Ивана лета пришли, рука ево над бусурманы высока. Уж деи мне от нево обида великая; поле деи все да и реки у меня поотымал, поотымал всю волю в Азове, казаки ево с Озова оброк емлют и воды из Дону пить не дадут» (Посольские книги по связям России с Ногайской Ордой (1551–1561 гг.) / Сост. Д.А. Мустафина, В.В. Трепавлов. Казань, 2006. С. 57).
20. *Bennigsen A., Lemercier-Quellejay Ch.* La Grand Horde Nogay et le probleme des communications entre l'Empire Ottoman et l'Asie Centrale en 1552–1556 // Turcica. Revue d'etudes turques. T. VIII/2. Paris; Strasbourg, 1976. P. 217–218.
21. *Шмидт С.О.* Продолжение Хронографа редакции 1512 года // Исторический архив. М., 1951. Т. 7. С. 294. Любопытно, что группа Елбулзлука специально направлялась с «нарядом на Дон острогу имати».
22. 5 Numaralı Mühimme Defteri (973/1565–1566). Tıpkıbasım. Ankara, 1994. S.190, hüküm 466. Собственно, в султанском указе кафинскому санджакбею, пересказывающем содержание доне-

- сения последнего, сказано, что «Черкес Миша» обосновался «в городе Азак» (*şehir-i Azaqda*). Однако, далее в документе говорится о сооружении им семи острог в окрестностях Азова, грабежах азовцев и торговых судов вне крепости и, наконец, осаде Азова. Поэтому выражение «в городе Азак», по-видимому, следует считать ошибкой составителя указа или писца.
23. Подробную характеристику «Реестров важных дел» как источника см.: *Мустакимов И.А.* Введение // *Документы по истории Волго-Уральского региона XVI–XIX веков из древлехранилищ Турции: Сборник документов / Сост. И.А. Мустакимов.* Казань, 2008. С. 27–32. См. также: *Лемерсье-Келькеже Ш.* Один неопубликованный источник по истории России XVI века. Реестры «Мюхимме дефтерлери» архива при ведомстве Премьер-министра // *Восточная Европа Средневековья и раннего Нового времени глазами французских исследователей: Сборник статей / Отв. ред. И.А. Мустакимов, А.Г. Ситдииков; науч. ред. И.В. Зайцев, Д.А. Мустафина; введ. ст. В.В. Трепавлов.* Казань, 2009. С. 35–46.
 24. *Лемерсье-Келькеже Ш.* Один неопубликованный источник по истории России XVI века. Реестры «Мюхимме дефтерлери» архива при ведомстве Премьер-министра // *Восточная Европа Средневековья и раннего Нового времени глазами французских исследователей: Сборник статей / Отв. ред. И.А. Мустакимов, А.Г. Ситдииков; науч. ред. И.В. Зайцев, Д.А. Мустафина; введ. ст. В.В. Трепавлов.* Казань, 2009. С. 37, 40–41.
 25. *Ostapchuk V.* Five documents from The Topkapı Palace Archive on the Ottoman defense of the Black Sea against the Cossacks (1639) // *Journal of Turkish Studies.* 1987. Vol. 11. P. 222–254.
 26. *Мустакимов И., Сень Д.* Три османских документа XVI в. о ранней истории донских казаков // *Україна в Центрально-Східній Європі.* Вип. 9–10. Київ, 2010. С. 316.
 27. *Berindei M., Veinstein G.* La Tana-Azaq, de la présence italienne à l'emprise ottomane (fin XIIIe — milieu XVIe siècle) // *Turcica.* Strasbourg, 1976. T.VIII/2. P.199–201; *Мустакимов И., Сень Д.* Три османских документа XVI в. о ранней истории донских казаков... С. 316–318.
 28. *Кушева Е.Н.* Политика Русского государства на Северном Кавказе в 1552–1572 гг. // *Исторические записки.* 1950. Т. 34. С. 255; *Кушева Е.Н.* Народы Северного Кавказа и их связи с Россией (вторая половина XVI — 30-е годы XVII века). М., 1963. С. 203–

- 204; *Relazioni degli ambasciatori Veneti al Senato / Raccolte, annotate ed edite da Eugenio Alberi. Serie III. Vol. I. P. 124–125.*
29. См.: ВOA, MAD, № 233, s. 23 (султанский указ «азовскому кадию, азовскому назыру и эмину (интенданту султанского имущества), коменданту крепости Азов, агам азабов и бешлю» от 5 шевваля 960 г.х. (14 сентября 1553 г. н. э.) — последний документ в реестре № 233, адресованный должностным лицам Азова до упоминания азовского санджакбея) и ВOA, MAD, № 233, s. 72 (султанский указ «азовскому санджакбею» от 11 зуль-каада 960 г.х. (19 октября 1553 г.) — первое и единственное известное нам упоминание азовского санджакбея до 1570 г.).
30. *Лемерсье-Келькеже III*. Литовский кондотьер XVI в. князь Дмитрий Вишневецкий и образование Запорожской Сечи по данным оттоманских архивов // *La Russie et l'Europe XVI-e — XX-e siècles. Франко-русские экономические связи*. М.; Париж, 1970.
31. Вряд ли случайным стало на этом фоне появление султанского указа от 8 апреля 1560 г. о необходимости «ремонта и починки» крепости, а также о комплектовании гарнизона воинами и пушкарями (Документы по истории Волго-Уральского региона XVI–XIX веков из древлехранилищ Турции: Сборник документов / Сост. И.А. Мустакимов. Казань, 2008. С. 134).
32. Документы по истории Волго-Уральского региона... С. 128–129.
33. *Мининков Н.А.* Донское казачество в эпоху позднего средневековья... С. 347.
34. *Мустакимов И.А., Сень Д.В.* Азов и донские казаки по османским документам 1560–1570-х гг. ... С. 178.
35. На жалобу крымского хана о разорении казаками его владений и нападении на Азов Иван IV отвечал: «...А что де еси брат наш писал, что казаки донские приходили под Азов и Азову много лиха починили, а казаки донские потому же не по нашему велению на Дону живут, бегая из нашего государства... и много лет живут под Азовом, много на Дону живет того: иногда в миру, а иногда не в миру; да только всякие такие дела у них меж делаются без нашего ведома... А про то нам слышать лучилось и сталось азовским людям з донскими казаки меж их рознь и война, и казаки донские, собрався, приходили к Азову, да только всякие дела меж азовских людей и донских казаков делаются, и мирные, и бранные, без нашего ведома» // *Сухоруков В.* Историческое описание Земли Войска Донского / Комментарии, дополнения, вступ. статья Н.С. Коршикова и В.Н. Королева. Ростов

- н/Д., 2001. С.51. Обращает, вместе с тем, на себя внимание тот факт, что в отпуске султанского указа азовскому санджакбею (не позднее 2 октября 1576 г.) речь идет о мирных отношениях донских казаков и Азова, в частности, о поставках «донскими русами» в крепость дров (*Мустакимов И., Трепавлов В.* Новые османские документы по истории Большой Ногайской Орды // Гасырлар авазы = Эхо веков. 2009. № 2. С. 41).
36. Цит. по: Посольская книга по связям Московского государства с Крымом. 1571–1577 / Отв. ред. И.В. Зайцев; подгот. текста: А.В. Малов, О.С. Смирнова, Г.А. Тарасова; статьи, коммент.: А.В. Виноградов, И.В. Зайцев, О.С. Смирнова, В.Н. Сокуров; приложения: А.М. Галенко, И.А. Мустакимов. Казань, 2016. С. 205.
37. Раньше мы полагали, что данное событие случилось до 29 июня 1574 г. *Мустакимов И.А., Сень Д.В.* Азов и донские казаки по османским документам 1560–1570-х гг. ... С. 174–175; См. сведения за 1575 г.: Посольская книга по связям Московского государства с Крымом... С. 205.
38. *Мустакимов И., Трепавлов В.* Новые османские документы по истории Большой Ногайской Орды // Гасырлар авазы = Эхо веков. 2009. № 2. Док. № 2.
39. *Сухоруков В.* Историческое описание Земли Войска Донского / Комментарии, дополнения, вступ. статья Н.С. Коршикова и В.Н. Королева. Ростов н/Д., 2001. С. 52.
40. Там же. С. 78.
41. *Лемерсье-Келькеже Ш.* Один неопубликованный источник по истории России XVI века. ... С. 41.
42. *Новосельский А.А.* Борьба Московского государства с татарами в первой половине XVII в. М.: Л., 1948. С. 41.
43. Документы по истории Волго-Уральского региона... С. 225.
44. *Сухоруков В.* Историческое описание Земли Войска Донского / Комментарии, дополнения, вступ. статья Н.С. Коршикова и В.Н. Королева. Ростов н/Д., 2001. С. 74; *Фаизов С.Ф.* Письма ханов Ислам-Гирея III и Мухаммед-Гирея IV к царю Алексею Михайловичу и королю Яну Казимиру. 1654–1658. Крымско-татарская дипломатика в политическом контексте постперелавского времени. М., 2003. С.93.

45. *Мустакимов И.А.* Из истории азовских (татарских) казаков // Средневековые тюрко-татарские государства. 2017. № 9. Казань, 2017. С. 188.
46. *Савельев Е.П.* История Дона и донского казачества. Ростов н/Д., 1990. Ч. III. С. 371–372; *Сватиков С.Г.* Россия и Дон (1549–1917). Исследование истории государственного и административного права и политических движений на Дону. Ростов н/Д., 2013. С. 78.
47. *Мустакимов И., Трепавлов В.* Новые османские документы по истории Большой Ногайской Орды... С. 41. Справедливости ради необходимо отметить, не вдаваясь на современном этапе к сравнению материалов русских и османских источников о набегах казаков 1575 г., что на момент составления указа положение Азова с окрестностями представлялось туркам-османам спокойным.
48. Памятники дипломатических сношений Московского государства с Крымскою и с Ногайскою ордами и с Турцией. Т. 1 // Сборник Русского императорского исторического общества. СПб., 1884. Т. 41. С. 403.
49. Там же. С. 403.
50. *Boeck B.J.* Shifting Boundaries on the Don Steppe Frontier: Cossacks, Empires and Nomads to 1739: Thesis of Doctor of Philosophy in history. Harvard University, Cambridge, Massachusetts. 2002. P. 18.
51. ВОА, ТТ, № 370, с. 490 (около 1520 г.); ВОА, ТТ, № 214, с. 223 (1542 г.); *Öztürk Y.* Osmanlı Hakimiyetinde Kefe (1475–1600). İstanbul, 2014. S. 316.
52. ВОА, ТТ, № 214, с. 223.
53. *Королев В.Н.* Славяне турецкого Азова // Известия вузов. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. 1999. № 1; *Королев В.Н.* Славяне турецкого Азова // Известия вузов. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. 1999. № 2.

СБОРНИК МАТЕРИАЛОВ ПО АЗИИ

Рыженков М.Р.

*к.и.н., директор Российского государственного архива
древних актов, Москва*

ИЗДАНИЕ И ИЗДАТЕЛИ

«Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии» издавался в С.Петербурге с 1883 г. по 1914 г. Военно-ученым комитетом Главного штаба, а затем (с 1906 г.) Отделом генерал-квартирмейстера Главного управления Генерального штаба.

Среди функций этих учреждений военного ведомства были: сбор сведений о вооруженных силах иностранных государств, изучение вероятных театров военных действий, переписка с военными агентами (атташе) при дипломатических миссиях за границей.

Всего было издано 87 выпусков «Сборника». Помимо основных выпусков, в 1898–1908 гг. было издано 9 выпусков «Добавлений к Сборнику географических, топографических и статистических материалов по Азии». Объем каждого выпуска составлял от 250 до 400 страниц и включал в себя от одного до 17 материалов (статей, очерков, публикаций документов, описаний маршрутов). Все выпуски были отпечатаны в Военной типографии в здании Главного штаба и имели гриф «Секретно» или «Не подлежит оглашению». Определить точный тираж не представляется возможным, но, учитывая

закрытый характер издания, можно предположить, что он не превышал 100–150 экземпляров.

ИСТОРИЯ

В 80-е гг. XIX в. в развитии военного востоковедения был сделан важный шаг вперед. Увеличение числа образованных офицеров Генерального штаба в азиатских военных округах Российской империи и, вместе с тем, рост количества исследовательских работ по различным регионам Азии требовал качественно нового способа распространения востоковедных знаний в военном ведомстве. До тех пор отчеты о командировках и экспедициях офицеров на Восток, докладные записки, проекты, очерки и обзоры накапливались в военных архивах, как центральных (Военно-ученый архив, Общий архив Главного штаба), так и при штабах военных округов. Они использовались при подготовке новых экспедиций, для составления военно-статистических описаний и т. д. Однако, за исключением отдельных публикаций в периодической печати, в том числе «Военном сборнике» и «Русском инвалиде», эти материалы не получали широкого распространения даже в военной среде. Неудовлетворительность такого положения стала очевидной в 70–80 гг. В Туркестанском и Кавказском военных округах были предприняты попытки организовать специальные издания для ознакомления офицеров с военно-научными работами. Так появились брошюры «Ученые экспедиции, занимавшиеся исследованием Туркестанского края в 1878 г.», «Записка о Туркменском театре военных действий и наших на оном действиях в течение первого десятилетия с 1869 по 1879 год», «Действия наши в Восточной Сибири с 1856 по 1880 г.»¹.

В докладной записке Военно-ученого комитета на имя начальника Главного штаба Н.Н. Обручева от 7 июля 1883 г. говорилось: «В делах Азиатской части, в материалах Военно-ученого комитета и в некоторых иностранных изданиях

встречаются более или менее законченные топографические, статистические и стратегические очерки наших азиатских окраин и сопредельных земель и государств, которые желательно печатать, (не пуская в продажу), чтобы сделать их доступными для русских, занимающихся Азией. Статьи эти полезно было бы издавать по мере их накопления отдельными выпусками под общим заглавием «Сборника материалов по Азии». В означенный сборник могли бы также войти работы, производимые нашими офицерами в Малой Азии, а со временем, быть может, и труды наших дипломатических агентов»².

Проект получил одобрение в Военном министерстве и до конца 1883 г. уже было отпечатано шесть выпусков «Сборника».

ЧИТАТЕЛИ

Предисловие к первому выпуску содержало следующее обращение к читателям: «Издание Сборника географических, топографических и статистических материалов по Азии, Главный штаб желает облегчить изучение и дальнейшее исследование наших азиатских окраин, а в особенности Китая, Японии, Персии, Азиатской Турции, Афганистана, Бухары, Хивы и проч. Сведения, которыми он располагает, имеется в виду печатать отдельными выпусками, собирая в одну серию книжек материалы, касающиеся Сибири и сопредельных с нею государств, а в другую — данные о странах, прилегающих к Кавказу. В означенные выпуски полезно было бы включать не одни работы офицеров Генерального штаба и вообще чинов военного ведомства, но и статистические труды дипломатических и гражданских агентов. Только при этом условии можно надеяться собрать в несколько лет и постепенно издать достаточно полные сведения о наших азиатских владениях и соседях, в чем ощущается настоящая необходимость».

Сборник **не предназначенся для публики**, а исключительно для служебного пользования высшего начальства, а также лиц, служащих в Азии или специально занимающихся ею. Снабжая их этим изданием, Главный штаб покорнейше просит содействовать пополнению и разработке материалов по Азии...»

Таким образом, определялся круг потенциальных читателей, объявлялся региональный принцип формирования выпусков и отказ от строгой периодичности издания. В дальнейшем число выпусков в год колебалось от двух до восьми, а с начала XX в. «Сборник» издавался по одному выпуску в год. Региональный принцип подбора материалов в целом выдерживался, хотя и с отступлениями. В одних выпусках собирались материалы, связанные с Китаем, Маньчжурией, Синьцзяном, Тибетом, Монголией, Японией, Кореей. Изредка в этой группе стран и регионов возникали Командорские острова (вып. 26), Бирма (вып. 21), Индонезия (вып. 76), Филиппины (вып. 77). В других книжках «Сборника» подбирались материалы по Туркестану, Бухаре, Хиве, Афганистану, Памиру, Индии, Персии, Турции. В редких случаях встречаются материалы по Сирии (вып. 4), Ливану (вып. 19), Курдистану (вып. 62).

Может показаться странным, но, несмотря на строгий гриф «Секретно», выход «Сборника» не остался секретом для широкой читающей публики. В работе известного русского библиографа В.И. Межова «Библиография Азии»³ были расписаны в соответствующих разделах статьи и материалы, помещенные в 1–38 выпусках «Сборника» с точным указанием выходных данных и краткими аннотациями. Работа В.И. Межова не имела какого-либо ограничительного грифа и при этом издавалась на средства Главного штаба, значит, не могло быть и речи о несанкционированном разглашении секретной информации. Тем не менее, и после выхода «Библиографии Азии» гриф «Секретно» сохранялся на последующих выпусках «Сборника».

АВТОРЫ

В числе авторов «Сборника» подавляющее большинство составляли русские офицеры, преимущественно Генерального штаба, находившиеся на Востоке с различными миссиями, от военно-дипломатических до рекогносцировочных и разведывательных. Отчеты об их поездках составляли основу материалов «Сборника». Среди авторов были офицеры, посвятившие много лет, иногда десятилетия своей жизни изучению азиатских окраин Российской империи и сопредельных стран Востока.

Так, например, **В.А. Франкини** в 1856–1870 гг. находился в Турции в качестве русского военного агента (атташе), а после 1878 г. был первым губернатором присоединенной к России Карской области и начальником военно-горского управления Кавказского военного округа. Его преемник на посту военного агента в Стамбуле **А.С. Зеленый** в 1870–1877 гг. в своих донесениях обращал особое внимание на «слабые места» Османской империи: Сирию, Курдистан, Армению. По мере нарастания угрозы новой русско-турецкой войны такая информация становилась все более актуальной для Главного штаба.

П.П. Матвеев — в 1870–1890-е гг. служил в Туркестане, пройдя путь от командира батальона до начальника штаба войск Сыр-Дарьинской области и помощника начальника штаба Туркестанского военного округа. За время службы неоднократно занимался рекогносцировками и топографическими съемками Туркестанского края, а также возглавлял военно-научную экспедицию в Северный Афганистан.

Н.И. Гродеков — участник завоевания Кавказа и Средней Азии, в 1883–1893 гг. военный губернатор Сыр-Дарьинской области, впоследствии Туркестанский генерал-губернатор, командующий армией в Маньчжурии, член Государственного Совета. Печатные труды: «Через Аverages» (1879); «Хивинский поход 1873 г.» (1883); «Война в Тур-

кмении» (1883–84); «Киргизы и каракиргизы Сырдарьинской обл.» (1889); «Хидая, комментарии мусульманского права» (перев. с англ., 1893). Кроме того, писал по вопросам военным, политическим и географическим в «Военном сборнике», «Русском инвалиде», «Новом времени».

А.Н. Куропаткин участвовал в самаркандском походе 1868 г.; был командирован в Алжир, где прожил около года и принял участие в экспедиции французских войск в Б. Сахару; тогда же была издана им книга об Алжире. С отличием участвовал в Кокандском походе, под начальством М.Д. Скобелева. В 1876–1877 гг. состоял во главе посольства в Кашгарию, где заключил договор с Якуб-беком. Об этом путешествии написано им сочинение: «Кашгария». В 1886 г. находился с разведывательной миссией в Турции. Впоследствии начальник Закаспийской области, военный министр, главнокомандующий в период русско-японской войны 1904–1905 гг.

Д.В. Путята — в 1870–1880-е гг. офицер Туркестанского военного округа, в 1886–1892 гг. военный агент в Китае, в 1892–1897 гг. старший делопроизводитель Военно-ученого комитета, в 1897–1898 гг. главный военный советник и руководитель русских военных инструкторов в Корее, в 1898–1902 гг. начальник Азиатской части Главного штаба, а затем военный губернатор Амурской области.

Одновременно с ним в 1895–1899 гг. в Корее в качестве русского военного агента находился **И.И. Стрельбицкий**, который в свою очередь в 1913–1914 гг. исполнял обязанности начальника Азиатской части Главного штаба.

Более десяти лет, с 1892 по 1903 г. прослужил в должности военного агента в Китае **К.И. Вогак**, исполнявший в 1895–1896 гг. одновременно обязанности военного агента в Японии. Извлечения из его донесений составили два полных выпуска «Сборника» (вып. 60–61).

В.А. Косаговский — участник русско-турецкой войны 1877–1878 гг., в 1894–1903 гг. находился в Персии, где командовал Персидской казачьей бригадой и был «главнобу-

чающим» всей персидской кавалерии. В период русско-японской войны он командовал Ляохейским отрядом и отдельной Приамурской казачьей бригадой, действовавшей в Северной Корее.

Начальник Азиатской части Главного штаба в 1887–1891 гг. **Л.Ф. Костенко** был не только автором отдельного выпуска «Сборника» (вып. 28), но и нескольких других научных работ: «Средняя Азия и водворение в ней русской гражданственности» (СПб. 1871), «Туркестанский край» (СПб. 1880) и др.

Над изучением восточной политики Великобритании, особенно индийского направления, неустанно трудился **Н.С. Ермолов**, занимавший должность военного агента России в Лондоне в 1891–1905 гг. и в 1907–1917 гг. При этом он использовал не только материалы английской прессы или парламентских дебатов, но и лично посещал Индию, пользуясь официальным приглашением британских властей.

Среди офицеров Генерального штаба авторов «Сборника» были и те, кто получил широкую известность не на научной, а на политической почве. Достаточно назвать имена **Л.Г. Корнилова**, Верховного главнокомандующего русской армии в 1917 г. и лидера Белого движения в Гражданской войне, и **К.Г. Маннергейма**, министра, командующего финской армией и Президента Финляндии. Тем не менее, в «Сборнике» помещены отчеты о поездках первого в Индию (вып. 78), а второго в Китай (вып. 81).

Следует отметить и тех авторов, чья военная карьера не помешала им стать учеными с мировым именем. Это **Н.М. Пржевальский**, путешествия которого по Центральной Азии составили славу русской географической науки. В то же время он не скрывал своих «империалистских» взглядов и на страницах «Сборника» излагал свои соображения по поводу возможной войны с Китаем. Другим выдающимся ученым-востоковедом был офицер Генерального штаба **А.Е. Снесарев**. Его труды по Индии и Афганистану стали на долгие годы главными пособиями для всех изучающих

Средний Восток. Выпускник офицерских курсов восточных языков при Учебном отделении Азиатского департамента МИД **А.Г. Туманский**, находясь в командировке в Персии, заинтересовался религиозным движением бабидов, его разновидностью — бехаизмом. Опубликованные им работы, переведенные на иностранные языки, положили начало изучению в мировом востоковедении этого сложного религиозного течения.

На втором месте после офицеров Генерального штаба по числу публикаций в «Сборнике» идут чиновники дипломатического ведомства. Находясь на службе, иногда по много лет, на Востоке, они регулярно информировали МИД о происходящих политических, экономических и культурно-религиозных событиях в странах пребывания. Эти донесения становились основой обзоров и очерков, помещенных на страницах «Сборника». Из наиболее часто публиковавшихся дипломатов следует назвать **Н.Г. Матюнина**, в 1890-х гг. пограничного комиссара в Уссурийском крае, много занимавшегося проблемой китайских и корейских переселенцев, хорошо знакомого с ситуацией в Маньчжурии и Корее, исполнявшего в последней также обязанности поверенного в делах и генерального консула. Другой профессиональный дипломат **В.О. Клемм**, выпускник Лазаревского института восточных языков, в течение ряда лет был драгоманом политического агентства в Бухаре, а с открытием в 1900 г. первого в Индии русского консульства в Бомбее, получил туда назначение в качестве генерального консула и оставался в этой должности до 1906 г. В 1914–1917 гг. он возглавлял 3-й (Среднеазиатский) политический отдел МИД. Видным дипломатом, чьи материалы публиковались в «Сборнике», был **И.А. Зиновьев**, также выпускник Лазаревского института. В 1876–1883 гг. он занимал пост чрезвычайного и полномочного посланника в Персии, а в 1885–1887 гг. отвечал за дипломатическое обеспечение присоединения к России Южного Туркменистана и вел переговоры с английскими представителями об определении севе-

ро-западной границы Афганистана, находясь в ранге директора Азиатского департамента МИД (до 1891 г.).

Неоднократно публиковавшийся в «Сборнике» **П.М. Лессар** в качестве инженера путей сообщения занимался железнодорожным строительством в Средней Азии, с 1884 г. перешел на службу в МИД, в 1890–1895 гг. был политическим агентом в Бухаре, в 1896–1900 гг. — советником посольства в Лондоне, а в 1901–1905 гг. — чрезвычайным посланником и полномочным министром в Китае.

Среди авторов «Сборника» нельзя обойти вниманием имя выдающегося синолога профессора **В.П. Васильева**. В 1840–1850 гг. он занимался изучением Китая, будучи прикомандирован к русской духовной миссии в Пекине, а по возвращении в Россию был профессором Казанского университета (до 1855 г.), затем Петербургского университета (в 1878–1893 гг. — декан восточного факультета). Его труды по буддизму принесли ему всемирную известность, а педагогическая деятельность имела большое значение для развития востоковедного образования в России.

Как было изначально объявлено издателями, помимо оригинальных материалов русских авторов, в «Сборнике» помещались переводы ставших доступными донесений иностранных дипломатов из стран Востока, статей военных и политических деятелей из периодических и специальных изданий. Ввиду обостренного англо-русского соперничества в Азии, особый интерес представляли труды английских авторов. Из наиболее выдающихся можно назвать Томаса Дугласа **Форсайта** (1827–1886) — путешественника и колониального деятеля. Он участвовал в конце 1840-х гг. в организации управления Пенджаба, присоединенного к Британской Индии, в подавлении сипайского восстания 1857 г. В качестве политического эmissара в 1867–1869 гг. неоднократно посещал Кашмир, Яркенд, Кашгар, добиваясь распространения в этом регионе британского влияния.

Чарльз Меткаф **Мак-Грегор** (1840–1887), чья работа «Оборона Индии» заняла целиком два выпуска «Сборника» (вып. 43,44) — генерал-майор, начинал службу в Индии, служил в Китае, Абиссинии, Персии, Афганистане, Белуджистане, занимался военно-стратегическими исследованиями. Принимал участие во второй англо-афганской войне в качестве начальника штаба, затем был назначен генерал-квартирмейстером англо-индийской армии. Особое внимание уделял разведке, считая войну с Россией в Азии неизбежной.

В нескольких выпусках публиковались переводы статей Джорджа Натаниела **Керзона** (1859–1925) — члена Парламента, видного деятеля консервативной партии, в 1891–1892 гг. помощника статс-секретаря по делам Индии, в 1895–1898 гг. заместителя министра иностранных дел, в 1899–1905 гг. вице-короля Британской Индии.

Выдающимся деятелем, чьи материалы неоднократно появлялись в «Сборнике», был Френсис Эдуард **Янгхазбенд** (Юнгхесбенд) (1863–1942). Уроженец Индии, он после окончания в 1882 г. военного колледжа Сандхерст служил в англо-индийской армии. В 1886–1887 гг. совершил путешествие через Центральную Азию из Пекина в Яркенд, а затем несколько путешествий на Памир и в Тибет. В 1904 г. во главе английской военной экспедиции вынудил Далай-Ламу заключить англо-тибетский торговый договор, за что был возведен в рыцарское достоинство. Активный член Королевского географического общества, в последние годы находился под влиянием идей Л.Н. Толстого. Проповедуя объединение религий мира, организовал в 1936 г. в Лондоне Всемирный конгресс верований.

МАТЕРИАЛЫ

Основу материалов «Сборника» составляют отчеты о географических и топографических экспедициях, а также описания пройденных маршрутов. Хотя сами тексты не содержат иллюстраций или какой-либо графики, ко многим выпускам подклеивались в виде приложений карты, планы и чертежи, предоставленные авторами публикуемых материалов.

Ценность этих отчетов и описаний состоит, прежде всего, в том, что они написаны, как правило, непосредственными участниками экспедиций, видевших описываемый предмет своими глазами. Попадая в малоизученный край, путешественники не ограничивались фиксацией пройденного пути, расстояний, ориентиров и т. д. Они отмечали состав населения, его быт и нравы, особенности политического устройства и, конечно, состояние вооруженных сил и средств обороны. Не оставалось без внимания наличие и степень иностранного влияния, и вообще отношение местного народа к европейцам.

Научный уровень таких материалов был достаточно высоким, поскольку участниками экспедиций были образованные офицеры, выпускники Николаевской академии Генерального штаба или офицерских курсов восточных языков при Азиатском департаменте МИД, где давалась весьма серьезная географическая и востоковедная подготовка. Вместе с тем, поскольку публикуемая информация предназначалась для дальнейшего использования в военных целях, требования к ее достоверности были исключительно высоки, а закрытый характер издания позволял авторам быть более откровенными.

Второй по значению группой опубликованных в «Сборнике» материалов, были донесения военных и дипломатических агентов, как русских, так и иностранных (последние давались в переводах, так как все материалы издавались на русском языке). В обязанности военного агента входил сбор военно-политических сведений о стране пребывания, сопре-

дельных странах или колониях (для агента в Лондоне особенно). Официальные инструкции обязывали агента пользоваться исключительно открытыми источниками информации (местная пресса, справочники и другая литература, общение с представителями властей и т. п.), но на практике каждый агент имел негласных информаторов, на содержание которых Военное министерство отпускало необходимые средства.

Публикация материалов «Сборника» представляла собой существенный вклад в так называемое практическое востоковедение, которое в отличие от академической классической науки не подразумевало изучение древних цивилизаций Востока, археологии и древних языков. Не случайно практическое востоковедение получило наибольшее развитие в странах, проводивших активную колониальную политику в Азии. Среди материалов «Сборника» очерки, посвященные даже относительно недавней истории, крайне редки: Обзор войн, веденных европейцами против Китая в 1840–42, 1856–58, 1859, 1860 гг. (вып. 8); Осада Герата 1837–38 гг., Поход Александра Македонского в Индию, Проект Наполеона о покорении Индии (вып. 16); Проекты экспедиций в Индию, предложенные Наполеоном Бонапартом императорам Павлу и Александру в 1800 и в 1807–1808 гг. (вып. 23). Таким кратким перечнем ограничивается историческая часть «Сборника». Все остальные публикации посвящены современному (т. е. 1880–1900-м гг.) состоянию стран Азии.

Это была эпоха противоборства двух империй, Российской и Британской, за влияние на Востоке. Обе державы неоднократно оказывались на грани войны именно из-за противоречий в Азии. Только соглашение 1907 г. о разделе сфер влияния несколько разрядило обстановку. В то же время, в русской и английской прессе имело место сознательное преувеличение взаимной угрозы. «Империалистские» партии двух стран стремились таким образом заручиться поддержкой общественного мнения у себя дома. Такие догадки высказывали уже некоторые проницательные современники событий.

Так что, термин «большая игра», которым в историографии принято обозначать русско-английское соперничество в означенный период, имеет многозначный смысл.

Другой характерной чертой эпохи был расцвет колониальных империй и одновременно упадок стран и народов Востока. Даже избежав участи колоний и сохраняя формально самостоятельность (как, например, Турция или Китай), они находились в униженном, подчиненном положении. Но именно в ту же эпоху начинало пробуждаться национальное самосознание, и накапливалась энергия, проявившаяся позднее в революционных потрясениях.

Сегодня материалы «Сборника» представляют собой ценный исторический источник, как по истории востоковедения, так и по истории стран Востока и международных отношений в Азии. Дело в том, что иногда только записками путешественников ограничивается источниковедческая база изучения регионов, о которых идет речь. Другие письменные источники порой просто отсутствуют.

Содержание «Сборника» отчасти перекликается с некоторыми публикациями в «Военном сборнике» (СПб., 1858–1917), «Русском инвалиде» (СПб., 1813–1917), «Туркестанских ведомостях» (Ташкент, 1870–1917), «Кавказском сборнике» (Тифлис, 1876–1918).

Материалы «Сборника» находятся в тесной взаимосвязи с документальными комплексами Российского государственного военно-исторического архива (РГВИА): ф. 846 — Военно-ученый архив, ф. 400 — Главный штаб (оп. 1 — Азиатская часть), ф. 401 — Военно-ученый комитет, ф. 1300 — Штаб Кавказского военного округа, ф. 1396 — Штаб Туркестанского военного округа, ф. 2000 — Главное управление Генерального штаба, ф. 444 — Аравия и Сирия, ф. 445 — Афганистан, ф. 446 — Персия, ф. 447 — Китай, ф. 448 — Корея, ф. 449 — Палестина, ф. 450 — Турция, ф. 451 — Япония, ф. 452 — государства Африки. Существенным дополнением могут быть также документальные материалы из фондов

Архива внешней политики Российской империи (АВПРИ): ф. Азиатский департамент, ф. Китайский стол, ф. Японский стол, ф. Среднеазиатский стол, а также фонды некоторых миссий.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Согласно порядку, принятому с начала издания Сборника, в каждом очередном выпуске печаталось оглавление предыдущих выпусков. Вместе с тем, эти сведения не всегда в полной мере отражали содержание опубликованных материалов, небольшие заметки не упоминались, пропускались иногда имена авторов и т. п. Представляется полезным привести здесь содержание всех выпусков, выверенное непосредственно по книжкам Сборника.

Выпуск 1 (СПб., 1883)

- Записка о Маньчжурии Генерального штаба полковника Барабаша. (По данным, добытым при поездке в Гири в 1882 г.)
- Донесение военному губернатору Приамурской области пограничного комиссара в Южно-Усурийском крае Матюнина
- О возможной войне с Китаем и разбор пограничных районов Притяньшанского, Ургинского и Амурского. Генерального штаба полковника Пржевальского
- Краткая записка о путях, ведущих из Забайкальской области в г. Пекин, пройденных летом 1882 г. Генерального штаба поручиком Евтюгиным (с примечаниями полковника Пржевальского)
- Маршрутная глазомерная съемка классного военного топографа, губернского секретаря Ванина
- Перечень книг и карт по Азии. Книги: Издания Главного штаба; Издания штаба Кавказского военного округа; Извлечение из каталога Главного штаба; Извлечение из указателя Военного сборника 1858–1866 гг.; Извлечение из

указателя статей Инженерного журнала 1877–1883 гг.; Извлечение из указателя Морского сборника 1848–1883 гг.; Из Записок Императорского Русского географического общества 1849–1882 гг.; Из Вестника Императорского Русского географического общества 1851–1860 гг.; Из Известий Императорского Русского географического общества 1865–1882 гг.; Из Известий Восточно-Сибирского отдела Императорского Русского географического общества 1872–1882 гг.; Из Записок Западно-Сибирского отдела Императорского Русского географического общества 1879–1882 гг.; Из Записок Оренбургского отдела Императорского Русского географического общества 1871–1881 гг.; Из Записок Кавказского отдела Императорского Русского географического общества 1855–1881 гг.; Из Записок Императорской Академии наук 1862–1882 гг.; Из Вестника Европы 1866–1883 гг.; Из Русского вестника 1857–1883 гг.; Из Древней и новой России 1875–1881 гг. Карты: Азия вообще; Азиатская Россия; Оренбургская степь; Западная Сибирь; Восточная Сибирь; Амурский и Уссурийский край; Закаспийский край; Туркестан и Средняя Азия; Монголия и Маньчжурия; Азиатская Турция и Персия; Афганистан и Белуджистан; Индия; Китай (с Тибетом и Кореей) и Япония.

Выпуск 2 (СПб., 1883)

- Военное обозрение восточной пограничной полосы Семиреченской области. Составлено Генерального штаба капитаном Тихменевым и военным инженером капитаном Полявским.

- Перечень книг и карт по Азии

Выпуск 3 (СПб., 1883)

- Вооруженные силы Китая и Японии. Генерального штаба подполковника Бутакова

- Перечень книг и карт по Азии

Выпуск 4 (СПб., 1883)

- Записка о персидской армии генерал-майора Франкини от 20 сентября 1877 г.
- Введение к очерку вооруженных сил Персии в 1883 г. и населения, как источника комплектования персидской армии. (Составлено по русским и иностранным источникам Генерального штаба подполковником Колюбакиным)
- Общее географическое описание территории Сирии (по иностранным источникам, генерал-майора Зеленого)
- Перечень книг и карт по Азии.

Выпуск 5 (СПб., 1883)

- Поездка Генерального штаба полковника Матвеева по Бухарским и Афганским владениям в феврале 1877 г.
- Поездка Генерального штаба полковника Гродекова из Самарканда через Герат в Афганистан в 1878 г.
- Записка Генерального штаба генерал-майора Гродекова о путях из Закаспийского края на Герат (30 мая 1882 г.)
- Записка об обозах Генерального штаба генерал-майора Куропаткина для войск Туркестанского округа.
- Перечень книг и карт по Азии

Выпуск 6 (СПб., 1883)

- Пути из Асхабада к Герату, инженера П.М. Лессара 1882 г.
- Распределение вод Келата и Дерегеза между этими ханствами и Атеком. Восточный берег Теджена у Серакса и южнее его. Инженера П.М. Лессара. Декабрь 1882 г.
- Мервские ханы. Положение Мерва и Атека в конце 1882г. Инженера П.М. Лессара.
- Пески Кара-кум, пути сообщения Закаспийской области с Хивой, Мервом и Бухарой. Инженера П.М. Лессара 1883 г.
- Записка барона Бенуа-Мешен о Мервских туркменах 1883 г.

- Маршрутное описание пути, исследованного 1-го Туркестанского стрелкового батальона поручиком Калитиным между Ахал-Текинским и Хивинским оазисами 1881 г.

- Записка о дороге из Асхабада в Мерв хорунжего 1-й конной батарее Терского казачьего войска Соколова, февраль 1882 г.

- Записка к маршрутной съемке между Кахка и плотинкой Тезебент, Серахсом и Муссин-абадом. 6-го Закаспийского стрелкового батальона прапорщика Хабалова. Сентябрь 1882 г.

- Перечень книг и карт по Азии

Выпуск 7 (СПб., 1884)

- Топографическое описание пути, пройденного по северо-западной Монголии в 1879 г. штабс-капитаном Корпуса военных топографов Орловым.

- Извлечение из отчета пограничного комиссара в Южно-Уссурийском крае о поездке его в Нингуту в сентябре 1878 г.

- Маршрут от ур.Новокиевского через Хунчун в Нингуту, составленный на основании описания и карты представленных пограничным комиссаром Южно-Уссурийского края Матюниным в 1878 г.

- Описание поездки пограничного комиссара Южно-Уссурийского края Матюнина и капитана артиллерии Тарновского от Полтавского караула через Нингуту до Хунчуна, совершенной в начале 1881 г.

- Рекогносцировка дороги от станции Екатерино-Никольской до р. Сунгари, произведенная Генерального штаба капитаном Зборовским в ноябре 1881 г.

- Поездка в Хунчун подполковника Лейдениуса, капитана Косторского и есаула Головина.

- Записка о Китае прапорщика 2-го Восточно-Сибирского батальона Шулыгина 1882 г.

- Записка о Монголии Генерального штаба подполковника Барабаша

- Записка о поездке в Цицигар надвornого советника Малевича в 1863 г.

- Описание к маршрутам Старо-Цурухайтуйско–Айгунского пути, составленным в 1881 г. караваном братьев Бутиных.

- Описание к маршруту от гольдских поселений на р. Усури выше ст. Видной до перевала через хребет между верховьями рек Норы и Серахана. 1880 г. Генерального штаба капитана Мельницкого.

- Успехи техники в Китае (железные дороги, каналы, шоссе, фабрики, заводы и проч.). Переведено с английского л-гв. Преображенского полка подпоручиком Ворониным.

- Перечень книг и карт по Азии.

Выпуск 8 (СПб., 1884)

- Обзор войн, веденных европейцами против Китая с 1840–42, 1856–58, 1859 и 1860 гг. по французским, немецким и английским источникам; Генерального штаба подполковника Бутакова и капитана барона Тизенгаузена.

- Перечень книг и карт по Азии

- Планы и карты, приложенные к настоящему изданию.

Выпуск 9 (СПб., 1884)

- Выдержки из дневника Г.С. Карелина, командированного в 1832 году для исследования северо-восточного берега Каспийского моря.

- Письмо купца Павла Ванюшина к военному губернатору Уральской области генерал-лейтенанту князю Голицыну 6 февраля 1879 г. относительно пути через Усть-Урт от Кунграда до бухты Айраклы.

- Отношение начальника Закаспийского отдела генерал-майора Петрусевича военному губернатору Закаспийской области от 30 июля 1880 г.

- Очерк долины Аму-Дарьи. Расспросы капитана 3-го Западно-Сибирского линейного батальона Быкова. Ташкент, 1880 г.

- Записка о путях в Среднюю Азию, составленная генерал-лейтенантом Анненковым (август 1881 г.).
- Мнение Нижегородского ярмарочного биржевого комитета по поводу записки генерал-лейтенанта Анненкова о путях в Среднюю Азию.
- Письмо генерал-лейтенанта Колпаковского к начальнику Главного штаба Н.Н. Обручеву от 20 мая 1882 г., с запиской о путях от Кунграда к заливу Мертвый Култук на Каспийском море, составленной Генерального штаба подполковником Александровым после рекогносцировки этого пути.
- Выписка из предписания военного министра Генерального штаба генерал-лейтенанту Копьеву от 7 ноября 1882 г. относительно судоходства по Аму-Дарье.
- Журнал № 1 заседания комиссии по устройству пароходства на Аральском бассейне, 21 декабря 1882 г.
- Сведения за 1880–1882 гг. о движении через ст. Оренбург грузов, служащих главнейшими предметами торговли с Средней Азией.
- Сравнение путей от Москвы до Ташкента и Самарканда через Оренбург, Красноводск и Михайловский залив, с путем через Усть-Урт. Генерального штаба полковника Белявского. Март 1883 г.
- Копия телеграммы генерал-лейтенанта Черняева военному министру из Астрахани в Москву от 15 мая 1883 г.
- Отзывы Главных управлений: интендантского, артиллерийского и военно-медицинского о грузах, перевозимых в Туркестанском военном округе.
- Сведения о судоходной части Аму-Дарьи. Генерального штаба полковника Белявского.
- Торговые пути в Среднюю Азию. Статья полковника В. Александрова.
- Новый путь в Среднюю Азию. Генерального штаба полковника Белявского.
- Представление туркестанского генерал-губернатора о железной дороге через Усть-Урт.

- Извлечение из записки «О нашем положении в Средней Азии», поданной Свиты генерал-майором графом Воронцовым-Дашковым.

- Дополнительная записка генерал-лейтенанта Черняева по вопросу об устройстве железной дороги к Каспийскому морю.

- Отношение Морского министерства о Мертвом Култуке.

- Копия телеграммы генерал-лейтенанта Черняева из Ташкента 5 января 1884 г.

- Письмо управляющего Морским министерством Шестакова к военному министру от 24 января 1884 г.

- Перечень книг и карт по Азии.

Выпуск 10 (СПб., 1884)

- Очерк экспедиции Генерального штаба капитана Путья в Памир, Сарыкол, Вахан и Шугнан 1883 г.

- Заметка о некоторых различиях, существующих в показаниях русской экспедиции на Памир 1883 г. и индийского путешественника М.С. (перевод письма начальника Топографического отдела генерал-лейтенанта Уокера, прочитанного на заседании Лондонского географического общества 30 апреля/12 мая 1884 г.).

- Миссия Форсайта в Яркенд в 1873 г. Маршруты, пройденные членами экспедиции и их спутниками.

- Английские маршруты от р. Инд к Келату и Кветте через степь Кач-Гандаву 1878 г.

- Военная рекогносцировка равнинной части Бухарского ханства, произведенная в 1883 г. Генерального штаба капитаном Архиповым.

- Историческая заметка о Меймене (перевод с английского).

- Некоторые сведения об исследованиях в Западном Белуджистане осенью 1883 г. (перевод с английского из журнала Royal Engineers).

- Приложение к очерку экспедиции Генерального штаба капитана Путья. Маршрутное описание дорог.

- Перечень книг и карт по Азии.

Выпуск 11 (СПб., 1884)

- Очерк вооруженных сил Персии в 1883 г. (продолжение, начало вып. 4). Население Хорасана с Сеистаном и Кухистаном. Генерального штаба подполковника Колюбакина.

- Вторжение шейха Обейд-уллы в Персию в 1880 г. Вице-консула в Ване К.П. Камсаракана.

- Донесения британского консула Диксона о дорогах в Персии от 30 августа 1882 г. и от 17 сентября 1883 г. (перевод с английского из Commercial Trade Reports).

- Современная персидская артиллерия 1883 г. Артиллерии капитана Кублицкого.

- Географические заметки о Малой Азии полковника Вильсона во время путешествия 1879–1882 гг., сообщенные в марте 1884 г. Королевскому географическому обществу.

- Перечень книг и карт по Азии.

Выпуск 12 (СПб., 1884)

- Вильямс Срединное государство (Williams The Middle Kingdom L. 1883), перевод с английского л.-гв. Преображенского полка подпоручика Воронина и л.-гв. Конной артиллерии штабс-капитана Ермолова.

- Дунгане с 1845 по 1869 г. Из истории Кашгара-Беллю (Миссия Форсайта в Яркенд в 1873 г.)

- О дунганах. Из частного письма барона Рихтгофена от 12 и 14 января 1872 г. из Синганфу в провинции Шензи.

- Биография Ли Хунчжана (China Review, vol. IX).

- Железные дороги и телеграфные сообщения в Китае.

- Сведения о переменах в вооруженных силах Китая за 1882–1883 гг. (Из Jahresberichte uber die Veranderungen und Fortschritte im Militarwesen, Lobell, 1883).

- Новейшие военные приготовления в Китае (Army and Navy Magazine, февраль 1884).

- Корея. Уединенное царство Плошю (Извлечение из статьи *Le royaume solitaire*, Edmond Plauchut. *Revue des deux mondes*, 15 fevrier 1884).

- Извлечение из отчета о поездке г-на Карлса в две центральные провинции Кореи в ноябре 1883 г. (Blue Book, *Corea*, № 1, 1884).

- Извлечение из пяти докладов, касающихся нового устройства Тянь-Шаньского края, помещенных в рукописной Пекинской газете от 28 августа (9 сентября) 1882 г.

- Перечень книг и карт по Азии.

Выпуск 13 (СПб., 1884)

- Юго-западная Туркмения (Земли сарыков и салоров) Инженера П.М. Лессара (1884 г.)

- Описание поездки по берегам Теджена — Герируда. Камер-юнкера Н.В. Чарыкова (1884 г.)

- Поездка Сипехсалари-Азама в Келат в 1881 г.

- Перечень книг и карт по Азии.

Выпуск 14 (СПб., 1885)

- Корея страна отшельников, Гриффиса (W.C. Griffis *Corea the Hermit Nation*, перевод с английского л.-гв. Преображенского полка поручика Шипова).

- Вооруженные силы Китая, по английским источникам (В дополнение сведений, помещенных в Сборнике материалов по Азии, вып. 3)

- Извлечение из сочинения «*Chine et extreme Orient*» барона G. de Contenson, бывшего военного агента в Китае (составлено л.-гв. Конно-гренадерского полка штабс-ротмистром Ватаци).

- Укрепления в устьях реки Пейхо (Рекогносцировка, произведенная Генерального штаба полковником Шнеуром и лейтенантом Брандтом в 1884 г.).

- Заметки китайского офицера о Китае (из «Русского инвалида»).

- Движение населения в Китае («Новое время» № 3066, 10 сентября 1884 г.)
- Новейшие французские сочинения о Китае (составлено л.-гв. Преображенского полка поручиком Ворониним).
- Краткая записка о поездке Генерального штаба штабс-капитана Евтюгина из Благовещенска в Цицикар летом 1884 г. (с примечаниями Генерального штаба полковника Назарова).
- Мобилизация китайской армии, состав ее, вооружение и денежное довольствие (Из журнала «Revue française» 1885 г.)
- Вооруженные силы Японии, капитана Voucouin (перевод л.-гв. Конно-гренадерского полка штабс-ротмистра Ватацци и л.-гв. Преображенского полка подпоручика Шипова).
- Путешествие в восточную Маньчжурию и Корею Вальтон Гринеля (V. Grinell).

Выпуск 15 (СПб., 1885)

- Исследование пути от залива Цесаревича (Мертвый Култук) через Усть-юрт до Кунграда, произведенное в 1884 г. Генерального штаба полковником Белявским.
- Описание пути от Кызыл-Арвата через Игды в Петро-Александровск, Генерального штаба капитана Гедеонова, 1884 г.
- Очерк Закаспийской области Генерального штаба генерал-майора Мейера, 1885 г.
- Записка о реке Атреке капитана 1-го ранга флигель-адъютанта Макарова, октябрь 1881 г.
- Отчет чиновника особых поручений Туркестанского окружного интендантства коллежского советника Андреева, сопровождавшего в 1884 г. 17-й Туркестанский линейный батальон из Петро-Александровского в Мерв. Описание дороги, пройденной 17-м Туркестанским линейным батальоном от Чарджуя до Мерва; 232 версты. Описание реки Аму-Дарьи от укрепления Петро-Александровского до переправы у города Чарджуя.

- Записка о местных путях сообщений, подлежащих улучшению в интересах развития русской торговли в Бухарских владениях, Н. Чарыкова. Ташкент, декабрь 1884 г.

- Афганистан. Из Encyclopaedia Britannica, изд. 7-е, 1878 г. (перевод с английского л.-гв. 1-й артиллерийской бригады поручика Гиппиуса).

- Ханство Кундуз (Из донесения д-ра Лорда, члена экспедиции капитана Бёрнса от 25 июля 1838 г.).

- Заметка о пограничном пространстве северо-западного Афганистана (по корреспонденциям Times, Illustrated London News, Daily News).

Выпуск 16 (СПб., 1885)

- Осада города Герата, предпринятая персидской армией под предводительством Магомед-шаха в 1837 и 1838 годах (Из донесения Генерального штаба подполковника Бларамберга в 1840 г.)

- Сведения о Герате (Из сочинения Malleson History of Afghanistan 1879)

- Маршруты из Персии в Кандагар, Герат и Кабул (Из сочинения Бларамберга «Статистическое обозрение Персии 1841 г.»)

- Герат (Из лексикона Мейера 1876 г.)

- Герат: житница и сад Центральной Азии. Сочинение полковника Маллесона (Heart: the granary and garden of Central Asia. By colonel Malleson. 1880. Перепечатано из Военного сборника 1881 г. № 3, 5.)

- Герат (Из британской энциклопедии 1880 г.)

- Герат. (Извлечение из сочинения Ханькова о южной части Средней Азии. 1861 г.)

- Английская пограничная комиссия в Афганистане. Географические заметки (Заседание Лондонского географического общества 23 марта 1885 г.)

- Положение дел в Средней Азии (по французским источникам).

- Северо-западная граница Индии (по английским источникам).
- Поход Александра Македонского в Индию и Персию (перевод с немецкого из *Jahrbucher fur die deutsche Armees und Marine* 1879).
- Проект Наполеона о покорении Индии (Перепечатано из «Гражданина» 1885 г.).
- Путешествие по Маньчжурии М. де Мальи-Шалон (из *Bulletin de la societe de Geographie*, 1 trimestre 1885).
- Путешествие через Туркестан барона Бенуа-Мешэн.
- Извлечение из сочинения Н. Ханыкова *Memoire sur la partie meridionale de l'Asie centrale* (Paris, 1861).
- Сообщение генерала Лемсдена в Королевском географическом обществе в Лондоне (из газеты *Times* 1885 г.)
- Войска полунезависимых туземных владений в Индии.
- Хозяйственное положение в 1883 г. Индии и специально Бомбея (Донесение Штокинтера, австро-венгерского консула в Бомбее).
- Поездка Таирова из Серахса в Мешхед 7–9 апреля 1885 г.

Выпуск 17 (СПб., 1885)

- Торговое и экономическое положение Кореи.
- Современное положение Азии — Китайский прогресс (Речь профессора Васильева, приготовленная для прочтения на акте 8 февраля 1883 г. в С.-Петербургском университете).
- Извлечения из *China Review* за 1872–74 гг.
- Политико-экономическое состояние Японии, барона Шлиппенбаха, декабрь 1884 г.
- Вооруженные силы Китая и Японии по *Lobel's Jahresbericht uber die Veranderungen und Fortschritte im Militarwesen*.
- Донесение австрийского консула в Токио в 1881 г.

Выпуск 18 (СПб., 1885)

- Военные, политические и экономические сведения о западном Китае за 1884 г.
- Государственное и хозяйственное положение Китая и специально Шанхая в 1880 г. Донесение австро-венгерского консула Лебидарта (Le Bidart Mittheilugen der k.k. Consulats-Behorden. Wien, 1882.)
- Вооруженные силы Японии, капитана Бугуена, часть 2 (Продолжение, начало вып.14)
- Отчет русского консула в Фучжоу Н. Шуйского за 1884 г.
- Извлечение из донесений английских дипломатических и консульских агентов 1885 г. из Японии.
- Перечень книг и карт по Азии.

Выпуск 19 (СПб., 1885)

- Извлечение из сочинения Фёрса о военном обозе. (Military transport by lieut.-col. George Armand Furse, deputy assistant Quarter-Master-General. London)
- Ливан и ливанцы. Очерки нынешнего состояния автономного Ливанского генерал-губернаторства в географическом, этнографическом, экономическом, политическом и религиозном отношениях. Записка генерального консула в Бейруте К. Петковича.
- Маршрут из Эрзерума в Мосул коллежского асессора Карцева 1883 г.

Выпуск 20 (СПб., 1886)

- Донесение вице-консула в Ризе Н. Пешкова о работах по сооружению путей в различных вилайетах Турецкой империи 1884 г.
- Извлечение из донесений австрийских консулов в Малой Азии за 1883 г.
- Географические заметки афганской пограничной комиссии майора Гольдич, начальника съёмочной партии.

- Донесение Диксона о торговле Персии 31 октября 1884 г.

- Рапорт английского генерального консула Росса о торговле в Персидском заливе в течение 1883 г.

- Индия. Перевод статьи из *Encyclopaedia Britannica*, vol. 12, 1881. (Переведено и дополнено Генерального штаба подполковником бароном Тизенгаузенем).

- Перечень книг и карт по Азии.

Выпуск 21 (СПб., 1886)

- Сведения по интендантской части, собранные в Бухарском ханстве капитаном Гинтылло в мае и июне 1885 г.

- Путевые заметки классного топографа титулярного советника Петрова 1884 г. (Рекогносцировка от Самарканда в Мерв и в бухарских владениях).

- Заметки титулярного советника Петрова о дорогах из Чарджуя в Карки по левому берегу Аму-Дарьи и из Карки в Келиф по правому берегу, из Келифа в Гузар и Карши и из Ходжа-ишак в Карши 1885 г.

- Записка Генерального штаба полковника Кузьмина-Караваева о введении русского управления в Атеке 1885 г.

- Долина Герата и персидская граница от Герируда до Сеистана. Доклад полковника Стюарта 14 декабря 1885 г.

- Реки Пенджаба, генерала Маклагана (перевод с английского л.-гв. Преображенского полка подпоручика Шипова).

- Бирма и бирманцы. (*Burma and Burmans*, by Archibald Ross Colquhoun 1886 г. Перевод К. Военского).

- Состояние торговли в Индии. Из отчетов на 1883 и 1885 гг. американских генеральных консулов в Калькутте Матсона и Леонарда.

- Бирма — последнее присоединение Индийской империи (*the London and China Telegraph*, March 15.1886).

Выпуск 22 (СПб., 1886)

- Отчет консула в Кашгаре Н. Петровского 1885 г.

- Краткий очерк современного состояния Кореи, князя Дадешкалиани, состоящего при канцелярии Приамурского генерал-губернатора 1885 г.

- Извлечение из сочинения Эрнста Опшerta «Запретная страна».

- Сухопутные и морские силы Китая. Извлечение из сочинения *Le monde Chinois*, Ph. Daryl.

- Тактика китайцев в Тонкине (*Journal des sciences militaires, mars*, 1885).

- Донесение русского консула в Урге Шишмарева о положении Монголии, июль 1885 г.

- Сведения о Китае, извлеченные из донесений американских консулов 1880–1885 гг.

- Всеподданнейший доклад Чжан Чжидуна генерал-губернатора Кантона о необходимых преобразованиях (Новости, № 124, 7 (19) мая 1886 г.)

Выпуск 23 (СПб., 1886)

- Проекты экспедиций в Индию, предложенных Наполеоном Бонапартом императорам Павлу и Александру I в 1800 и в 1807–1808 гг. Генерального штаба подполковника Баторского.

- Записка о возможности осуществления Россией экспедиции в Индию (составлена Платоном Чихачевым 20 мая 1854 г. и представлена военному министру генерал-адъютанту Сухозанету. Перевод с французского).

- Донесение генерала Андреини о состоянии промышленности и торговли в Персии 1884 г. (Перевод с итальянского л.-гв. Преображенского полка полковника барона Розена, заимствовано из консульских донесений).

- Маршрутные описания путей между Асхабадом и Мешхедом. Генерального штаба полковника Ю.Д. Мельницкого.

Выпуск 24 (СПб., 1886)

- Записка о современном состоянии вооруженных сил Китая в Тарбагатайской и Илийской областях генерал-майора Щетинина 1885 г.
- Современное состояние вооруженных сил в Восточном Туркестане, Генерального штаба капитана Галкина 1885 г.
- Отчет генерала Ли-Пао (Паули) о состоянии войск в Тяньцзине и укреплений Таку и Петанга 17 декабря 1884 г.
- Проект преподавания и внутреннего порядка в военных школах.
- План обороны Пекина (перевод с немецкого)
- Реорганизация китайской армии и флота (из ежегодника полковника Лебеля за 1885 г.)

Выпуск 25 (СПб., 1887)

- Письма из Персии от Баку до Испагани 1885–1886 гг. Е. Белозерского.
- Дополнительные сведения о пути в Среднюю Азию от залива Цесаревича, по Усть-Урту и Аму-Дарье 1885 г., полковника Белявского.
- Статистические сведения о провинциях Гилян и Шахруд-Бастам, сообщенные И.А. Зиновьевым 1879–1881 гг.
- Очерк бухарских владений на левом берегу р.Пянджа 1886 г. Генерального штаба капитана Покотило.
- Краткие статистические сведения о племенах эрсари, обитающих на левом берегу Аму-Дарьи от пограничного с Афганистаном селения Боссаги до Чарджуя 1886 г. Генерального штаба капитана Комарова.
- Афганская армия (из сочинения *Les Russes et les Anglais dans l'Asie Centrale* капитана Геймана).
- Дислокация приграничных афганских войск (сведения собраны в мае и проверены в начале августа 1886 г.).

Выпуск 26 (СПб., 1887)

- Извлечение из сочинения датского полковника Хоскиера «Путешествие в Китай, Японию и Индию» (Reise til China, Japan og India, Hoskioer).
- Извлечение из датского сочинения мандарина Хеннингсена «Небесная империя» (Henningsen. Det Himmelske Rige 1887).
- Поездка в Маньчжурию, к горам Пейшан и верховьям р. Сунгари. (Proceedings of the R. Geographical Society).
- Краткий очерк Кореи. Составил Генерального штаба капитан Калнин.
- Военно-статистическое описание русско-китайской границы по р. Аргуни от озера Далай-Нора до Усть-Стрелки на Амуре, майора П. Овсяного 1881–1882 гг.
- Материалы к изучению Уссурийского края Генерального штаба подполковника Надарова.
- Сон и пробуждение Китая, маркиза Тзенга (Asiatic Quarterly Review. January 1887).
- Отчет о командировке на Командорские острова Генерального штаба подполковника Волошинова в 1884–1885 гг.

Выпуск 27 (СПб., 1887)

- Северно-Уссурийский край. Генерального штаба подполковника Надарова.
- Поездка на Сахалин в 1885–1886 гг. Генерального штаба полковника Гарнака.
- Об отношениях европейцев к Китаю. Речь, произнесенная на акте С.-Петербургского университета 8 февраля 1887 г. ординарным профессором А.М. Позднеевым.
- Торговля Франции с Китаем и Японией с 1880 по 1885 гг. (составлено Генерального штаба подполковником бароном Тизенгаузенем).

Выпуск 28 (СПб., 1887)

- Чжунгария, военно-статистический очерк Генерального штаба полковника Л.Ф. Костенко, с 6-ю приложениями и картой.

Выпуск 29 (СПб., 1888)

- Сведения о Кафиристане (по английским источникам, П. Лессара).

- Извлечения из сочинения «Через Персию, Месопотамию и Кавказ» Свена Хедина (Стокгольм, 1887), ч. I. Составил Генерального штаба подполковник Блом.

- Новая афганская граница, капитана Риджвей (Nineteenth Century, October 1887, перевод с английского К. Военского).

- Статистические данные о Закаспийской области, по сведениям, собранным Генерального штаба полковником Мельницким в мае 1886 г.

- Маршрут от Герата до Мешхеда. Извлечение из сочинения капитана Йета (Jate) «Англия и Россия лицом к лицу в Азии» 1885 г. Составлено Генерального штаба капитаном Пестичем.

- Вооруженные силы Персии (по ежегоднику Лёбея 1887 г.).

Выпуск 30 (СПб., 1888)

- Записка об условиях, способах и средствах, обеспечивающих успех военного столкновения с Китаем в Приамурском военном округе, Генерального штаба генерал-майора Барабаша 1887 г.

- Железные дороги будущего в Китае, Крейтнера (из журнала *Revue coloniale internationale*).

- Записка об организации китайской армии, представленная И.Ж. Денн на усмотрение его высочества вице-короля Ли (перевод с английского).

- Записка об организации китайского флота представленная И.Ж. Денн на усмотрение его высочества вице-короля Ли (перевод с английского).

- Долон-Нор (Выписка из дневника, веденного во время путешествия по Монголии в 1876–1879 гг. А. Позднеевым).

- Военные и технические школы в Тяньцзине (Составлено по корреспонденциям и известиям китайских газет).

- Вооруженные силы Китая по Lobel's Jahresbericht 1887 г.

- Путешествие по Китайскому Туркестану и северной границе Тибета, Кэри (by A.D. Carey. Proceedings R.G.S. Desember 1887).

- Маршрут от г. Кобдо до Сучжоу. Составлен на основании дневника купца Васенева Генерального штаба капитаном Евтюгиным.

Выпуск 31 (СПб., 1888)

- Материалы для военно-статистического обзора Приамурского военного округа и Маньчжурии. Обработано Генерального штаба полковником Назаровым. Военно-статистический очерк Амурской области. Отдел I. Сведения географические и топографические.

- Приложения. Действующие ныне трактаты с Китаем: 1) Договор, заключенный в Айгуне 16 мая 1858 г.; 2) Трактат, заключенный в Тяньцзине 1 июня 1858 г.; 3) Дополнительный договор, заключенный в Пекине 2 ноября 1860 г.; 4) Правила для сухопутной торговли, заключенные в Пекине 20 февраля 1862 г.; 5) Договор с Китаем по некоторым вопросам, подписанный 12/24 февраля 1881 г. и высочайше утвержденный 4/16 августа 1881 г.

Выпуск 32 (СПб., 1888)

- Описание порта Артур (Лушунь-коу), Генерального штаба подполковника Путята.

- Путешествие на север и восток от Пекина. (Перевод статьи г-на W. из Chinese Times 12th Nov.1887.).

- Войска северного Китая, на которые распространились преобразования, ноябрь 1887 г. Генерального штаба подполковника Путята.

- Губейкоусский проход. Очерк Пекинской равнины, составленный Генерального штаба подполковником Путята.

- Донесение г-на Хаса, австро-венгерского консула в Шанхае, касающееся торговли Китая за 1885 г. и дающее описание всех главнейших портов.

- Сведения о Маньчжурии, собранные штабом Приамурского округа за 1887 г.

- Отчет о 7-ми месячном путешествии по Маньчжурии Фулфорда, переводчика при английской миссии в Пекине.

- Как путешествовать по Центральной Азии. Первая глава четвертого путешествия Н.М. Пржевальского.

- Часть Амурской области между р. Бурею и р. Амгунью, исследованная в 1887 г. князем К.Н. Дадешкелиани.

Выпуск 33 (СПб., 1888)

- Современное состояние торговли в Бухарском ханстве. В. Клем. 1887 г.

- Краткое статистическое описание Каратегина. Генерального штаба капитана Васильева.

- Белуджистан и «Новая индийская провинция». Т.Г. Торнтон (Из Asiatic Quarterly Review за январь 1888 г.)

- Через Персию, Месопотамию и Кавказ. С. Хедин 1887. (Перевод с шведского) ч. II

Выпуск 34 (СПб., 1888)

- Численность и распределение китайской армии по провинциям и областям империи в 1884 г., с добавлением формирований 1885, 1886 и 1887 гг.

- Описание пути от Старо-Цурухайтуевского караула до Пекина вдоль западного склона Большого Хинганского хребта, пройденного в 1887 г. Генерального штаба полковником Гарнаком.

- Общее обозрение пути, пройденного Генерального штаба капитаном Ресинным в 1887 г. от Благовещенска через Цицикар на Си-Фынь-Кхэу и Пекин.

- Копия с карты, приложенной к сочинению Егора Тимковского «Путешествие в Китай через Монголию в 1820–1821 гг.»

Выпуск 35 (СПб., 1888)

- Очерк состояния вооруженных сил Китая в сопредельных с Россией областях Чжунгарии и Восточного Туркестана 1887 г. Генерального штаба капитан Галкин.

- Краткое описание Ферганы 1886 г. Генерального штаба капитана Трусова.

- Краткий военно-топографический обзор юго-восточной части Ферганской области 1886 г. Генерального штаба подполковника Смирнова.

- Очерк Алайской долины 1886 г. Генерального штаба подполковника Евреинова.

- Санитарные заметки по поводу полевой поездки на Алай 1886 г. Статского советника хирурга Андреева.

Выпуск 36 (СПб., 1888)

- Краткий очерк Бухары. 1887 г. Генерального штаба полковника Матвеева.

- Кухистан с северной частью Гиссарского бекства. 1887 г. Генерального штаба капитана Лилиенталя.

- Описание пути от г. Ходжента через перевал Пастиф (Янги-Сабак) в долину Зеравшана и Зеравшанской долины от выхода из Сабакского ущелья до г. Самарканда. 1887 г. Генерального штаба капитана князя Бегильдеева.

- Рекогносцировка пути по Шахрисябсу. 1887 г. Генерального штаба капитана Трусова.

- Рекогносцировка пути через Джамский перевал на Гузар и на Карши 1887 г. Генерального штаба полковника Евреинова.

- Путешествие по Средней Азии из Маньчжурии и Пекина в Кашмир через проход Мустаг. Поручика драгун королевской гвардии Юнгхусбенда, перевел с английского Генерального штаба подполковник Смагин.

Выпуск 37 (СПб., 1889)

- Опыт военно-статистического очерка Монголии, Генерального штаба полковника А.А. Баторского (с 4 приложениями и 2 картами. Часть I).

Выпуск 38 (СПб., 1889)

- Отчет о поездке по Маньчжурии через Инкоу, Мукден, Гирич, Лалин, Ашихо, Пайенсусу, Сан-Син, Нингуту, Хунчун во Владивосток Генерального штаба полковника Путята 1888 г.

- Дневник Павла Михайловича Долоткевича на пути пешком из Сеула в Посъет через северную Корею с 6 декабря 1885 г. по 29 февраля 1886 г.

Выпуск 39 (СПб., 1889)

- Вооруженные силы Китая, Генерального штаба полковника Путята 1888–1889 гг.

- Принципы военного искусства в толковании древних китайских полководцев, Генерального штаба полковника Путята.

- Береговая оборона Кантона (По рекогносцировкам иностранных морских офицеров в 1886 г. с 30 марта по 14 апреля).

- Заметки о порте Артур прусского артиллерийского подполковника, состоящего в Китае представителем завода Крушпа и посетившего по распоряжению китайских властей этот порт с 7 по 10 сентября 1888 г.

- Сведения о китайских войсках, расположенных в Хунчуне 1888 г.

Выпуск 40 (СПб., 1889)

- Российско-персидская граница между Закаспийской областью и Хорасаном. Составлено Генерального штаба полковником Кузьминым-Караваевым.
- Описание пути из Тегерана в Бендер-Бушир, пройденного гвардии поручиком Блюмером весной 1887 г.
- Краткий очерк Белуджистана, дополненный по вопросам белуджского выходца Аузель-хана (Сообщено штабом Закаспийской области в январе 1899 г.)
- Краткий очерк Гештадана с окрестностями (Сообщено штабом Закаспийской области в январе 1899 г.)
- Поездка гвардии поручика Блюмера в Мазендеран, совершенная с 28 апреля по 20 мая 1889 г.

Выпуск 41 (СПб., 1890)

- Военные пути сообщения по индо-афганской границе. П.М. Лессара
- Железнодорожный вопрос в Китае, Генерального штаба полковника Путята.
- Походы родоначальников Да-цинской династии, Генерального штаба полковника Путята.
- По вопросу о высших государственных инстанциях в Китае, Генерального штаба полковника Путята.
- Положение о Северной эскадре (Хайцзюнь-чжан-чэн), Генерального штаба полковника Путята.
- Оборона р. Ян-цзы-цзянь 1888 г. (на основании сведений, добытых рекогносцировкой французской военной лодки).
- Состояние китайских войск Хунчунского района 1889 г., подполковника Соколовского.
- Поездка в Корею Генерального штаба подполковника Вебеля летом 1889 г.
- Приложения: 1) Маршрут по Корее; 2) Выписка из рапорта капитана 2 ранга Старка о бухте Гашкевича; 3) Сведения из Владивостока от Н.И. Брикнера о вывозе и ввозе товаров в Корею; 4) Русско-корейский договор 1884 г.; 5) Правила

сухопутной торговли с Кореей, заключенные в Сеуле 8 августа 1888 г.

Выпуск 42 (СПб., 1890)

- Записка войскового старшины Рубинова о поездке по р. Сунгари до города Сан-Сина и обратно в августе 1888 г.
- Совместное маневрирование различных родов оружия старых китайских категорий, Генерального штаба полковника Путята.
- Статья чиновника Хэйлунцзянской провинции, уезда Чань-ту, по имени Ван Цин, о состоянии этой области.
- Арсенал порта Артур (газета Temps, письмо из Тяньцзиня 6 июля 1890 г.).
- Персидская армия (Из «Times», 11 февраля 1890 г., перевел с английского Н.П. Гарин).
- Большой среднеазиатский торговый путь из Пекина в Кашгарию. (By colonel Mark S. Bell, Proceedings of R.G.S., Feb. 1890, перевел Генерального штаба подполковник Смагин).
- Китайский бюджет, Генерального штаба полковника Путята.
- Запрещение китайцам селиться на маньчжурских землях. Железные дороги Тяньцзинь — Тунджео и Маньчжурская, Генерального штаба полковника Путята.

Выпуск 43 (СПб., 1891)

- Оборона Индии, Ч.М. Мак-Грегора. Часть I

Выпуск 44 (СПб., 1891)

- Оборона Индии, Ч.М. Мак-Грегора. Часть II

Выпуск 45 (СПб., 1891)

- Поездка подполковника Бернова в Монголию и Маньчжурию в 1889 г.
- Посыетский участок. (Составил Генерального штаба подполковник Рагоза).
- Очерк военного хозяйства в Китае (Составил Генерального штаба полковник Путята).

- О численности и дислокации китайских войск в местностях, пограничных с Туркестанским и Омским округами, Генерального штаба полковника Путята.

- Очерк китайской жизни, Генерального штаба полковника Путята.

- Англо-афганская железная дорога (перевод статьи из *Revue militaire de l'étranger*, 718, 15 mai 1890).

Выпуск 46 (СПб., 1891)

- Извлечение из статьи полковника Марка Севера Белля «Оборона Индии» (*Journal of the Royal United Service Institution*, vol. XXXIV № 154)

- Взгляд германца на оборону Индии (A German view of the defence of India). Перевел Генерального штаба подполковник Смагин.

- Пенджаб. Д-р Е. Юнг. Перевел с немецкого л.-гв. Атаманского казачьего полка поручик Плацбек-Кокум.

- Поездка ротмистра Стрельбицкого по восточному Хорасану в 1890 г.

- Заметка о северо-западной, так называемой «научной» границе Индии. Генерального штаба подполковника Ермолова.

Выпуск 47 (СПб., 1891)

- Бухара. Описание города и ханства военного инженера подполковника Пославского.

- Сведения, сообщенные разведчиком М. Р. Х. о городах Афганистана.

- Краткий очерк путешествия сэра Роберта Сандемана в южном Белуджистане. (Часть I) Составлен Генерального штаба подполковником Ермоловым. (Извлечение из корреспонденции журнала *The Pioneer Mail of India*, № 1, 3, 7, 12, 1891 г.).

- Англо-русский вопрос в Азии и оборона Индии (*Revue Militaire de l'étranger*, Mai 1891., перевел с французского л.-гв. Атаманского полка поручик Плацбек-Кокум).

Выпуск 48 (СПб., 1891)

- Опыт военно-статистического очерка Монголии, командира 2-го драгунского С.-Петербургского полка А.А. Баторского (с приложением 41 маршрута и 2 карт. Часть II).

Выпуск 49 (СПб.1891)

- Вопрос о малоазиатских железных дорогах. Н.В. Чарыкова.

- Дислокация персидской армии с 1 января 1891 г. Составил гвардии поручик Блюмер.

- Состояние Тавризского гарнизона в мае 1891 г., гвардии поручика Блюмера.

- Прибрежное пространство между таможней Астара, городом Энзели и горами (Персидская провинция Гилян). Составил Генерального штаба подполковник Косаговский.

- Описание дороги из города Казвин в Решт — Фюмен — Астара — Ардебиль — Зенджан и обратно в Казвин. (Рекогносцировка 1890 г. гвардии поручика Блюмера).

- Путешествие поручика Вогана по Восточной Персии (читано генерал-майором Ф. Голдсмитом на вечернем заседании Королевского географического общества 10 марта 1890 г. Перевод с английского л.-гв. Егерского полка подпоручика Грендаля).

- Извлечение из отчета генерал-майора Гордона о путешествии его из Тегерана на р. Карун и в г. Мохаммера через Кум, Султанабад, Буруджирд, Хурешабад, Дизфуль и Ахвец. (Перевод с английского Генерального штаба подполковника Ванновского).

- Очерк высшего гражданского и военного управления в Индии 1891 г. (Составил Генерального штаба подполковник Ермолов).

- Железнодорожные концессии в Азиатской Турции 1891 г., П.В. Максимова

- Персидская армия, со слов компетентного русского офицера 1891 г.

- Извлечение из сочинения г-на Барклея Путешествие по Малой Азии и Армении (A Ride through Asia Minor and Armenia, Henry Barkley. London, 1891).

Выпуск 50 (СПб., 1892)

- Извлечение из описания путешествия через Памир (с севера на юг), совершенного Георгом Литльделем. Перевел Генерального штаба подполковник Десино.

- Краткий очерк Памира. Генерального штаба капитана Скерского.

- Извлечение из описания поездки Биддьюльфа (С.Е. Biddulph) по западной части Большой Соляной пустыни (Кевир) в Персии. Перевел Генерального штаба подполковник Десино.

- Река Карун и коммерческая география юго-западной Персии. Сообщение на вечернем заседании Королевского Географического общества 12 мая 1890 г. г-на Керзона. Перевел с английского л.-гв. Егерского полка подпоручик Грендаль.

- Извлечение из заметок о путешествии американца Рокгиль (Rockhill) по Китаю, Монголии и Тибету. (The land of Lamas, by William Woodville Rockhill) Перевел Генерального штаба подполковник Десино.

- Извлечение из шести писем о поездке в 1888 году в Малый Тибет Henry Lansdell. Перевел Генерального штаба подполковник Десино.

- Извлечение из отчета Генерального штаба штабс-капитана Грулева о рекогносцировке магистрального Сибирского пути в пределах Забайкальской области.

- Предварительный отчет об экспедиции в Хинган в 1891 г. Генерального штаба полковника Путята.

- Заметка об операционном направлении в районе Хингана Генерального штаба полковника Путята.

- Заметка поручика Бородовского о животном и растительном мирах по пути экспедиции.

- Русская Средняя Азия, Биддьюльфа (The united Service Magazine, September 1891. Russian Central Asia, by

С.Е. Biddulph). Перевел Генерального штаба капитан князь Трубецкой.

- Извлечение из отчета о поездке Кемпбелла по Корее. Перевел Генерального штаба подполковник Десино.

- Извлечение из отчета о путешествии капитана Юнгхезбанда по Памирам и сопредельным странам. Перевел Генерального штаба подполковник Десино.

- Дислокация афганских войск к концу 1891 года.

- К чертежам укреплений Тальенвана, с чертежами.

Выпуск 51 (СПб., 1892)

- К планам укрепления порта Артур; квартирное расписание китайских войск; пункты квартирования китайских войск; китайские войска, расположенные в Кашгарии в 1892 г.; выписки из китайского сочинения Обзорение Хэйлунцзянской провинции.

- Материалы по военно-статистическому обозрению Забайкалья. Составил Генерального штаба штабс-капитан Грулев. Часть 1.

- Дорожные заметки на пути от Пекина до Благовещенска через Маньчжурию в 1870 году архимандрита Палладия.

- Шанхай — Гуань, Генерального штаба полковника Путята.

- Религиозные суеверия и предрассудки китайцев. (Из «Новостей» за 1891 г. № 264, 265. Статья подписана Ко-ц.)

- Заметка о войсках в китайской провинции Или.

- Ремонтирование старой китайской крепости в Чугучаке.

- Положение англичан в Буширском консульстве, г-на Панафидина, 1891 г.

- Исследование, произведенное в 1891–1892 годах Генерального штаба капитаном Артамоновым Астрабад — Шахруд — Бастамского района и Северного Хорасана.

- Краткий предварительный очерк поездки в Персию в 1891 году, Генерального штаба капитана Стрельбицкого.

Выпуск 52 (СПб., 1893)

- Извлечение из отчета П.М. Власова о поездке в 1892 г. по северным округам Хорасана: Серахскому, Келатскому, Дерезгескому, Кучанскому и Бурджнурдскому.

- Персия и персидский вопрос. Георга Кюрзона (*Persia and the Persian question, by the Hon. George N. Curzon. 1892.*). Извлечения из 1 тома сделаны Генерального штаба подполковником Десиной, а из 2 тома л.-гв. Егерского полка подпоручиком Грендалем.

- Приложение к извлечению из отчета П.М. Власова о поездке 1892 г. по северным округам Хорасана.

Выпуск 53 (СПб., 1893)

- Маньчжурская железная дорога. Участок Тяньцзин — Луаньчжоу. Генерального штаба полковника Вогака.

- Китай с инженерной точки зрения. (*Engineering, 19 августа 1892 г.*) Извлечение сделано Генерального штаба полковником Вогаком.

- Путешествие английских таможенных чиновников в Китае от г. Ичанфу до Чунцинфу по р. Янцзы-цзян и сухим путем в 1890 году. Выдержки перевода с английского Генерального штаба подполковника Десиной.

- О Пишинском укрепленном лагере.

- Заметки по поводу путешествий г-на Даверня по Китайскому Туркестану, генерала Уокера. Перевел с английского Генерального штаба подполковник Десиной.

- Поездка через Тибет в 1891 г. капитана Бауера (*Bower*). Извлечено Генерального штаба подполковником Десиной.

- Заметки с Дальнего Востока (*The Times*). Переведено с английского о Японии и Корее Генерального штаба подполковником Вороновым, а о Китае Генерального штаба подполковником Десиной.

- Памир, географическо-политический очерк Дельмара Моргана (*The Scottish geographical magazine, январь 1892 г.*). Извлечение с английского сделано Генерального штаба подполковником Десиной.

- Нашествие русских на Индию (The nineteenth century, № 195 за май 1893 г. Правописание названий согласовано с 100 верстной картой Азиатской России с прилегающими к ней владениями 1884 г.) Юнгхезбанда. Перевел с английского Генерального штаба подполковник Десино.

- Читрал. (The Geographical Journal, январь 1893 г.) Извлечение сделано Генерального штаба подполковником Десино.

- Извлечение из двух писем Конвея (Conway) о его экспедиции 1892 г. на Каракорумский хребет. Генерального штаба подполковника Десино.

- Страна чиласов, Михаила Биддьюльфа (The Geographical Journal, за апрель 1893 г.) Перевел Генерального штаба подполковник Десино.

- Страна верхнего Каруна и Бахтиарские луры, г-жи Бишоп. Извлечение с английского Генерального штаба подполковника Десино.

- Отчет британского консула о корейской торговле за 1891 год, г-на Хильера (Hillier). Перевел Генерального штаба подполковник Десино.

- Дорога долиной р. Кунар в долину р. Инда.

Выпуск 54 (СПб., 1893)

- Дорога от города Тавриза в город Зенджан. Гвардии конной артиллерии штабс-капитана Блюмера, 1892 г.

- Россия и Памиры (Times, 10 ноября 1892 г.)

- Развитие телеграфной сети в Китае (Mittheilungen der Kais. Konig. Geographischen Gesellschaft in Wien, XXXVI, 6, 1893.). Перевод Генерального штаба подполковника Дмитриева.

- Экономическое состояние Японии в 1891 году. (Донесение австрийского консула в Йокогаме Крейтнера). Перевод Генерального штаба подполковника Дмитриева.

- Место встречи трех империй, Е.Ф. Найта (Where three empires meet, by E.F. Knight. 1893.) Извлечение сделано Генерального штаба подполковником Десино.

- Доклад Шань-Ганьского генерал-губернатора Ян Чаньцзюня о производстве им ревизии подведомственных ему войск от 5-й луны 17-го дня 19-го года правления Гуанской (18 июня 1893 г.)
- Численность и дислокация китайских войск категорий Юн-бин и Лянь-цзюнь в Маньчжурии к апрелю 1892 г.
- Обзор экономического положения Японии за 1892 г. (*Rapports commerciaux des agents diplomatiques et consulaires de France, 1893. № 108*) Перевел Генерального штаба подполковник Дмитриев.
- Торговля в Персии за 1887 г. Донесение австрийского консула в Тегеране Фукса. Перевел Генерального штаба подполковник Дмитриев.
- Путь от Тегерана к Персидскому заливу поручика барона фон дер Ховена.
- Краткая заметка о Корее, Генерального штаба полковника Вогака.
- Оборона Индии (*The Imperial and Asiatic Quarterly Review, and Oriental and Colonial record. July 1893.*) Перевод Генерального штаба подполковника Дмитриева.
- В безопасности ли Индия? (*The Imperial and Asiatic Quarterly Review, and Oriental and Colonial record. July 1893. by Sir Lepel Griffin*) Перевод Генерального штаба подполковника Дмитриева.
- Индия между двумя огнями, Георга Кюрзона (*India between two fires, by the Hon. George N. Curzon*). Перевел Генерального штаба подполковник Десино.
- Афганская дилемма (*The Imperial and Asiatic quarterly review. 1893. by «Historicus»*) Перевел Генерального штаба подполковник Десино.
- Через Хайберский перевал, Спенсера Вилкинсона (*The nineteenth century, за октябрь 1893 г.*) Извлечено Генерального штаба подполковником Десино.

- Железные дороги Северо-Западной Индии (*Reveu militaire de l'etranger*, № 790 за сентябрь 1893 г.) Перевел Генерального штаба подполковник Десино.

Выпуск 55 (СПб., 1894)

- Хинганская экспедиция. Описание пути следования Генерального штаба полковника Путята.

- Заметки о китайской армии, бывшего инструктора.

- Арсенал и пороховой завод в Кианнанае (близ Шанхая) 1893 г. Генерального штаба полковника Вогака.

- Железная дорога на острове Формоза.

- Большие маневры в Японии в октябре 1892 г.

- Политическое положение Японии. (Статья из японской газеты «Нишпон» 3 декабря 1893 г.).

- Сибирская железная дорога с китайской точки зрения (Газета *Shenrao*).

- Вопрос о плавании по р. Сунгари, Генерального штаба полковника Вебеля.

Выпуск 56 (СПб., 1894)

- Памиры. Из сообщения Генерального штаба капитана Кузнецова.

- Рекогносцировка путей: 1) Ташкурган — Сарез, 2) Маркансу — Кашгар, 3) Кашгар — Гез — Сарыкол — п Ранкуль 1893 г. Генерального штаба капитана Бедряга.

- Извлечение из отчета Генерального штаба капитана Ванновского о рекогносцировке в Рушане и Дарвазе 1893 г.

- Статистические сведения о Дерезгезском, Кучанском, Буджнурдском и Келатском округах Хорасана. 1894 г. П.М. Власова.

- Краткий очерк Хорасана 1894 г. П.М. Власова.

- Миранзайская экспедиция 1891 г. поручика Гордона (*Proceedings of the Royal Artillery Institution*, October 1891. vol. XVIII, № 15). Извлечено Генерального штаба подполковником Десино.

- Извлечение из отчета о народной переписи в Индии в 1891 году, г-на Блэка (The Geographical Journal, march 1894. The Census of India. By C.E.D. Black). Генерального штаба подполковник Гескет.

Выпуск 57 (СПб., 1894)

- Краткий военно-статистический очерк района поездки офицеров Генерального штаба Туркестанского военного округа в 1889 г. в Бухарском ханстве и в южной части Самаркандской области. Генерального штаба полковник Галкин.

- Абсолютные высоты, определенные Генерального штаба генерал-майором Матвеевым во время полевой поездки офицеров генерального штаба Туркестанского военного округа в 1889 г.

- Маршруты следования войск из г. Самарканда.

- Река Аму-Дарья между гг. Керки и Келифом в пределах Бухары и прибрежные пути. Рекогносцировка 1889 г. Генерального штаба капитана Верещагина.

- Описание обрекогносцированного участка, заключающего пройденные пути в пределах Шаар-Сабиз-Гузарского бекства и части нагорной Дербентской возвышенности. Генерального штаба полковника Белявского.

- Статистический очерк Гузарского бекства и Куйтангского и Каллюкского амлякдарств Келифского бекства. Составил Генерального штаба полковник Федоров.

- Описание дороги от Гузара до Керки. Рекогносцировал Туркестанской артиллерийской бригады капитан Пуаре.

- Описание пути от Самарканда к г. Каратагу через перевал Мура 296 верст. 1889 г. Составил Генерального штаба капитан Стеткевич.

- Бассейн Каратаг-Дарьи. Военно-статистический очерк 1889 г. Составил Генерального штаба капитан Стеткевич.

- Гиссарское и Кабадианское бекства 1889 г. Генерального штаба капитан Лилиенталь.

- Маршруты по Гиссарскому и Кабадианскому бекствам. Составлено Генерального штаба капитаном Лилиенталем.

- Военно-статистический очерк средней и южной частей Сурханской долины 1889 г. Составлен Генерального штаба подполковником Галкиным.
- Маршрутное описание дорог, пролегающих по долине правого берега реки Сурхана. Составлено Генерального штаба подполковником Галкиным.
- Маршрут от г. Денау до Патта-Гиссара. Составлен поручиком 1-го Туркестанского линейного батальона Караульщиковым.
- Статистические материалы для описания Бухары. Бекство Ширабадское и часть Байсунского 1889 г. Составил Генерального штаба капитан Васильев.
- Маршрутное описание дороги от Келифа до Патта-Гиссара 1893 г. Составил Генерального штаба капитан Васильев.
- Маршрутное описание дороги от г. Шир-Абада до Байсуна 1889 г. Составил Генерального штаба капитан Васильев.
- Тянь-Шань. Хребты: Ферганский, Кашгарский и Алайский. Краткий очерк района, в котором производилась в 1891 г. поездка офицеров Генерального штаба Туркестанского военного округа (Андижанский и Ошский уезды). Составлен полковником Жолтановским по работам офицеров.

Выпуск 58 (СПб., 1894)

- Об отношениях Кореи к иностранным государствам, Н.Г. Матюнина.
- Записка о китайцах, проживающих на левом берегу Амура, Н.Г. Матюнина.
- Статья из газеты Шибao (Shipao) о провинции Хэйлунцзян.
- Статистика Японии, с предисловием Д.В. Путята.
- Записка о маршрутах по почтовым дорогам в Синьцзянской провинции, Н. Барнемана.
- Остолопов А. Порты Лазарев и Шестаков.
- Описание бухты Цзяо-Чжоу, Генерального штаба полковника Вогака.

- Корейская торговля в 1893 г. По отчетам английских консулов и таможенных чинов (Извлечено Д.В. Путята).

Выпуск 59 (СПб., 1895)

- Генерального штаба полковник Путята Д.В. Китай: Географический очерк. Население. Государственный бюджет и внешняя торговля. Вооруженные силы. Русско-китайская граница.

- Приложение. Извлечение из дневника патера Жербилона (сопровождавшего императора Канси в Монгольском походе 1696 г.).

Выпуск 60 (СПб., 1895)

- Извлечения из донесений Генерального штаба полковника Вогака из Китая, Японии и Кореи, 16 (28) мая 1893 г. — 30 ноября (12 декабря) 1894 г.

Выпуск 61 (СПб., 1895)

- Извлечения из донесений Генерального штаба полковника Вогака из Китая и Японии, 31 января (12 февраля) 1895 г. — 21 марта (2 апреля) 1895 г.

- Извлечение из донесения Генерального штаба капитана Соковнина из Китая, 24 декабря 1894 г.

Выпуск 62 (СПб., 1895)

- Пояснительная записка к карте распределения армянского населения в Турецкой Армении и Курдистане по казам и данным сочинения V. Cuinet *La Turquie d'Asie* 1890–1894, составленной Генерального штаба генерал-лейтенантом Зеленым и подполковником Сысоевым 1895 г.

- Приложения: 1) Сводная таблица населения 9-ти вилайетов, составленная по данным 1890 г.; 2) Сводная таблица 9-ти вилайетов по официальным данным 1880 г. турецкого правительства, представленным майором Троттером.

- Записка о Восточном Хорасане (По рекогносцировке 1891 г. составил Генерального штаба подполковник Стрельбицкий).

- Описания и маршруты путей Тегеран — Шерестанек — Валиабад — Баудэ — Саре — Чаулус — Саринкала — Махмудабад — Мешедессер; Энзели — Казвин — Тегеран. Составил ротмистр Бельгард 1893 г.

Выпуск 63 (СПб., 1896)

- Поездка по Восточной Персии л-гв. Волынского полка поручика Баумгартена в 1894г. (Географическо-торговое исследование).

Выпуск 64 (СПб., 1896)

- Кафиристан. Д-ра Робертсона (The Geographical journal. September 1894.) Извлечено Генерального штаба подполковником Гескетом.

- Эмир Абдурахман. (The Ameer Abdur Rahman by Stephen Wheeler. London, 1895.) Извлечение Генерального штаба подполковника Дмитриева.

- Краткое описание долины Точи.

- Будущее Читрала. (The Mail от 17 июня 1895 г. № 5415). Перевел Генерального штаба полковник Десино.

- Политический взгляд Кюрзона на Читрал. (The Mail от 17 июня 1895 г. № 5415). Перевел Генерального штаба полковник Десино.

- Оборона форта Читрал. (Дневник событий с 3 марта по 19 апреля 1895 г. The Fortnightly Review, июль 1895 г.). Перевел 1-го Уманского полка Кубанского казачьего войска сотник Ознобишин.

- Бирма и ее обитатели. Статья Гертца (H.F. Hertz), суперинтенданта англо-индийской полиции (Из датского историко-географического журнала Museum, июль 1894 г.)

- Поездка по Монголии и Тибету Вудвиля Рокгиля (The Geographical journal, май 1894 г.) Извлечение сделано Генерального штаба полковником Десино.

- Путешествие по Центральной Азии Литльделя (The Geographical journal, июнь 1894 г.) Извлечение сделано Генерального штаба полковником Десино.

- Краткий очерк дороги из Хайлара в Цицикар. Составил Генерального штаба подполковник Стрельбицкий.
- Обзор путей, ведущих из Южно-Уссурийского края в северо-восточную Маньчжурию. (Сообщение командующего Уссурийской конной бригадой полковника Бернова в Хабаровском военном собрании 5 января 1895 г.)
- Обзор внешней торговли Кореи за 1893 г. По отчетам корейских таможен и великобританского генерального консула в Сеуле. (Составлен в канцелярии Министерства финансов).
- Отчет об экспедиции в верховье Аму-Дарьи 1894 г., составил контр-адмирал Батурин.
- Письмо майора Раверти, заключающее сведения о населении стран, находящихся по пути следования Читральского экспедиционного отряда (1895 г.) и о самом пути. Перевел Генерального штаба полковник Десино.
- Курдистан, капитана Маунзеля (Kurdistan. By Captain F.R. Maunsell, The Geographical journal, февраль 1894 г.). Извлечение Генерального штаба полковника Десино.
- Военные действия англичан в Читрале в апреле 1895 г. Заметки о мобилизации в Индии. Составил Генерального штаба полковник Ермолов.
- Бюджет Кореи на 1896 г. Донесение Генерального штаба полковника Вогака.
- Естественные оборонительные линии Индии и афганские перевалы (Indian problems. Can Russia invade India? By colonel H.V. Hanna, 1895). Перевел поручик 200-го Александровского резервного батальона Термен.

Выпуск 65 (СПб.1896)

- От Каспийского моря к Хормузскому проливу и обратно, 1894 г. (Попутные топографические и статистические материалы по Персии гвардейской артиллерии штабс-капитана Туманского).

- Очерк современного положения Пригиндукушских владений Индийской империи и Кафиристана. П.Е. Понафиндин.

Выпуск 66 (СПб., 1896)

- Записка о Малой Азии. Генерального штаба полковника Путята.

Выпуск 67 (СПб., 1896)

- Военно-медицинское устройство японской армии во время войны, врача Тейлора (Aldershot Military Society, 12 nov. 1895.) Перевод Генерального штаба полковника Десино.

- Отчет о семимесячном путешествии по Монголии и Маньчжурии в 1894 году (Хулумбур и Хинган). Составил Генерального штаба подполковник Стрельбицкий.

- Дунганское восстание 1895 года (Из донесения русского консула в Чугучаке от 12 февраля 1896 г.)

Выпуск 68 (СПб., 1896)

- Военно-статистическое описание северо-восточной части Хорасана 1894 г. Генерального штаба капитана Орановского.

Выпуск 69 (СПб., 1896)

- О современных корейских войсках, Генерального штаба капитана Соковнина.

- Поездка в Корею Генерального штаба подполковника Альфтана в декабре 1895 г. и январе 1896 г.

- Описание р. Сунгари Генерального штаба капитана Грулева 1895 года.

- Извлечение из описания Гунзы и Читрала и общих выводов капитана английской службы Юнгхесбанда. Составил Генерального штаба подполковник Ванновский.

- Путешествие по Тибету с севера на юг и на запад к Ладокку Георга Литльдедя (George R. Littledale). Извлечение подполковника Ванновского.

Выпуск 70 (СПб., 1896)

- Очерки Шугнана. Составил военный инженер капитан Серебренников.
- Дневник путешествия по Монголии и Тибету в 1891 и 1892 гг. Вильяма Вудвиля Рокхила. Вашингтон 1894 г. Извлечение составил В. Котвич.
- Освобождение Читрала. Извлечение сделано капитаном Генерального штаба Миллером.
- Четыре записки полковника Р. Сендемана об афганских и белуджистанских делах (1886–1891). Извлечение составил Генерального штаба полковник граф Муравьев-Амурский.
- Афганский эмир и Кафиристан. Значение Башгульской военной дороги. Составил Генерального штаба полковник Ермолов.
- Переписка о действиях афганцев в Кафиристане. Извлечение Генерального штаба подполковника Ванновского.
- Императорский канал. (Le canal Imperial par le P. Domin. Gandar, S.I. Chang-Hai 1894.) Извлечение Генерального штаба подполковника графа Муравьева-Амурского.
- О населении Китая, доктора Дёджона (On the Population of China by d-r Dudgeon. Peking 1893.) Извлечение Генерального штаба подполковника Ванновского.

Выпуск 71 (СПб., 1897)

- Войска имперской службы в Индии. Извлечение из журнала Blackwood's Magazine Генерального штаба подполковника Г. Ванновского.
- Река Сунгари (к вопросу о китайских железных дорогах в Маньчжурии из The Chinese Times, 1890. № 176), перевел Генерального штаба подполковник Грулев.
- Вазиристанская экспедиция (1 октября 1894 г. — 20 января 1895 г.); географический очерк Вазиристана; некоторые данные о долине Точи, Генерального штаба полковника Ермолова.

- Словесные переговоры о заключении мира, веденные в Симоносеки уполномоченными Китая и Японии в марте 1895 г., перевод с английского капитана Марченко.

Выпуск 72 (СПб., 1898)

- Памиры и исток Оксуса, Георга Н. Кёрзона, члена Парламента. Извлечение Генерального штаба подполковника Роопа.

- Искусство пограничного разграничения. Отчет подполковника Троттера, прочитанный 10 декабря 1896 г. в Королевском артиллерийском обществе в Вуличе (Proceedings of the Royal Artillery Institution, май 1897. № 5). Извлечение Генерального штаба подполковника Роопа.

- Может ли Россия вторгнуться в Индию?, полковника Ганна. Извлечение Генерального штаба подполковника Роопа.

Выпуск 73 (СПб., 1898)

- Ганн. Научная граница Индии, извлечение подполковника Роопа.

- Янжул Н.И. Исторический очерк коневодства в Японии.

- Лукашев. Извлечение из записки об осмотре японского драгунского полка.

- Десино К. Обзор порта и города в Татункоу. Порт Татункоу.

- Стрельбицкий И.И. Отчет о торговле Кореи за 1896 г. Дополнительные таблицы. Государственный бюджет Кореи на 1898 г.

- Десино К. Предварительные сведения о дороге из Лайчжоу-Фу в Цзяочжоу (на Шандуне)

Выпуск 74 (СПб., 1899)

- Шаньдун и Цзяочжоу. Извлечение из сочинения Рихтгофена.

- Цзяочжоу (Киау-чоу), приобретение Германии в восточной Азии. Извлечение из сочинения Георга Франциуса.

- Шаньдун и германский Китай в 1898 г., Эрнста фон Гессе-Вартега (Извлечение Генерального штаба подполковника Роопа).

- Памятная записка о развитии Цзяочжоу, составленная по официальным документам и представленная германскому Рейхстагу имперским канцлером 2 января 1899 г. (Извлечение Генерального штаба подполковника Усова).

Выпуск 75 (СПб., 1901)

- Поездка Генерального штаба полковника Карнеева и поручика Михайлова по Южной Корее в 1895–1896 гг. Маршруты.

Выпуск 76 (СПб., 1902)

- Очерк Памиров Генерального штаба подполковника Эггерта. Сведения, собранные в Памирском отряде с августа 1896 г. по июль 1897 г.

- Маршрут вице-консула в Сеистане коллежского асессора Миллера от г. Мешед до г. Насирабада, административного пункта Сеистана. 21 декабря 1899 г. — 2 февраля 1900 г.

- Отчет о поездке по Сеистану вице-консула в Сеистане коллежского асессора Миллера. 24–28 марта 1900 г. 20–24 апреля 1900 г.

- Хайберский проход. Составил Эдуард Морфи, перевел с английского Генерального штаба подполковник Новицкий. 1899 г.

- Описание путешествия мервского купца М.А. Асцатурова из г. Серахса через г. Мешед в Сеистан и обратно из Сеистана по афганско-персидской границе через Пуль-и-Хутан в Серахс.

- Из Индии в Фергану. Предварительный отчет о поездке Генерального штаба капитана В.Ф. Новицкого в 1898 г.

- Пути через Хорасан на Герат и Сеистан.

- Военно-статистический очерк Нидерландской Ост-Индии, Генерального штаба подполковника Миллера.

Выпуск 77 (СПб.,)

- Едрихин. Очерк событий на Филиппинах с 1896 по 1901 г.
- Миллер. Очерк Сеистана.
- Миллер. Караванные пути из Мешеда в Сеистан.
- Миллер. Отчет о командировке в Керман.

Выпуск 78 (СПб., 1905)

- Корнилов Л.Г. Историческая справка по вопросу о границах Хорасана с владениями России и Афганистана.
- Корнилов Л.Г. Нушки-Сеистанская дорога.
- Корнилов Л.Г. Маршрутное описание Нушки-Сеистанской дороги (участок Кала-и-Рабат — Кветта).
- Раабен Л.Р. Краткий очерк Тибета.
- Рубио. Отчет о командировке в Турбет-Хейдари (в Персии).
- Тигранов. Выписка из материалов по статистическому описанию Персии.

Выпуск 79 (СПб., 1906)

- Снесарев А.Е. Восточная Бухара (военно-географический очерк).

Выпуск 80 (СПб., 1907)

- По Восточной Монголии, Генерального штаба полковника В.Ф. Новицкого.
- Краткие сведения о соютах, в связи с данными, извлеченными из описания и расспросов минусинского мещанина Черненкова о долине реки Бом-Кемчика (левое верховье Енисея). С картой.
- Ост-Индия (Афганистан). Договор, заключенный между британским правительством и эмиром афганским от 21 марта 1905 года, с относящимися к нему приложениями. (Был представлен обеим палатам парламента по приказанию его величества).

- Политическое значение Кермана и Персидского Белуджистана. Записка надворного советника Миллера. 26 июня 1905 г.

- Современное экономическое положение Индии. В. Новицкий.

Выпуск 81 (СПб., 1909)

- Предварительный отчет о поездке, предпринятой по высочайшему повелению через Китайский Туркестан и северные провинции Китая в г. Пекин в 1906–1907 и 1908 гг. полковником бароном Маннергеймом.

Выпуск 82 (СПб. 1909)

- Военно-географический обзор района Восточной Монголии, обследованного в 1906 г. экспедицией Генерального штаба полковника В.Ф. Новицкого.

- Условия передвижения войск от г. Троицкосавска через Ургу до Калгана. Составил полковник Болховитинов.

- Описание пути от г. Хайлара до г. Калгана, пройденного в течение лета и осени 1906 г. капитаном 8-го Восточно-Сибирского стрелкового полка Виноградовым.

Выпуск 83 (СПб., 1910)

- Военно-географический очерк Британского Белуджистана. Извлечения из английских официальных изданий Baluchistan District gazetteers, Miniature gazetteer Quetta-Pishin district. Перевели с английского Генерального штаба полковники Новицкий и Снесарев, подполковник Кирсанов.

Выпуск 84 (СПб., 1911)

- Записка о Курдистане Генерального штаба капитана Безенгра.

- Геджасская железная дорога. Капитана Н. Терлецкого.

Выпуск 85 (СПб., 1912)

- Сведения о вооруженных силах Китая. Введение.

- Положение о войсках Лу-цзюнь (сухопутных). Перевел есаул Румянцев.
- Реорганизация восьмизнаменных войск (Па-ци).
- Положение о войсках Сюнь-фан-дуй. Провинция Чже-Цзянь (из Наньянского военного ежемесечника).
- Полиция в Китае. Составил штабс-капитан Шаренберг.
- Войска У-вэй-цзо-цзюнь.
- Проект устава военно-судебного. Перевел штабс-капитан Шаренберг.

Выпуск 86 (СПб., 1913)

- Судьба калмыков, бежавших с Волги. Б.В. Долбежева.
- Материалы по Западному Китаю, собранные Р.А. Сыртлановым во время его поездки из Урумчи на Алтай в 1909 г.
- Описание прямого пути от Манаса до г. Зайсана, пройденного в августе месяце 1911 г. врачом при консульстве в Урумчи В.А. Строковским.
- Отчет о поездке с военно-научной целью в Монголию л.-гв. Гусарского полка поручика Кушелева.

Выпуск 87 (СПб., 1914)

- Военно-статистические и военно-географические материалы по Индии.

СНОСКИ

1. РГВИА, ф. 846, оп. 16, д. 6926, л. 129–140 об.; ф. 400, оп. 1, д. 678.
2. РГВИА, ф. 401, оп. 4, 1883 г., д. 45, л. 1.
3. *Межов В.И.* Библиография Азии. СПб. 1891–1894. Т. 1–3.

НАДПИСИ НА КРУПНЫХ ОБЪЕКТАХ КАК ИСТОЧНИК ПО ИСТОРИИ РАННЕСРЕДНЕВЕКОВОЙ ИНДИИ (НА ПРИМЕРЕ НАДПИСЕЙ ДИНАСТИИ ПАЛА)

Столяров А.А.

*к.и.н., Российский государственный гуманитарный
университет, ФГБУН Институт востоковедения РАН,
Москва*

Надписи раннесредневековой Индии можно условно разделить на три большие категории: жалованные грамоты, надписи на крупных и надписи на мелких объектах.

Жалованные грамоты — это, по большей части, царские эдикты о дарении земли брахманам, храмам, буддийским и джайнским общинам/монастырям. В Северной Индии они чаще всего писались на медных табличках, есть случаи, когда их писали на камнях.

Большинство надписей на мелких объектах сделаны по обету и писались на изображениях божеств — на пьедестале или задней стороне, хотя бывали и другие варианты. Заказчиками их выступали представители самых различных слоёв общества — от низкокастовых до брахманов. Изображения делались из металла и камня, реже — из дерева. Размер их обычно был небольшой, хотя бывали и гигантские изображения, достигавшие трёх-четырёх метров.

Надписи на крупных объектах находятся между этими двумя категориями. Они могли быть записями дарений, правда, не царских, а вассально зависимых феодалов, могли быть сделаны по обету, могли носить информативный характер.

Около половины их — панегирики, восхваления, которые заказывались крупными и мелкими феодалами, придворными, настоятелями монастырей и проч. Делались они на скалах, стенах и архитектурных деталях, колоннах, каменных плитах и просто крупных камнях, которые могли быть пьедесталами утраченных изображений.

Династия Палов правила на территории современных Бихара и Бенгалии на протяжении более четырёх столетий с VIII по XII вв. Условно можно говорить о четырёх периодах их правления: 1. с 750 по 873 гг., 2. с 873 по 970 гг. 3. с 970 по 1075 гг. и 4. с 1075 по 1165/1200 гг. Все датировки, кроме предпоследней, относительные, абсолютных привязок не существует. В первом периоде правили шесть государей, во втором — три, в третьем — пять, в четвёртом — семь или восемь, поскольку принадлежность восьмого государя к династии подвергается серьёзному сомнению.

К настоящему времени опубликованы 122/124 надписи, относящиеся к правлению Палов. Это 23 жалованные грамоты, 30 надписей на крупных и 67/69 надписей на мелких объектах. Подавляющее большинство надписей относятся к трём провинциям, существовавшим в раннесредневековой Индии: Пундравардхана-бхукти (Северная Бенгалия), Щринагара или Нагара-бхукти (территория Бихара к югу от Ганги) и Тира-бхукти (территория Бихара к северу от Ганги, современный Тирхут). Незначительная часть надписей — три — относится к району Варанаси-Сарнатха (штат Уттар-Прадеш), столько же — к территории Юго-Восточной Бенгалии (Читтагонг).

Надписи на крупных объектах распределились по периодам правления династии почти поровну: по семь надписей относятся к первому, второму и четвёртому периодам и девять — к третьему.

Из семи надписей на крупных объектах первого периода две относятся к Пундравардхана-бхукти, и пять — к Щринагара-бхукти. Четыре из них буддийские, три — небуддийские (индуистские). Четыре относятся к категории обетных,

три — панегирики (пращасты). Это недатированная фрагментированная надпись на ободке ступы (пращасты Вайрочаны), украшенной скульптурами Будды, из Наланды, дистрикт Наланда, штат Бихар, относящаяся ко времени правления Дхармапалы¹, и две недатированные надписи, относящиеся ко времени правления Девапалы — наскальная надпись (пращасты Виradeвы) из деревни Гхосраван, дистрикт Наланда, штат Бихар², и надпись на камне (пращасты Пахилы) из Национального музея Бангладеш (Дакка)³, предположительное место обнаружения — деревня Нимгачхи, дистрикт Сираджгандж, округ Раджшахи, Бангладеш. Заказчиками надписей религиозного содержания выступали ‘вриддха’ (старейшина) и ‘бхикшу’ (буддийский монах), а светских — ‘щилабхида’ (скульптор), жена ‘кааястхи’ (в Бенгалии — каста писцов) и сын правителя страны Питхи — ‘Питхи-пати’, — чье имя — Ящоварман — украшал эпитет ‘щри’ — ‘уважаемый, блистательный’. Кроме ‘Питхи-пати’ и ‘щри’ в панегирике Ящоварману указывались ‘адхипа’, ‘нрипа’ (эпитеты правителей) и ‘нааяка’ (руководитель, управляющий, надзиратель). Сам же правитель обозначался в надписях на крупных объектах первого периода эпитетами ‘щри’ — ‘блистательный, царственный’, ‘нрипа’, а даты его правления сопровождалась словами ‘дева-раджье’ — ‘во время царствования’ и ‘раджье-абхишека’ — ‘от времени помазания’.

Из семи надписей второго периода две относятся к Пундравардхана-бхукти, четыре — к Щринагара-бхукти и одна — к району Сарнатха, в 13 км к северу от Варанаси. Две из них буддийские, четыре — небуддийские (индуистские и джайнские), по одной информация отсутствует. Две относятся к категории обетных, три — панегирики (пращасты), при этом один из панегириков является одновременно записью о дарении. Это недатированная надпись Ящодасы, министра Раджьяпалы (пращасты Ящодасы), высеченная на камне из мечети в деревне Бхатурия, дистрикт Раджшахи, Бангладеш⁴. Два других панегирика — это надпись на камне (пращасты Бханудевы), встроенном в стену храма Махадевы, располо-

женного внутри комплекса храма Вишнупады в Гайе, дистрикт Гайя, штат Бихар, датированная седьмым годом правления Нараянапалы⁵, и недатированная надпись на колонне Рамы Гурувамиштры, министра Нараянапалы (пращасты Рамы Гурувамиштры), с изображением Гаруды из Бадала, в 6 км к северу от Сомапур Махавихары в Пахарпуре, дистрикт Джойпурхат, округ Раджшахи, Бангладеш⁶. Заказчиками надписей религиозного содержания выступали 'бхикшу-стхавира' (настоятель монашеской общины) и 'бхатта' (учёный брахман), а светских — 'ваник' (купец), 'шри' — 'уважаемый, блистательный'. Ящодаса описал своё продвижение по служебной лестнице тремя терминами: 'мантрин' (министр), 'сачива' (советник), 'тантр-адхикарин' (ответственный за администрацию). Государи Палов обозначались в надписях на крупных объектах второго периода терминами 'шри' / 'шримад' — 'блистательный, царственный', 'нрипа' / 'нрипати' / 'адхипа' / 'адхипати' — 'царь, правитель', 'парамешвара шри' / 'шриман парамешвара' (часть императорского титула), 'виджигишу нрипа' (император), 'Гаудешвара' — 'государь Гауда' (традиционное обозначение Палов). Даты их правления обозначались словами 'дева-раджье' — 'во время царствования'.

Из девяти надписей на крупных объектах третьего периода две относятся к Пундравардхана-бхукти, одна — к Бенгалии, к территории, расположенной к западу от русла Бхагиратхи, и шесть — к Шринагара-бхукти. Две из них буддийских, и семь — небуддийских (индуистских). Две обетных, одна — информативная, шесть панегириков (пращасты). Среди них четыре надписи принадлежат семейству брахманов, правивших в Гайе, штат Бихар, во времена Наяпалы — Виграхапалы III: надпись на камне, встроенном в ворота храма Кришнадварики в Гайе (пращасты Вишвадити), сделанная в 15 году правления Наяпалы⁷, надпись на камне, встроенном в алтарь Нарасимхи, входящий в комплекс храма Вишнупады в Гайе (пращасты Вишварупы), сделанная в том же 15 году правления Наяпалы⁸, недатированная надпись на каменной плите, являющейся подножием статуи Гададхары, Гайя, в ко-

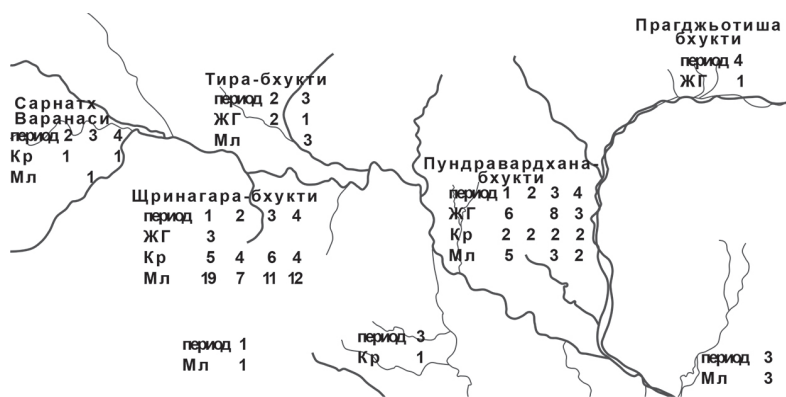
торой читаются только пять первых строк⁹, надпись на камне, встроенном в стену небольшого храма в Акшайя Вата врикша кшетра (площадка со священным деревом) в Гайе, (пращасты Вишварупы/Вшчвадхиры), сделанная в пятом году правления Виграхапалы III¹⁰, а также недатированная надпись на каменной плите (пращасты Мурртишривы) из археологического памятника Бангарх, расположенного в г. Гангарампур, дистрикт Южный Динаджпур, штат Зап. Бенгалия¹¹, и также недатированная фрагментированная надпись на каменной плите (пращасты) из деревни Сиян, дистрикт Бирбхум, штат Зап. Бенгалия¹², обе относятся ко времени правления Наяпалы. Заказчиком одной из надписей религиозного содержания выступал 'парамопасака' — светский приверженец буддийского учения, а заказчиками светских надписей — представители купеческой гильдии — 'ваниг-грама' и правители из сословия брахманов — 'маха-двиджа-раджа-вамща' (этот эпитет Д.Ч. Сиркар трактует как 'худшие из брахманов'). Им же присвоен эпитет 'шри' — 'уважаемый, блистательный'. Кроме того, в качестве тех, кто оформлял надписи, упомянуты 'вайдыя', 'ваджи-вайдыя' 'вайдыя-шри' — лекарь или учёный брахман, а также 'щильпин' — скульптор. Государи Палов обозначались в надписях на крупных объектах третьего периода терминами 'шри' / 'шримад' — 'блистательный, царственный' (около 12 упоминаний), 'нрипа' — 'царь, правитель', 'виджи-гишу нрипа шри' (император), 'Гаудараджа' — 'царь Гауда' (традиционное обозначение Палов). Даты их правления обозначались словами 'шриман ... дева-раджье' / 'шриман ... дева-раджье' — 'во время царствования'.

Из семи надписей четвёртого периода две относятся к Пундравардхана-бхукти, четыре — к Шринагара-бхукти и одна — к району Сарнатха, в 13 км к северу от Варанаси. Две из них буддийские, три — небуддийские (индуистские), по двум информация отсутствует. Одна, недатированная, найденная в деревне Нимдигхи, дистрикт Наогаон, округ Раджшахи, Бангладеш¹³, относится к категории мемориальных, будучи информацией о смерти Гопалы IV в битве, ещё одна,

высеченная на колонне, обнаруженной в деревне Арма, близ узловой железнодорожной станции Киул, дистр. Лакхисарай, штат Бихар¹⁴, является записью земельного пожалования, облагаемого налогами, совершённого вассалом Маданапалы в 14 году его правления, ещё три — панегирики (пращасты). Это надпись на каменной плите (пращасты Викрамавардханы) из археологического памятника Лоханипур вихара (другое название — холм Чапракот) близ деревни Лохани пара в 7 милях к югу от железнодорожной станции Бадаргандж, дистр. Рангпур, Бангладеш, сделанная в девятом году правления Гопалы IV¹⁵, недатированная и на сегодняшний день утерянная надпись на камне (пращасты Бхимадевы), предположительно из стены храма Шивы, стоявшего на берегу Ганги в районе Раджгхата, г. Варанаси, штат Уттар-Прадеш, выпущенная, скорее всего, во время правления Маданапалы¹⁶, и надпись на камне (пращасты Видьядхары) из стены алтаря с изображениями Шивалинги и Парвати, расположенного рядом с храмом Гададхары в Гайе, штат Бихар, составленная в 14 году от ухода Говиндапалы, дата соответствует 1232 г. эры Викрама или 1175 г.¹⁷ Заказчицей земельного пожалования была 'раджни' — царица, жена 'махамандалики' — правителя округа, заказчик мемориальной надписи наделён эпитетом 'щри' — 'уважаемый, блистательный', заказчики других надписей — аналогичными эпитетами 'щри' / 'щримад' / 'щриман', а также 'махасандхивиграхика' — министр мира и войны и 'гуггулина' — тот, кто возжигает благовония. Кроме того, в надписях упомянуты 'маханта' — 'настоятель монастыря', 'щри ... ранака' — 'феодал, вельможа, аристократ', 'нрипа', 'раджа' — 'правитель, царь', 'Питхи-пати' — правитель Питхи, 'маул-аматья-сабха' — 'совет наследственных министров', 'двиеда ... щри', 'двиджа' — брахман, 'ка[ястха]' — писец и каста писцов. Государи Палов обозначались в надписях на крупных объектах четвёртого периода терминами 'щри' / 'щримад' — 'блистательный, царственный', 'нрипа' — 'царь, правитель', 'Гауда-махибхрин', 'Гауда-аваниджани' — 'правитель Гауда' (традиционное обозначение Палов). Даты

их правления обозначались словами ‘щриман ... виджая-раджье’ — ‘во время победоносного царствования’ и ‘щри ... гата-раджье’ — ‘во время ушедшего царствования’.

Территориальное распределение надписей Палов по типам и периодам хорошо видно на Карте 1.

Карта 1

Территориальное распределение надписей Палов по типам и периодам.

Условные обозначения:

ЖГ — жалованные грамоты;

Кр — надписи на крупных объектах;

Мл — надписи на мелких объектах.

Карта показывает, что надписи Палов на крупных объектах присутствуют, в основном, в Пундравардхана-бхукти, Щринагара-бхукти и в Сарнатхе. В Тира-бхукти, к северу от русла Ганги, они отсутствуют.

Из 30 известных на сегодняшний день надписей на крупных объектах половина — 15 — это панегирики (пращасти), большая часть которых является восхвалением местных правителей, вассалов Палов. Один из панегириков одновременно содержит информацию о пожаловании. Из оставшихся 15 надписей — восемь обетных, одно пожалование, одна информативная и одна мемориальная. По остальным сведения

отсутствуют. Панегирики присутствуют в каждом из периодов; больше всего их в третьем. Половина из восьми обетных надписей на крупных объектах приходится на первый период, в четвёртом периоде их нет вообще.

Ценность надписей на крупных, а также мелких, объектах заключается, в частности, в том, что они сообщают о реальных событиях и людях; панегирики — в менее объективном виде, остальные надписи — более или менее объективно. Можно предполагать, что эпитеты, которыми награждались описывавшиеся в них персонажи, с большой степенью вероятности, соответствовали тогдашней действительности.

Тем самым создаётся основа для сопоставления и проверки сведений, содержащихся в жалованных грамотах Палов, в частности, длинных списков 'подданных', нуждающихся в дополнительном изучении и осмыслении.

СНОСКИ

1. MASI 66 (1942) 85–87
2. IA 17 (1888) 307–312; CBI 131–141
3. JBA 2 (1997) 111–120
4. EI 33 (1959–60) 150–154
5. EI 35 (1963–64) 225–228
6. EI 2 (1892–94) 160–167; CBI 150–163; JAИH 24 (2007–08) 73–82
7. CBI 141–150; EI 36 (1965–66) 84–86;
8. EI 36 (1965–66) 86–88
9. PB 82–83; EI 36 (1965–66) 88–89
10. EI 36 (1965–66) 89–92
11. JAИH 7 (1973–74) 135–155
12. JAИH 6 (1972–73) 39–47
13. IHQ 17 (1941) 207–216; EI 35 (1963–64) 228–233
14. EI 36 (1965–66) 42–44
15. JBA 6 (2001) 61–63; Centenary Commemorative Volume 110–117
16. EI 32 (1957–58) 277–282
17. CASIR 3 125 № 18; PB 109; EI 35 (1963–64) 233–238; PSSS 237–239 № 57

**СОВЕТСКО-АФГАНСКИЕ ПЕРЕГОВОРЫ
О ВОЕННОМ СОЮЗЕ В 1919–1920 гг.
(ПО АРХИВНЫМ ДОКУМЕНТАМ)**

Тихонов Ю.Н.

*д.и.н., Липецкий государственный педагогический
университет им. П.П. Семенова-Тян-Шанского, Липецк*

События, связанные с заключением первого советско-афганского Договора о дружбе, подписанного в Москве 28 февраля 1921 г., достаточно хорошо отражены в отечественной историографии. Значение этого дипломатического документа для укрепления отношений между Советской Россией и Афганистаном проанализировано в обширном количестве работ советских и постсоветских исследователей. Однако только после распада СССР для российских востоковедов стало возможным начать изучение секретных советско-афганских переговоров в 1919–1920 гг. о военном союзе против Великобритании. Однако открытие в 1990-х гг. фондов центральных российских архивов было трудным и неоднолинейным процессом: доступ к уже рассекреченным документам под разными предлогами прекращался. Особо следует отметить, что снятие грифа секретности с дипломатических документов чаще всего проводился «точечно», поэтому хронологически и тематически единого пласта документов о событиях «Большой игры» вокруг Афганистана в 1919–1920 гг. в научном обороте нет до настоящего времени.

На этом фоне совместный проект Архива внешней политики МИД РФ (АВП РФ) и Российского исторического общества,

посвященный 100-летию революции 1917 г., является событием долгожданным и весьма ценным для всей мировой исторической науки. Размещение на сайтах этих организаций значительного количества оцифрованных документов из фонда наркома иностранных дел Г.В. Чичерина позволяет восполнить многие «белые пятна» в истории советско-афганских отношений, включая вопрос о попытке заключения антибританского военного союза между Москвой и Кабулом.

Заключение антибританского союза с Афганистаном было одной из главных задач советской дипломатии на Востоке. Третья англо-афганская война 1919 г. и «англофобские» настроения эмира Амануллы-хана вселили в большевиков надежду, что главному противнику Советской России на международной арене — Великобритании — удастся нанести ощутимый удар в Индии.

Планы советского руководства в отношении Афганистана и Индии предусматривали два сценария действий:

а) «план максимум» предусматривал заключение военного союза с целью взаимодействия вооруженных сил Советской России и Афганистана не только против Британской Индии, но даже и на территории российского Туркестана;

б) «план минимум» предполагал спровоцировать новую англо-афганскую войну, ограничившись военной помощью Аманулле и приграничным пуштунским (патанским) племенам, вооруженная борьба которых должна была ускорить «революцию» в Индии.

Оба сценария действий большевистской дипломатии предусматривали использование восстания пуштунских племен, так как последняя англо-афганская война убедительно продемонстрировала тот факт, что британские войска не могут обеспечить оборону северо-западной границы Индии при восстании даже части патанских племен.

Первым советским послом, который имел полномочия и средства для заключения военного союза с Афганистаном, являлся Я.З. Суриц, прибывший в декабре 1919 г. в Кабул. 27 де-

кабря между советским дипломатом и афганским эмиром начались переговоры о заключении военного союза. Сразу встал вопрос о прямой военной помощи РСФСР Афганистану, о чем свидетельствует запись беседы, сделанная Сурицем: Аманулла-хан согласно этому документу прямо спросил советского дипломата: «В точности определите, что Россия может нам дать при немедленном выступлении?»¹. На что получил ответ Сурица: «Военным командованием во время моего отъезда из Ташкента были подготовлены к немедленной отправке в Афганистан две пехотные бригады — 16 тысяч человек, вооружение которых состоит из 12–15 тысяч винтовок, 800 пулеметов, 48 полевых орудий и отряд из шести аэропланов»². Видимо, данный ответ полпреда удовлетворил афганского монарха, и он перешел к обсуждению вопросов, связанных с размером советской военной помощи Афганистану.

Из советских дипломатических документов видно, что размеры этой помощи были определены еще до так называемых «январских переговоров» в Кабуле между Сурицем и Амануллой. Советская сторона согласилась с просьбой эмира предоставить ему 12 аэропланов, 6 зенитных орудий, 5 тысяч винтовок для афганской армии, 10 тыс. винтовок пуштунским племенам, радиостанцию и необходимое количество военных специалистов³. Кроме этого, Суриц обязался от имени советского правительства построить телеграфную линию Кушка–Герат–Кандагар–Кабул. Специалистам эти цифры знакомы, так как они стали базовыми при составлении секретного приложения к первому советско-афганскому договору 1921 г. (также секретному на момент его подписания).

В ходе переговоров Аманулла-хан подчеркнул необходимость оказания Афганистану финансовой помощи. Понимая, что этот вопрос является одним из главных, Суриц проявил на свой страх и риск большую щедрость. Он заявил, что «не может, при оторванности от Центра, делать конкретных обещаний помимо миллиона рублей золотом, но полагает, что русское правительство не остановится перед компенсацией

Афганистану потери английской субсидии»⁴. Таким образом, можно с уверенностью предположить, что он уже при первой встрече с эмиром вышел за рамки указаний НКИД о предоставлении афганцам разовой помощи в 1 млн. золотых рублей. Позже советской стороне придется согласиться на предоставление Афганистану ежегодной субсидии в этих размерах.

13 января 1920 г. в течение семи часов между Сурицем и афганскими представителями, включая самого эмира, шли переговоры о характере и условиях будущего советско-афганского союзного договора. За вступление в войну против Англии Аманулла-хан запросил до 100 тыс. винтовок с 60 патронами на каждую, 250 скорострельных орудий, 1,5 тыс. пулеметов и 50 млн. рублей золотом⁵. Одним словом, Советская Россия должна была перевооружить всю афганскую армию и оплатить все финансовые издержки в случае новой войны с Великобританией.

Советскому полпреду пришлось резко сбивать «цену»: вопрос о территориальных претензиях Афганистана откладывался на неопределенное время; субсидия не превышала 1 млн. рублей золотом; вместо 100 тыс. винтовок — 5 тыс. (и лишь при условии, что Афганистан не будет препятствовать доставке сражавшимся на тот момент с англичанами приграничным племенам 10 тыс. винтовок) и т. д.

Параллельно с переговорами Сурица в Кабуле обсуждение условий будущего «наступательно-оборонительного союза» проходило в Ташкенте между руководством Туркестанской Автономной Советской Социалистической республики (ТАССР) и афганской делегацией во главе с М. Вали-ханом. На тот момент больших расхождений между Москвой и Ташкентом о заключении союзного договора с Афганистаном не было. Турккомиссия энергично взялась за выработку условий этого договора, а Восточный отдел НКИД разработал один из первых его проектов, который отражал общий подход Центра и ТАССР к антибританскому союзу с Афганистаном. В указанном документе говорилось: «Через 6 месяцев по заключению

настоящего соглашения Афганистан и РСФСР направляют на помощь угнетенным индийским братьям свои армии, численность которых определяется особой военной конвенцией. РСФСР обязуется оказать Афганистану финансовую и материальную помощь (в виде военного снаряжения, аэропланов, телеграфов и т. п., а также инструкторов и других специалистов)»⁶. Один из пунктов этого документа предусматривал сотрудничество между командованием афганской армией и Туркестанского фронта с целью «координации военных операций и об образовании общих мусульманских военных частей»⁷. Таким образом, в начале 1920 г. большевистское руководство стремилось заключить с Афганистаном союзный договор, предусматривающий совместные военные действия против Индии.

Афганистан к новой войне не был готов и соглашался на военный союз с Советской Россией лишь на определенных условиях. Чтобы ускорить достижения конкретных результатов, афганская сторона 5 февраля 1920 г. вручила Сурицу ноту, в которой перечислило свои требования к советскому правительству в качестве платы за этот союз. В ноте прямо указывалось: «Если нижеследующие необходимые вещи будут вручены Афганистану, то военный союз возможен:

Пятизарядных винтовок от 80 000 до 100 000 с 600–800 патронами на каждый ствол.

От 250 до 300 орудий.

От 1000 до 1500 пулеметов.

Наличных денег 5000000 фунтов стерлингов в золоте или серебре, и всевозможных необходимых вещей, как было обещано»⁸.

Сам факт появления этого документа Суриц считал большим прогрессом в переговорах о заключении первого советско-афганского договора, так как ранее афганцы всеми способами уклонялись от составления любых письменных документов, справедливо опасаясь английского шпионажа. Составление ноты от 5 февраля 1920 г. свидетельствовало о том,

что Аманулла-хан решился пойти на заключение договора с Советской Россией, хотя и продолжал яростную борьбу за его условия.

Подобные условия были невыполнимы для Советской России, измученной длительной Гражданской войной. Кроме этого, британское правительство, осознав неизбежность победы большевиков в России, пошло на первые многообещающие контакты с советскими дипломатами в Европе. В связи с этим Москва резко взяла курс на отказ от военного союза с Афганистаном. 27 марта 1920 г. Суриц в своей телеграмме в НКИД дает четкое описание этого процесса: «По полученной шифровке Карахана № 447 союз [с Афганистаном] исключается, между тем, основываясь на инструкции Бройдо почтой Желчанов ясно, что союз взят за основу предстоящих переговоров, известив об этом афганцев. Шифровка Карахана № 453 аннулирует, как я уже писал, мои январские переговоры, сведя обещанную мною помощь к аэропланам и оружию. Шифровка № 448 аннулирует основу ташкентских [договоренностей]»⁹.

23 мая 1920 г. советское посольство в Кабуле получило долгожданные директивы Центра о военной и финансовой помощи Афганистану. Однако лишь 24 июня на заседании советско-афганской комиссии, созданной для обсуждения условий будущего договора, советский полпред ознакомил Аманулла с этой информацией. Афганская сторона была готова к тому, что советское правительство резко сократит объем запрашиваемой помощи, поэтому также уменьшила свои требования к РСФСР. В протоколе заседания комиссии указывалось, что Афганистан хотел получить финансовую помощь в размере 20 млн. рублей золотом, 30000 винтовок, 800 пулеметов, 50 орудий, 5 танков, 20 бронированных автомобилей, 8 зенитных орудий, 12 аэропланов, радиостанцию и оборудование порохового завода¹⁰. Одновременно Аманулла-хан настаивал, чтобы при возникновении войны между Афганистаном и «каким-либо государством», т. е. Великобританией, РСФСР «приходит ему на помощь всей своей живой силой и всеми ре-

сурсами»¹¹. Разумеется, после директив НКИД о свертывании всех переговоров о заключении антибританского «военно-наступательного» союза Суриц был вынужден отклонить и это афганское предложение. Заседание 24 июня 1920 г. можно считать поворотным пунктом в советско-афганских отношениях — после него Аманулла-хан, признав реальное положение вещей, отказался от идеи заключения военного союза с Советской Россией.

Таким образом, на основе анализа архивных документов АВП РФ становится очевидным, что планы по заключению военного антибританского союза сыграли большую роль при установлении дипломатических отношений между Афганистаном и РСФСР. Несмотря на отрицательное отношение Г.В. Чичерина к «военно-оборонительному» договору между Москвой и Кабулом, афганская сторона до июня 1920 г. настойчиво пыталась продолжить обсуждение условий этого договора.

СНОСКИ

1. АВП РФ. Ф. 04. Оп. 6. П. 44. Д. 606. Л. 92.
2. Там же.
3. Там же. Л. 93–94.
4. Там же. Л. 93.
5. Телеграмма полпреда Я.З. Сурица в Турккомиссию и НКИД. 17.01.1920 г. // АВП РФ. Ф. 071. Оп. 2. П. 102. Д. 2. Л. 18.
6. АВП РФ. Ф. 04. Оп. 6. П. 43. Д. 590. Л. 31.
7. Там же. Л. 31об.
8. Архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 122. Оп. 2. Д. 61. Л. 12.
9. РГАСПИ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 2179. Л. 1.
10. АВП РФ. Ф. 04. Оп. 6. П. 43. Д. 590. Л. 2 об.
11. Там же.

**ОПИСАНИЕ «ВНУТРЕННЕГО» И ЗАРУБЕЖНОГО
ВОСТОКА В ОБЗОРАХ СОВЕТСКИХ СПЕЦСЛУЖБ
1920–1930-х ГОДОВ: ТЕМЫ, ТЕРМИНЫ, ИДЕИ**

Христофоров В.С.

*член-корреспондент РАН, профессор РГГУ,
главный научный сотрудник ИРИ РАН*

Сложная военно-политическая обстановка, сложившаяся накануне событий 1917 года и в первые постреволюционные годы в Средней Азии и на Северном Кавказе, в Крыму, Татарии, Башкирии, Казахстане, а также в сопредельных с Россией (СССР) странах — Афганистане, Иране и Турции — требовала решения сложных задач по обеспечению геополитических интересов нашей страны на «собственном» и зарубежном Востоке. Более четырех лет потребовалось большевистскому руководству для организации системы контрразведывательной и разведывательной работы среди населения «восточных окраин» и в странах Среднего Востока, системы, способной вырабатывать особые методы в работе с нерусским населением СССР и сопредельных восточных стран, на сбор и анализ данных.

Историография, посвященная «восточному вектору» деятельности советских спецслужб, небогата. Необходимо отметить, что существенный вклад в ее изучение, введение в научный оборот документов Восточного отдела внесли известные российские ученые Д.Ю. Арапов¹ и Ю.Н. Гусева².

Архивные документы Восточного отдела ГПУ–ОГПУ (как неопубликованные, так и опубликованные) составили источ-

никовую основу настоящего исследования. К неопубликованным документам относятся материалы Центрального архива ФСБ России, связанные с деятельностью Восточного отдела ГПУ–ОГПУ: обзоры положений на «восточных окраинах» и сопредельных с ними стран (1922–1925 гг.); информационные сводки и аналитические записки по Средней Азии, Крыму, Северному Кавказу, по «контрреволюционным организациям» Кавказа, Туркестана и Крыма³.

Часть материалов, содержащихся в «восточных» обзорах, включалась в ежемесячные обзоры политического и экономического положения РСФСР (1922) и СССР (1923–1930 гг.), которые Информационный отдел ОГПУ докладывал высшему руководству страны⁴. Эти документы готовились ИНФО ГПУ–ОГПУ на основании данных госинформации и дополнялись материалами других подразделений: «Секретного (антисоветские партии и группировки, духовенство, интеллигенция), Особого (Красная армия), Контрразведывательного и Восточного (бандитизм), Транспортного (железнодорожные рабочие) отделов»⁵.

Сформированный в составе Секретно-политического управления ГПУ⁶, занимавшегося разработкой антисоветских политических партий и организаций, Восточный отдел (далее — ВО ГПУ–ОГПУ) развернул борьбу с «восточной контрреволюцией и восточным шпионажем» в Туркестане, Казахстане, на Кавказе, в Башкирской, Татарской и Крымской автономных республиках, а также поставил целью работы противодействовать местным «национально-религиозным контрреволюционным проявлениям», бороться со шпионажем восточных государств (Афганистан, Иран, Турция). Именно Восточному отделу была поручена разработка всего материала, получаемого закордонной частью Иностранного отдела (внешняя разведка, ИНО ГПУ–ОГПУ) из стран Востока, с правом давать ему соответствующие обязательные для исполнения оперативные задания⁷.

Восточный отдел функционировал в системе органов ГПУ–ОГПУ на протяжении восьми лет: с 1922 по 1930 гг. Это был сложный период становления советской власти в южных и восточных областях СССР, борьбы с сопротивлением элит в Средней Азии и на Северном Кавказе, решения политических и дипломатических задач в отношении государств Ближнего и Среднего Востока, которым отводилась особая роль в грядущей мировой революции: по мысли ее теоретиков, распад колониальной системы, выстроенной европейскими державами (прежде всего, Великобританией), должен был привести к разрушению основ империалистического мира; восстания в колониях должны были опрокинуть европейские правящие режимы. Отчасти этим и объясняется «смешанность» функционала ВО ГПУ–ОГПУ, объединившего и контрразведывательную, и разведывательную составляющую⁸.

Основным объектом внимания ВО ГПУ–ОГПУ и восточных отделов-отделений («восточных» уполномоченных) ПП ГПУ в регионах компактного проживания мусульман было национально-религиозное движение в среде нерусских народов, подавляющее большинство которых исповедовало ислам. Однако использовать востоковедческие знания имперского периода советские контрразведчики не могли по идейным соображениям: фактически им предстояло создать собственную «науку» о Востоке. Не случайно одной из ключевых задач, поставленных руководителем отдела Я.Х. Петерсом в первых циркулярных указаниях полномочным представительствам ОГПУ в регионах, стало изучение различных общественных, религиозных и светских течений и группировок в среде нерусских народов, аккумуляция всех видов информации о них⁹.

В настоящее время исследователям доступен значительный пласт архивных документов, связанных с деятельностью Восточного отдела, который мог бы внести существенный вклад в изучение как истории России первой трети XX в., так и истории советской ориенталистики.

Первую большую группу представляют нормативно-распорядительные документы: приказы ГПУ–ОГПУ по направлениям деятельности, циркулярные указания, директивы, ориентировки ВО ОГПУ. Они были связаны с деятельностью мусульманского духовенства, татарских национальных группировок и организаций (всего того, что в лексиконе советских спецслужб именовалось «национально-религиозная контрреволюция»).

Среди рассматриваемой группы документов необходимо выделить указания Восточного отдела ГПУ–ОГПУ местным органам о борьбе между прогрессивной (джаджидами) и традиционно настроенной частью мусульманского духовенства в Центральном духовном управлении (ЦДУ), дискуссиях внутри ЦДУ по вопросам о равноправии женщин и отношению к свержению халифа¹⁰ в Турции, усилении влияния мусульманского духовенства¹¹, проведении кампании среди мусульманского духовенства за полное уничтожение халифатских институтов, направлении сведений о деятельности татарских националистических группировок и духовенства¹².

Несомненный интерес для исследователей представляют циркулярные письма¹³, подготовленные в ВО ГПУ и направленные в ПП ГПУ на места, в которых ставились задачи «восточным органам ГПУ по приобретению и изучению материалов по истории национально-религиозного движения народов Востока», при этом подчеркивалось, что «литература, оставленная нам буржуазным строем <...> слишком тенденциозна». ВО ГПУ предлагал план, по которому следовало составлять исторические обзоры «национально-религиозного движения стран Востока», при этом фактический материал рекомендовалось представлять в материалистическом освещении¹⁴.

В циркулярных письмах содержалась информация о намерении Турции при содействии Великобритании закрепить свое влияние на Кавказе, об итогах работы Тюркологического съезда (октябрь 1926 г.) и настроениях интеллигенции после

съезда, борьбе между латинистами и неоарабистами, а также об организации внутреннего осведомления среди мусульманского духовенства¹⁵.

Особый интерес представляют весьма информативные по содержанию обзоры положения на восточных окраинах РСФСР—СССР и в сопредельных странах Востока, затрагивающие ситуацию на «восточных окраинах» СССР, в сопредельных государствах — Персии, Турции, Афганистане и других восточных странах. Перечень обнаруженных в ЦА ФСБ России обзоров приведен в Таблице 1.

Таблица 1. Данные об обзорах ВО ОГПУ за период с 1922 по 1927 гг.

№ п/п	Наименование	За какой период составлен обзор
№ 1	Обзор о положении Восточных окраин РСФСР и сопредельных стран к 1 июля 1922 г.	январь—июнь 1922 г.
№ 2	Обзор сопредельных стран Востока и внутри федеративных республик с мусульманским населением	июль 1922 г.
№ 3	Обзор Сопредельных стран Востока и внутри федеративных республик с мусульманским населением	сентябрь—октябрь 1922 г.
№ 4	Обзор положения на Восточных окраинах СССР и в сопредельных с ними странах	ноябрь—декабрь 1922 г.
№ 5	То же	январь—май 1923 г.
№ 6	То же	июнь 1923 г.
№ 7	То же	июнь—октябрь 1923 г.
№ 8	То же	ноябрь—декабрь 1923 г. — 15 января 1924 г.

№ п/п	Наименование	За какой период составлен обзор
№ 9	То же	с 16 января по 15 февраля 1924 г.
№ 10	То же	с 15 февраля по 1 апреля 1924 г.
№ 11	То же	с 1 апреля по 15 мая 1924 г.
№ 12	То же	с 1 мая по 1 июня 1924 г.
№ 13	То же	с 1 июня по 1 июля 1924 г.
№ 14	То же	с 1 июля по 1 августа 1924 г.
№ 15	То же	за август и сентябрь 1924 г.
б/н	Краткий информационный обзор о положении на Восточных окраинах СССР и сопредельных с ним странах	январь–июнь 1925 г.
б/н	Обзор ВО ОГПУ о политическом положении в национальных восточных республиках, о деятельности антисоветских партий и националистических группировок интеллигенции	июнь–июль 1927 г.

Из Таблицы 1 видно, что в действительности центр смог наладить систематический сбор и анализ информации только в последнем квартале 1924 г.: обзоры стали готовиться с определенной периодичностью, качество их подготовки улучшилось.

Интересны разделы в обзорах, введившиеся ВО ОГПУ. Так, к странам Ближнего Востока ВО ОГПУ в обзорах № 5, 6, 7, 8 относил: Турцию, Персию, Закавказье (Грузию, Армению, Азербайджан), Северный Кавказ, Горскую Республику, Чечню и Дагестан. К странам Среднего Востока: Туркестанскую ССР, Бухарскую НССР, Хорезмскую НССР, Бурятию (?!), Татарию (?!), Киргизию (Казахстан), Афганистан¹⁶.

Обзоры не только не предназначались для открытой печати, но и внутри системы ОГПУ они были документами ограниченного ознакомления. На всех документах, начиная с чет-

вертого, в правом верхнем углу имелась пометка: «Поскольку обзоры ВОГПУ, начиная с настоящего, являются сводкой разработок как его самого, так и местных органов ГПУ, хранить их наравне с шифром, давая их для прочтения только особенно доверенным и ответственным сотрудникам»¹⁷. Знакомиться с ними мог весьма узкий круг людей. Так, обзор «О состоянии восточных окраин Союза на 20 июня 1926 года» был составлен по заданию В.Р. Менжинского и доложен ему, а также разослан «товарищам по списку», в который входили полпреды ОГПУ по Закавказской, Узбекской и Туркменской ССР, Башкирской, Казахской, Крымской, Татарской АССР, Дальневосточного, Северокавказского и Сибирского краев.

То же самое можно сказать о ежемесячных обзорах политического и экономического состояния РСФСР–СССР. Ввиду совершенно секретного характера информации обзоры надлежало хранить наравне с шифрами. Снимать копии с обзоров и делать из них выписки «не допускалось ни в коем случае». Начальники губернских отделов ОГПУ и ПП ОГПУ могли предоставлять их для прочтения секретарям обкомов, губкомов, краевых комитетов и Бюро ЦК РКП, а также председателям губисполкомов и ЦИКов автономных республик¹⁸.

Особое внимание работников ВО ОГПУ также привлекали данные о различных формах социальной активности мусульман в региональном и мировом масштабе (съезды ЦДУМ и мусульманские конгрессы за рубежом), о паломничестве в Мекку и антиваххабитской кампании на Востоке. Восточный отдел ОГПУ направлял в ПП ОГПУ указания контролировать составы делегатов на съезды, внедрять в их число своих людей, не допускать принятия съездами резолюций антиправительственного характера. Материалы об этом суммировались в виде сводок, сводных обзоров и докладов, докладных записок, направлявшихся партийно-государственному руководству, местным ПП, в Агитпроп и Антирелигиозную комиссию ЦК РКП(б)¹⁹.

Геополитические интересы советского государства, обращенные на Восток и специфически преломленные в деятельности работников Восточного отдела, могут быть изучены на основании его переписки с дипломатическими структурами. Интересен блок материалов, отражающих проблему халифатизма: отношения российских мусульман и их лидеров к ликвидации халифата, ответной реакции спецслужб на эти события. В документах переписки с НКВД обозначены не только большевистские установки в отношении крупных идеологических конструкторов типа «панисламизма», «пантюркизма», «панарабизма», нарождавшегося ваххабизма, но и вопросы сбора информации в странах Ближнего и Среднего Востока, взаимодействие с ведущими политическими силами и лидерами Аравии, Египта, Судана, Турции, Афганистана и Персии.

Вторую значительную по объему и важную по содержанию группу материалов составляет переписка Восточного отдела со структурными подразделениями ОГПУ в центре и на местах. Переписка ВО ОГПУ и ПП ОГПУ республик, областных и губернских отделов ОГПУ позволяет реконструировать обстановку в каждом регионе, выявить общие тенденции развития политической обстановки в том виде, как она представлялась работникам спецслужб.

Выявлено значительное число документов, отражающих обмен мнениями сотрудников Восточного отдела с коллегами из Татарской и Башкирской АССР, а также Северного Кавказа и Закавказья, Казахстана, в меньшей степени — из Средней Азии. Рассматривая специфику подобных материалов, следует отметить, что в переписке ВО ОГПУ с ПП по Юго-Востоку и Северо-Кавказскому краю большое место уделялось обстановке на юго-востоке России, политико-экономическому положению Кавказской Горской республики, деятельности т. н. националистических панисламистских партий и группировок, борьбе с бандитизмом, разработке мусульманского духовенства на территории Северного Кавказа и Дагестана, Карачево-Черкесской автономной области, Кабардино-Балкарской

автономной области, разработке иттихадистских (партия «Иттихате-Ислам») и других националистических группировок, бехаистских организаций, групп и ячеек в Дагестане, контрреволюционных и бандитских элементов на Северном Кавказе. В сводках ПП ОГПУ Северо-Кавказского края и Дагестана приводятся характеристики низового советского аппарата, данные о деятельности мусульманского духовенства, шейхизме и мюридизме в Дагестане и Чечено-Ингушетии, национальном движении в Чечне и «основных моментах мусульманской религии», деятельности кулацко-антисоветского элемента и мусдуховенства в Дагестане и национальных областях Северо-Кавказского края. Большое значение для исследователей имеет обзор ПП ОГПУ Дагестана от 17 ноября 1930 г. по делу ликвидированной контрреволюционной панисламистской организации «Урватул-Вуска»²⁰.

В переписке ВО ОГПУ с подразделениями ОГПУ Волго-Уральского региона выделяется значительное число документов (докладов и сводок) о политическом положении в Татарии и Башкирии, деятельности татарских и башкирских националистов и мусульманского духовенства, ваисовском движении, восстании в Мензелинском и Чистопольском уездах, об активных деятелях панисламистского движения, религиозно-национальном движении среди татар, деятельности националистических группировок и мусульманского духовенства в Татарской республике, о деятельности национальных элит и мусульманского духовенства на территории Татарии и Башкирии, о политическом положении в Башкирии (1923–1924 гг.), деятельности татарских и башкирских националистов и мусульманского духовенства²¹.

Особый интерес в делопроизводственных документах представляют характеристики заметных фигур российского мусульманства, данные сторонними наблюдателями, свидетельства их общения и сотрудничества с советскими чиновниками. Например, материалы о взаимодействии М. Бигиева с работниками Восточного отдела ОГПУ²².

Документы свидетельствуют о том, что ВО ОГПУ очень внимательно следил за событиями, связанными с арестом М. Султан-Галиева, тщательно выявляя круг его потенциальных сторонников. Восточный отдел ОГПУ информировал советское руководство о деятельности султангалиевской татарской националистической организации в Москве, Татарии, Башкирии и Крыму, обращал внимание местных органов на активизацию националистических кругов, группировавшихся вокруг Султан-Галиева. Итогом этой активной деятельности стало раскрытие «контрреволюционной тюркской националистической организации», якобы возглавляемой бывшим представителем Татарской республики при ВЦИК Султан-Галиевым²³.

Местные органы ГПУ в Казахстане держали под постоянным контролем бывших алашордынцев, которые «по-прежнему критически относились к мероприятиям советской власти, но внешне скрывали свое настроение», о чем регулярно информировали Центр²⁴.

III ГПУ Крыма регулярно направляло в ОГПУ докладные записки и сообщения о деятельности татарских националистических группировок в Крыму и мусульманского духовенства, армянских партий «Гнчак» и «Дашнак-Цутюн» на территории Крыма. Ценную информацию для востоковедов и исламоведов представляют переводы статей, подготовленных для религиозного журнала «Асры-Мусульманлык», которые направлялись на заключение в Восточный отдел ОГПУ²⁵. Крымское националистическое движение носило, по мнению ОГПУ, «кулацкий характер» и опиралось на поддержку мусульманского духовенства. Их совместная работа заключалась в нелегальном преподавании религии и пропаганде против советских школ (особенно в районах Феодосии и Евпатории)²⁶.

В самом начале деятельности Восточного отдела, в первом циркуляре 1922 г., Я.Х. Петерс отмечал, что центр планировал регулярно направлять на места: 1) разъяснения общего

характера (циркулярные письма); 2) «конкретные указания по отдельным вопросам борьбы с национальной и религиозной контрреволюцией». Кроме того, «Востокотдел ежемесячно составляет обзоры по окраинам РСФСР и сопредельных стран с включением материалов, освещающих восточную политику империалистических держав и Совроссии — направляет их в регионы». Петерс, отмечая, что в архивах различных учреждений России накопился очень ценный материал по Востоку, оценивал его как «сырой материал, могущий быть использованным только при значительной его обработке достаточно компетентными лицами и притом лишь с помощью метода исторического материализма». Для разработки архивных материалов на местах необходимо было использовать «местные силы — туземных коммунистов, интеллигентов и общественных деятелей, особенно специально занимающихся изучением истории своего народа (независимо от характера их политических убеждений)». ВО ГПУ рекомендовал обратиться «к ним с просьбой о составлении исторических обзоров и разработки отдельных вопросов»²⁷.

Как видно, в целом работа выстраивалась в соответствии с заявленными направлениями. Вместе с тем, спустя пять лет с момента создания отдела в одном из документов (циркуляр № 156522 от 8 июля 1927 г.) руководство ВО ОГПУ признавало: «Абсолютное отсутствие времени и сил не дало нам возможности выполнить одну из задач, кои мы себе поставили — дать местам некий законченный труд по интеллигенции и антисоветским партиям и группировкам на наших восточных окраинах — так, как мы ее проектировали». Тем не менее результатом деятельности ВО ГПУ–ОГПУ в 1922–1930 гг. стало накопление разносторонней информации об обстановке на внутреннем и зарубежном Востоке, в том числе, значительный объем информации «компрометирующего» характера в отношении лидеров национальных движений и организаций, отстаивавших собственную точку зрения на проблемы национального строительства. В центре «контр-

революционной» повестки вполне ожидаемо с учетом общего антирелигиозного вектора развития советского государства оказалась и религиозная элита: исламская, буддийская.

Анализ тематики и общего содержания вышеуказанных документов позволяет сделать следующие выводы. В эпицентре внимания «восточных» контрразведчиков находилась, прежде всего, разнообразная деятельность мусульманского духовенства — наиболее влиятельной социальной группы в среде «восточных» народов, которая преимущественно трактовалась как «панисламистская». Она могла приобретать и «националистический» оттенок, если религиозные лидеры в силу разных причин шли на контакт с социально активными представителями национальных элит. Не упускались из виду и наиболее одиозные (с точки зрения) деятели национальных движений, их контакты внутри страны и за рубежом.

Очевидно, что сформированный в документах отдела образ «Востока», «восточных окраин», «восточных народов» был лишен аналитической абстрактности, свойственной востоковедческой науке, но, вместе с тем, именно он зачастую имел решающее значение при принятии политических решений высшим руководством страны. В его недрах формировался образ «хорошего» или «плохого» мусульманина, буддиста и пр.; «красного» или «контрреволюционно настроенного» представителя национальной или религиозной элиты. Для многих из них подобные оценки будут роковыми. В связи с этим научное и общественно-политическое значение материалов ВО ГПУ–ОГПУ невозможно переоценить.

ПРИМЕЧАНИЯ И СНОСКИ

1. *Арапов Д.Ю., Косач Г.Г.* Ислам и мусульмане по материалам Восточного отдела ОГПУ. 1926 год. М.; Нижний Новгород, 2007. 130 с.
2. *Гусева Ю.Н.* Российский мусульманин в XX веке (на материалах Среднего Поволжья). Самара, 2013. 416 с.; *Ее же.* Первые циркуляры Восточного отдела ОГПУ 1922–1923 гг.: советская

- контрразведка и «восточный» вектор российской политики // Отечественные архивы. 2018. № 2. С. 56–61.
3. Сводки готовились в количестве от 9 до 15 экземпляров и направлялись: в НКВД — Карахану; руководству ОГПУ (Менжинскому, Ягоде); начальнику Восточного отдела; а также в ПП ОГПУ Башкирии, Крыма, Татарии, СКК, Дальнего Востока, Средней Азии, Казахстана.
 4. ЦА ФСБ России. Ф. 2. Оп. 2. Д. 752. Л. 1–148.
 5. *Виноградов В.К.* Об особенностях информационных материалов ОГПУ как источника по истории советского общества / «Совершенно секретно»: Лубянка — Сталину о положении в стране (1922–1934 гг.). Т. 1. 1922–1923 г. Ч. 1. М., 2001. С. 31–73.
 6. Постановлением Президиума ЦИК СССР от 15 ноября 1923 г. в связи с образованием в 1922 г. СССР ГПУ при НКВД РСФСР преобразовано в Объединенное государственное политическое управление (ОГПУ). В 1934 г. ОГПУ вошло в состав НКВД СССР.
 7. Более подробно о создании и деятельности Восточного отдела ГПУ–ОГПУ см.: *Карташов А.А.* Восточное направление в деятельности ВЧК–ОГПУ / ВЧК (1917–1922): к столетию создания / Сборник статей и документов. М., 2017. С. 349–364; *Христофоров В.С.* История страны в документах архивов ФСБ России: Сборник статей и материалов. М., 2013. С. 202–209.
 8. Опять же не случайно Восточный отдел будет расформирован в 1930 г., когда идея мировой революции канула в лету, приближалось время Большого террора, и в специфической «восточной» структуре советские спецслужбы более не нуждались.
 9. Подробнее см.: *Гусева Ю.Н.* Первые циркуляры Восточного отдела... С. 56–61.
 10. Халиф — в ряде стран мусульманского Востока титул верховного правителя, соединяющего духовную и светскую власть. 3 марта 1924 г. Мустафа Кемаль подписал указ об упразднении Халифата в Турции и приказал правителю Стамбула вынести решение о выдворении из Турции Халифа Абдульмаджида до утра следующего дня.
 11. «Совершенно секретно»: Лубянка — Сталину о положении в стране (1922–1934 гг.). Т. 2. 1924 г. М., 2001. С. 53, 88, 110, 159.
 12. ЦА ФСБ России. Ф. 2. Оп. 1. Д. 656; Ф. 2. Оп. 1. Д. 677–678, 691; Оп. 1.5. Д. 326.

13. Более подробно см.: *Гусева Ю.Н.* Первые циркуляры Восточного отдела ОГПУ 1922–1923 гг.: советская контрразведка и «восточный» вектор российской политики // *Отечественные архивы*. 2018. № 2. С. 56–61.
14. ЦА ФСБ России. Ф. 1. Оп. 6. Д. 19. Л. 178–189.
15. ЦА ФСБ России. Ф. 1. Оп. 6. Д. 19. Л. 178–189; Ф. 2. Оп. 2. Д. 693; Оп. 3. Д. 526. Л. 19.
16. ЦА ФСБ России. Ф. 7. Оп. 1. Д. 20. Л. 201, Л. 237–273, 300–309, 317–326.
17. ЦА ФСБ России. Ф. 2. Оп. 2. Д. 752. Л. 201.
18. «Совершенно секретно»: Лубянка — Сталину о положении в стране (1922–1934 гг.). Т. 2. 1924 г. М., 2001. С. 39.
19. См.: ЦА ФСБ России. Ф. 2. Оп. 1. Д. 725, 726, 727; Оп. 2. Д. 698; Оп. 4, Д. 398, 399; Оп. 5. Д. 329.
20. ЦА ФСБ России. Ф. 2. Оп. 2. Д. 68; Оп. 3. Д. 525, 551, 552, 553, 554; Оп. 3. Д. 539; Оп. 4. Д. 388. Оп. 7; Д. 677, Оп. 8; Д. 881. Оп. 11; Д. 1520.
21. ЦА ФСБ России. Ф. 2. Оп. 1. Д. 661, 665–666, 683, 688–690; Оп. 6. Д. 428.
22. ЦА ФСБ России. Ф. 2. Оп. 2. Д. 668. Л. 20–24.
23. ЦА ФСБ России. Ф. 2. Оп. 5. Д. 312; Оп. 7, Д. 408; Оп. 8, Д. 531; Н-6169.
24. «Совершенно секретно»: Лубянка — Сталину о положении в стране (1922–1934 гг.). Т. 2. 1924 г. М., 2001. С. 110.
25. ЦА ФСБ России. Ф. 2. Оп. 1. Д. 662, 680–683; Оп. 4. Д. 401; Оп. 7. Д. 384.
26. ЦА ФСБ России. Ф. 2. Оп. 2. Д. 752. Л. 47–48.
27. ЦА ФСБ России. Ф. 1. Оп. 6. Д. 19. Л. 178–183.

SUMMARY

The modern Russian oriental studies accumulated a huge collection of papers based on archival documents pertaining to historical events, notes and reports by scholars, diplomatic and military staff — faithful servants of the Fatherland. Most of the archival documents are the private diaries and letters, maps, photographs and pictures extremely valuable for scholars as documentary sources. Without this enormous heritage it is impossible to carry out any oriental studies in various fields of research — philology, history, economics, politics, and culture of the Orient.

Collecting the archival materials dedicated to a certain subject is quite a complicated process. The selected papers are different in nature, coverage, reliability, integrity and readability. Taking into account the peculiarity of the oriental languages, one should be very attentive to the scripts, calligraphic and cryptographic particulars of a document. Archival files, dossiers and records potentially fruitful for a scholar are often hard to be predicted, this is why an archival research may be put as an archeological expedition, and the finding of a forgotten document may become a discovery of a historical landmark.

The presented collection is aimed at outlining the contemporary scope of research interests of Russian oriental studies scholars, their professional competence and expertise in a wide range of subjects. The volume will hopefully be interesting both for specialists and ordinary readers.

The volume presents the proceedings of the V International academic conference aimed at commemorating the 200 years anniversary of the Oriental Studies Institute under the Russia

Academy of Sciences. The conference was attended also by a number of Russian and foreign scholars from the leading academic institutions who presented their reports and papers. The comprehensive list of the above participants and their contributions has been shown in the present volume.

Ünal U. Özlenen dünya barışında arşivlerin rolü ve önemi.

Ünal U. The role and importance of archives in the desired world peace.

Anaiban Z.V. Historical and archival discourse on the Tuva joining the USSR.

Anikeyeva T.A., Zaitsev I.V. Papers on the Turk folklore in the Russian archives.

Antoshin A.V. Russian anti-Communist emigration in East Asia during «the cold war»: new documents from the archives of the USA and Germany.

Arslanova A.A. Persian manuscripts from the collections of G. Barudi and Sh. Marjani in the Fund of the Scientific library after N. Lobachevsky of Kazan (Volga region) Federal University.

Belyakov V.V. Soviet mission in Egypt.

Valeev R.M., Valeeva R.Z., Vasilyuk O.D., D'yakov N.N., Kirilina S.A., Martynov D.E., Mejer M.S., Hajrutdinov D.R. Pages of the history of Russian Oriental studies: correspondence of Crimean with Russian Orientalists (V.R. Rosen, V.V. Barthold, V. Minorsky).

Vasary I. The history of the Golden Orda studies in Europe and Russia.

Vasil'ev A.D., Vasil'ev D.D. What Russian regimental newspapers published on the Caucasian front in the First world war.

Gorbunova N.M. The Lebanon-Turkey relations in the XXIth century.

Drobyshev Y.I. The coverage of the Mongol imperial insight in the medieval european sources.

Zhigul'skaya D.V. Alevis vs Alawites in Turkey: from general to particular (papers based on the field studies in Hajibekdash of Khatai province).

Kadyrbaev A.Sh. E.V. Putyatin's reconnaissance mission in the Bosphorus and Dardanelles Straits in 1833 (based on the materials of the Russian state archive of the Navy).

Konchak I. Why Vasily Petrovich Nikitin did not decide to move to Poland? Analysis of correspondence Nikitin Tadeusz Kowalski.

Korkmasov A.Dzh. The first Russian — language newspaper in Turkey — «Istanbul news».

Kurnikova O.M. Travel notes of diplomats and travelers as a geographical source on the history of eyalet Kefa XV–XVIII centuries.

Malevinskaya M.E. RSAN funds as a source for the study of issues of Oriental.

Mishkinene G.A. Study and publication of Eastern texts of Lithuanian Tatars.

Mustakimov L.A. Sen' D.V. Eastern sources of the history of relations between the Ottoman Azov and the don Cossacks.

Romanova N.G. The history of the Moscow oriental studies (papers based on the Kremlin archives).

Ryzhinkov M.R. Collection of materials on Asia.

Stolyarov A.A. Inscriptions on large objects as a source on the history of early medieval India (on the example of the inscriptions of the Pala dynasty).

Syzdikova Zh.S. The contribution of the Russian research expeditions to the Central Asian of the end of the XIXth — beginning of the XX centuries.

Tikhonov Yu.N. Soviet-Afghan negotiations on the military union in 1919–1920 (according to archival documents).

Hristoforov V.S. Description of the “internal” and foreign East in the reviews of the Soviet special services of the 1920s–1930s: themes, terms, ideas.

Научное издание

Труды Института востоковедения РАН
Выпуск 17

АРХИВНОЕ ВОСТОКОВЕДЕНИЕ
(Материалы симпозиума к 200-летию ИВ РАН)

*Утверждено к печати
Институтом востоковедения РАН*

Верстка О.Н. Морозовой

Подписано 17.10.2018.
Формат 60 x 90/16. Бумага офсетная
Усл. печ. л. 15,75. Уч.-изд. л. 10,8
Тираж 300 экз. Заказ № 671.

Федеральное государственное
бюджетное учреждение науки
Институт востоковедения РАН
107031 Москва, ул. Рождественка, 12
Научно-издательский отдел
Зав. отделом И.В. Федулов. E-mail: izd@ivran.ru

Отпечатано в типографии
ООО «Издательство МБА»
Москва, ул. Озёрная, д. 46. Тел.: (495) 726-31-69;
(495) 968-24-16; (495) 623-45-54; (495) 625-38-13.
e-mail: izmba@yandex.ru
Генеральный директор С.Г. Жвирбо